

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА

ISSN 2073-3984

1

[9]

2017

2017 № 1 [9]

**ТЕРРИТОРИЯ
НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

**ВЕСТНИК
ВЛАДИВОСТОКСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА**

.....

Учредитель и издатель:
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

Издается с 2009 г.

Владивосток
2017

ISSN 2073-3984

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Т.В. Терентьева* – *председатель совета*, доктор экономических наук, профессор, ректор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)
- Г.И. Лазарев* – доктор экономических наук, профессор, президент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)
- Nguyen An Ha* – associate professor, PhD, доцент, директор Института Европейских исследований Вьетнамской академии социальных наук (Ханой, Вьетнам)
- Do Huong Lan* – PhD, заместитель директора по исследовательской и учебной работе, преподаватель факультета международной экономики и бизнеса Университета внешней торговли (Ханой, Вьетнам)
- W.L. Clayton* – профессор Международной экономики университета Джонса Хопкинса, Школа передовых международных исследований (САИС) (Балтимор, США)
- С.Ю. Алимов* – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Российско-таджикского (славянского) университета (Душанбе, Таджикистан)
- П.Я. Бакланов* – доктор географических наук, академик РАН (Владивосток, Россия)
- Т.М. Бойцова* – доктор технических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Ю.Г. Евтушенко* – доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Вычислительного центра им. А.А. Дородницына Российской академии наук (Москва, Россия)
- В.В. Желтов* – доктор философских наук, профессор (Кемерово, Россия)
- Н.А. Смирнова* – доктор технических наук, профессор Костромского государственного технического университета, председатель КРО ООО «Союз дизайнеров России» (Кострома, Россия)
- Г.П. Старкова* – *заместитель председателя совета*, доктор технических наук, профессор (Владивосток, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.П. Латкин* – *главный редактор*, доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- О.Ю. Ворожбит* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Л.И. Кирсанова* – доктор философских наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Н.А. Коноплева* – доктор культурологии, профессор (Владивосток, Россия)
- В.В. Крюков* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- С.Ф. Литвинова* – доктор юридических наук, доцент (Владивосток, Россия)
- Л.С. Мазелис* – доктор экономических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- А.Ю. Мамычев* – доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент (Владивосток, Россия)
- Л.М. Медведева* – доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- Г.В. Петрук* – кандидат педагогических наук, доцент (Владивосток, Россия)
- В.П. Смагин* – доктор физико-математических наук, профессор (Владивосток, Россия)
- К.С. Солодухин* – доктор экономических наук, доцент (Владивосток, Россия)

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

2017 № 1 [9]

THE TERRITORY
OF NEW OPPORTUNITIES

THE HERALD
OF VLADIVOSTOK
STATE UNIVERSITY
OF ECONOMICS AND SERVICE

.....

Founder and publisher:
Vladivostok State University
of Economics and Service

Published since 2009

Vladivostok
2017

ISSN 2073-3984

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

- T.V. Terentyeva – *Chairman of the Editorial Council*, Doctor of Science, Economics, President Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- G.I. Lazarev – Doctor of Science, Economics, Professor, Chancellor Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- Nguyen An Ha – Associate Professor, PhD. Institute For European Studies, Vi Vietnamese Academy of Social Sciences, Director (Vietnam, Hanoi)
- Do Huong Lan – PhD, Deputy Head of Research and Academic Affairs; Lecturer of Faculty of International Economics and Business Foreign Trade University (Vietnam, Hanoi)
- W.L. Clayton – Professor of International Economics, Johns Hopkins University School of Advanced International Studies (Baltimore, SAIS)
- S.Y. Alimov – Doctor of Law (Jurisprudence Sciences), Professor, Head of Department of State and legal disciplines, Russian-Tajik (Slavonic) University (Dushanbe, Tajikistan)
- P.Y. Baklanov – Doctor of Geographical Sciences, member of the Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
- T.M. Boytsova – Doctor of Engineering Science, Professor (Vladivostok, Russia)
- Y.G. Evtushenko – Doctor of Physico-Mathematical Sciences, member of the Academy of Sciences, Director of computer center of A.A. Dorodnitsyn of the Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- V.V. Zheltov – Doctor of Philosophy Sciences, Academician of the Academy of Political Science, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
- N.A. Smirnova – Doctor of Technical Sciences, Professor cathedra design, technology, materials and examination of consumer goods Kostroma State Technical University (Kostroma, Russia)
- G.P. Starkova – *Vice-chairman of the Editorial Council*, Doctor of Engineering Science, Professor, (Vladivostok, Russia)

EDITORS

- A.P. Latkin* – *Head Editor*, Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- O.Y. Vorozhbit* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- L.I. Kirsanova* – Doctor of Philosophy, Professor (Vladivostok, Russia)
- N.A. Konopleva* – Doctor of Culturology, Professor (Vladivostok, Russia)
- V.V. Kryukov* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- S.F. Litvinova* – Doctor of Law, Associate Professor (Vladivostok, Russia)
- L.S. Mazelis* – Doctor of Economic, Professor (Vladivostok, Russia)
- A.Yu. Mamychev* – Doctor of Political Science, Candidate of Law, Associate Professor (Vladivostok, Russia)
- L.M. Medvedeva* – Doctor of Historical Sciences, Professor (Vladivostok, Russia)
- G.V. Petruk* – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Vladivostok, Russia)
- V.P. Smagin* – Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Vladivostok, Russia)
- K.S. Solodukhin* – Doctor of Economic, Associate Professor (Vladivostok, Russia)

The editorial Board is guided by the provisions of Chapter 70 “Copyright” of the Civil code of the Russian Federation and recommendations of the International Committee on publication ethics (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Published materials, opinions and conclusions may not coincide with the point of view of the publisher. The authors are responsible for the originality of the publication, selection and accuracy of facts, quotes, statistics, personal names, geographical names and other information, as well as the use of data that is not intended for the press.

Copying or quoting the publications needs a direct link to the journal.

Содержание

Терентьева Т.В.

Территория новых возможностей открыта для инвестиционных проектов будущего

7

Инвестиционные проекты будущего

Латкин А.П., Веркеенко В.В., Белоглазова В.А.

Туристско-рекреационный кластер «Приморское кольцо» – приоритетный проект развития Приморского края

9

Политические науки

Мамычев А.Ю.

«Постдисциплинарный дискурс» архетипических исследований: постановка проблемы

18

Голобоков А.С.

Морское военно-политическое взаимодействие России, Китая и США в АТР: динамика международных и региональных противоречий

26

Экономические науки

Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т.

Пространственная дифференциация и трансформация видов экономической деятельности в северной зоне Дальнего Востока России

39

Кметь Е.Б.

Методический подход к оценке конкурентоспособности приграничных территорий

50

Андреев В.А.

Совершенствование оценки эффективности реализации государственных программ Приморского края

68

Лебединская Ю.С.

Применение метода гомеостатики в разработке организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края

78

Конвисарова Е.В., Семенова А.А.

Особенности методического инструментария анализа финансового состояния субъектов малого бизнеса

86

Юридические науки

Апольский Е.А.

Метатеория диссертационных государственно-правовых учений: актуализация проблемы

95

Шаповалова Г.М.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: цифровая культура как новый культурный феномен в предотвращении информационных вызовов и угроз

101

Contents

Terentyeva T.V.

The Territory of new opportunities opens for investment projects of the future

The Investment Projects of the Future

Latkin A.P., Verkeenko V.V., Beloglazova V.A.

Tourist and recreational cluster «PrimRing» is a priority development project for Primorsky Region

Political science

Mamychev A.Yu.

«Post-disciplinary discourse» of archetypal research: formulation of the problem

Golobokov A.S.

Naval military and political interaction of Russia, China and U.S. in the Asia-Pacific: dynamics of international and regional contradictions

Economics Science

Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T.

Geographical differentiation of territorial structures of economy and its change in Pacific Russia

Kmet E.B.

Methodical approach to assessment of competitiveness of the border territories

Andreev V.A.

Enhancement of the public programs efficiency estimation in Primorsky Region

Lebedinskaya Yu.S.

The application of the method of homeostatic in the development of organizational-economic mechanism of management of the tourist cluster in Primorsky Region

Konvisarova E.V., Semenova A.A.

Features methodological tools of analysis of the financial condition of small businesses

Law Science

Apolsky E.A.

Metatheory of the state and legal theses doctrines: the actualization of the problem

Shapovalova G.M.

The national security strategy of the Russian Federation: digital culture as a new cultural phenomenon in the prevention of information threats and challenges)

Лаптев С.А., Тюкина Д.В.
Уголовная ответственность за невыплату заработной платы

Педагогика. Образование

Яковлев А.Н.
Инновационная педагогическая система здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий

Мартышенко Н.С.
Маркетинг-менеджмент культурных потребностей в студенческом социуме Приморского края

Леонтьева Т.И., Котенко С.Н.
Особенности обучения иностранному языку поколения Z: традиции и новаторство

Хисамутдинова Н.В.
Подготовка инженеров на российском Дальнем Востоке в послевоенный период (1946–1950 гг.)

Каерова Е.В., Матвеева Л.В.
Пилатес как средство повышения интереса студентов к формированию культуры здоровья

Межкультурные коммуникации

Гнездечко О.Н.
Диалогизация научного дискурса: лингвофилософский и лингвопсихологический аспекты

Метляева Т.В.
Исследование феномена имиджа как культурного явления

Данилова О.Н.
Природные и экологические основания дизайна как репрезентации взаимосвязи культурного наследия и проектного формообразования костюма

Коноплева Н.А.
Преобладающие мотивы творческой деятельности в современной российской культуре (на примере творческих личностей г. Владивостока)

Яськова А.В.
Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира

Кучеренко А.Л., Коноплева Н.А.
Принципы практического использования испанского танца фламенко

Требования к оформлению статей

108 *Laptev S.A., Tyukina D.V.*
Criminal liability for non-payment of wages

Pedagogy. Education

119 *Yakovlev A.N.*
Innovative educational system and health-saving and bodyforming technology

130 *Martyshenko N.S.*
Marketing management of cultural needs in the student society of Primorsky Region

152 *Leontieva T.I., Kotenko S.N.*
Peculiarities of teaching English to “Generation Z”

159 *Khisamutdinova N.V.*
Engineering education in the Russian Far East after the World War II (1946–1950s)

168 *Kaerova E.V., Matveeva L.V.*
Pilates as a means of increasing student interest in the formation of a culture of health

Intercultural Communication

181 *Gnezdechko O.N.*
Scientific discourse interaction from the viewpoint of linguual philosophy and psychology

188 *Metlyayeva T.V.*
Image phenomenon research as cultural phenomenon

200 *Danilova O.N.*
The natural and ecological foundations of design as a representation of the relationship between cultural heritage and costume design

220 *Konopleva N.A.*
Dominant motives for creative activity in modern Russian culture (on the example of creative personalities of the city of Vladivostok)

237 *Yaskova A.V.*
The concept “love” in Russian and Chinese language worldview

246 *Kucherenko A.L., Konopleva N.A.*
Principles of practical implementation of the flamenco Spanish dance

Requirements for formatting articles

Территория новых возможностей открыта для инвестиционных проектов будущего

Уважаемые коллеги!

С огромным удовольствием я открываю первый выпуск нашего университетского журнала в 2017 году. Для этого есть немало хороших поводов.

Предварительные итоги первого квартала демонстрируют позитивные тенденции в развитии российской экономики, хотя для полного преодоления национального кризиса и выхода на среднемировые темпы экономического роста предстоит сделать еще многое.

Особые ожидания у всех нас связаны с успешной реализацией намеченной системы государственных мер на Дальнем Востоке, где сейчас поистине масштабные проекты взяли старт практически на всех 13 территориях опережающего социально-экономического развития. Более 100 резидентов обозначили и приступают к осуществлению своих стратегических замыслов на территории Свободного порта Владивосток. Большие надежды в привлечении необходимых инвестиций для создания высокотехнологичных конкурентоспособных предприятий региональная предпринимательская система возлагает на Третий Восточный экономический форум, который пройдет в столице Приморского края предстоящей осенью.

Во всем этом и во многих других инициативах государственных органов управления и дальневосточного бизнес-сообщества была, есть и, несомненно, должна возрасти роль многотысячного коллектива ученых и сотрудников, аспирантов и студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, который вступил в год своего 50-летнего юбилея.

Приятно отметить качественные изменения в оформлении и научном содержании научного журнала университета. Начиная с этого номера укрупнена его структура, значительно повышены требования к уровню публикаций, в числе которых мы надеемся видеть представителей ведущих университетов России, а также стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Осознавая важность смещения акцента научных публикаций на представление исследовательских результатов по наиболее актуальным проблемам формирования и эффективного использования потенциала развития Дальнего Востока, постоянную прописку в каждом выпуске журнала теперь получает рубрика «Инвестиционные проекты будущего».

Хочется верить, что уже сделанные и планируемые качественные изменения станут хорошей основой для продвижения журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета» в число авторитетных отечественных, а затем и международных научных изданий, а также повышения имиджа нашего университета в научно-образовательной среде России и стран АТР.

Т.В. Терентьева,
доктор экономических наук, профессор

**Приглашаем преподавателей, научных работников, аспирантов
и магистрантов публиковаться в научном журнале
«Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса»!**

Уважаемые авторы, приглашаем принять участие в формировании новой рубрики научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС» – **«Инвестиционные проекты будущего».**

Стремление приблизить научные публикации к реально происходящим в регионе социально-экономическим процессам диктует необходимость появления этой новой рубрики как своеобразной площадки для дискуссий власти, бизнеса и науки об успешности реализации на Дальнем Востоке инвестиционных проектов.

Учредитель и издатель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» (ВГУЭС).

Тематика статей, публикуемых в журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса», соответствует следующим отраслям науки согласно Государственному рубрикатору научно-технической информации (ГРНТИ):

06.00.00 Экономика. Экономические науки
10.00.00 Государство и право. Юридические науки
11.00.00 Политика. Политические науки
24.00.01 Теория и история культуры
20.00.00 Информатика

Статьи публикуются бесплатно.

Специфика научного журнала ВГУЭС как университетского вестника предоставляет авторам возможность публиковаться по широкому спектру научных исследований.

Номера выходят ежеквартально: в марте, июне, сентябре и декабре.

Международный стандартный серийный номер журнала – ISSN 2073-3984.

Номер свидетельства о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС 77-33974.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – Е45069.

Научный журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещается в нескольких электронных библиотечных системах.

Электронный вариант рукописи направляется по адресу электронной почты vestnik_vgues@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, *ivanov.doc/docx*). Структура статьи должна соответствовать Требованиям к оформлению статей.

Сайт журнала: <http://science.vvsu.ru/journal>

Инвестиционные проекты будущего

УДК 338

А.П. Латкин¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

В.В. Веркеенко²

Технохолдинг «SUMOTORI»
Владивосток. Россия

В.А. Белоглазова³

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Туристско-рекреационный кластер «Приморское кольцо» – приоритетный проект развития Приморского края

Приморский край является регионом, обладающим высоким туристским потенциалом для обеспечения нового уровня развития как внутреннего, так и въездного туризма. Основой его эффективного использования являются два ключевых фактора: туристская инфраструктура и наличие условий для привлечения в её модернизацию масштабных частных инвестиций, в том числе зарубежных. В этой связи всё больший научный и практический интерес представляет политиками, учёными и специалистами как нашей страны, так и стран Азиатско-Тихоокеанского региона к оценке реальных изменений социально-экономической ситуации на российском Дальнем Востоке, демонстрирующей в последние 20 лет отрицательные тренды развития, и реализации федерального закона «Свободный порт Владивосток». Прорекларированная в законе система льгот для резидентов этой территории обусловила создание благоприятных условий для развития бизнеса и создания конкурентоспособных предпринимательских структур в различных видах экономической деятельности.

Несколько лет назад Приморье выступило инициатором создания единого бренда «Восточное кольцо России», демонстрирующего многообразный туристский потенциал регионов Дальнего Востока и Забайкалья. Один из первых инвестиционных проектов «Свободного порта Владивосток» и участник Федеральной целевой программы развлекательного туризма на Дальнем Востоке – проект по созданию спортивно-технического комплекса «Приморское кольцо». В первую очередь проект направлен на популяризацию любительского и профессионального автоспорта среди жителей края и его зарубежных гостей.

Ключевые слова и словосочетания: туристско-рекреационный потенциал, порто-франко «Свободный порт Владивосток», популяризация автомобильного спорта, спортивно-технический комплекс «PrimRing», «Восточное кольцо России».

¹ Латкин Александр Павлович – д-р экон. наук, профессор, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации; e-mail: Aleksandr.LatkinP@vvsu.ru.

² Веркеенко Виталий Васильевич – генеральный директор технохолдинга «SUMOTORI»; e-mail: vit@sumotori.ru.

³ Белоглазова Виктория Александровна – магистрант кафедры управления, e-mail: beloglazova.va@mail.ru.

A.P. Latkin

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

V.V. Verkeenko

General Director of Technological Holding «SUMOTORI»
Vladivostok. Russia

V.A. Beloglazova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Tourist and recreational cluster is a priority development project for Primorsky Region

Primorsky Region is a region with a high tourist potential, to ensure a new level of development of both domestic and incoming tourism. The basis for its effective use are two key factors: the tourist infrastructure and the availability of conditions for attracting in its modernization large-scale frequent investments, including foreign ones. In this connection, more and more scientific and practical interest is shown by politicians, scientists and specialists, both in our country and in the APR countries. To assess the real changes in the social and economic situation in the Russian Far East, which has demonstrated negative development trends over the past 20 years, from the implementation of the federal law "Free Port of Vladivostok." The system of privileges for the residents of this territory, declared in the law, stipulated the creation of favorable conditions for the development of business and the creation of competitive entrepreneurial structures in various types of economic activity.

Several years ago, Primorye initiated the creation of a single brand "The Eastern Ring of Russia, demonstrating the diverse tourist potential of the Far East and Transbaikalian regions. One of the first investment projects of the "Free Vladivostok Port" and a participant in the Federal Targeted Program of Entertaining Tourism in the Far East is a project to create a sports and technical complex "PrimRing". First of all, the project is aimed at popularization of amateur and professional motor sport among the inhabitants of the region. The construction of high-tech routes for international events will allow the project to become an instrument for developing the tourist potential of Primorsky Region.

Keywords: tourist and recreational potential, port-franco «Vladivostok Free Port», popularization of motor sport, sports and technical complex «PrimRing», «Eastern Ring of Russia».

Введение

Дальний Восток, в частности Приморский край, располагает огромным потенциалом для развития внутреннего и въездного туризма. По официальным данным администрации Приморского края, в 2016 г. Приморье посетили почти 570 тысяч иностранных туристов, что подтверждает значимость региона в контексте восточного вектора развития России. В 2016 г. Приморский край впервые вошёл в ТОП-10

самых привлекательных для туристов российских регионов [8]. Край находится в тройке лидеров России по сотрудничеству с Китайской Народной Республикой на основе безвизового режима въезда. В туристском въездном потоке значительную долю занимают представители, прежде всего, приграничных провинций Хэйлуцзян и Цзилинь.

За последние годы, особенно благодаря проведённому в 2012 г. саммиту АТЭС, в крае были построены новые объекты туристской инфраструктуры, увеличилось количество событийных мероприятий, расширилась сеть международных авиаперевозок.

В 2009 г. Приморье выступило инициатором создания единого бренда «Восточное кольцо России», отражённого в «Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», куда вошли регионы Сибири и Дальнего Востока [9]. В данной стратегии туристическая отрасль определена как сектор возможной специализации региональной экономики, способствующей повышению качества жизни населения и социально-экономическому развитию всего края.

Достигнутый за последние годы уровень развития транспортной инфраструктуры, с большой вероятностью, уже в скором времени может превратить международный аэропорт Владивостока в дальневосточный хаб [2]. Сейчас из Владивостока осуществляются авиарейсы в города Японии, Республики Корея, Королевства Таиланд, Китайской Народной Республики и многих других стран, что позволяет говорить о развитии региона как крупного центра внутренних и внешних пассажиропотоков [6].

К сильным сторонам региона можно также отнести наличие уникального природно-рекреационного, культурно-исторического, климато-географического, социально-экономического потенциала и, конечно, близость к странам Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. Перечисленные конкурентные преимущества Приморского края усиливаются с каждым годом, но, к сожалению, преимуществ недостаточно: выездной туризм все ещё остается более приоритетным по сравнению с въездным.

В то же время практика организации реальных бизнес-процессов на территории порта выявляет всё новые и новые проблемы обеспечения задекларированных параметров их рентабельности и окупаемости. Свообразным «пионером» в их решении является туристско-рекреационный кластер «Приморское кольцо», создание которого отвечает стратегическому замыслу развития туризма в Приморском крае, имеющий де факто статус резидента № 1.

Основная часть

Принципиально новые возможности для развития региональной предпринимательской системы открылись с принятием федерального закона «Свободный порт Владивосток», в котором продекларированы введение упрощенного визового режима въезда и система льгот для создаваемых субъектов хозяйствования. К настоящему времени в Приморском крае зарегистрировано более 120 резидентов порто-франко с заявленным объёмом инвестиций в 219,7 млрд рублей [5].

Не лишне напомнить, что установленная законом ставка по налогу на прибыль для организаций, осуществляющих деятельность в сфере производства товаров, составляет 0% (первые 5 лет) и 10% (последующие 5 лет), для организаций, осуществляющих оказание услуг, – 13,5% (первые 10 лет) [3]. Предлагаемая налоговая ставка по налогу на имущество в сфере производства товаров и оказания услуг составляет 0% (первые 5 лет) и 0,5% (последующие 5 лет) [4].

Исследования последних лет выявили, что значительным фактором, тормозящим развитие Приморского края как туристского региона, является недостаточный уровень как любительского, так и профессионального автомобильного спорта, хотя здесь действуют большое количество федераций и клубов, на постоянной основе проводятся соревнования по картингу, ралли, ипподромным гонкам, трофи-рейдам, ралли-рейдам, джип-триалу, драг рейсингу и дрифту.

Изменению этой ситуации был посвящён стратегический замысел технохолдинга «SUMOTORI» по созданию в непосредственной близости от г. Владивостока туристско-рекреационного кластера «Приморское кольцо». Этот замысел базировался на принятой в 2010 г. Программе развития автомобильного спорта в Приморском крае, целью которой являлось создание условий для его дальнейшего развития, прежде всего для детей, подростков и молодёжи. Осуществление программы предполагало решение следующих задач [7]:

1. Популяризация среди жителей Дальнего Востока автоспорта как средства пропаганды физической культуры и ведения здорового образа жизни во взаимодействии со средствами массовой информации, привлечение внимания юношества к техническим видам спорта как форме проведения досуга.

2. Пропаганда деятельности детских юношеских автомобильных школ, молодежных автомобильных клубов и объединений, развитие сети ДЮСШ по техническим видам спорта и молодежного автомобильного движения, развитие детско-юношеского автоспорта; создание оптимальных условий для развития любительского автоспорта, активизация работы с автолюбителями по привлечению их к автомобильному спорту как высшей форме повышения водительского мастерства участников дорожного движения; пропаганда безопасности дорожного движения и совершенствование навыков управления автомобилем.

3. Оказание помощи, содействие и участие в организации и проведении традиционных соревнований, Кубков и Чемпионатов России по автомобильному спорту; повышение квалификации судей и технических специалистов.

4. Укрепление материально-технической базы и повышение привлекательности автоспортивных объектов, строительство автодромов.

Наблюдательный совет «Свободного порта Владивосток» 22.12.2015 г. утвердил восемь первых резидентов, в состав которых вошел спортивно-технический комплекс «Приморское кольцо», представивший проект о масштабировании спортивно-технического комплекса в туристско-рекреационный кластер.

Комплекс строится группой компаний «SUMOTORI» в рамках программы «Facility Development Programme» FIA INSTITUTE совместно с немецкими, английскими, итальянскими партнерами при участии Приморской автомобильной

федерации и поддержке Фонда Развития безопасности автоспорта FIA, а также компаний Tilke GMBH (Германия), Apex Circuit Design Ltd. (Великобритания), Scott Wilson (Великобритания), RIDGE (Великобритания), на пересечении федеральных трасс в непосредственной близости от международного аэропорта и в 30 км от г. Владивостока (рис. 1).

Общая площадь проекта «PrimRing» («Приморское кольцо») составляет 78 га, длина основного трека: 3613 м, а общий объем инвестиций оценивается в 7,3 млрд. руб.

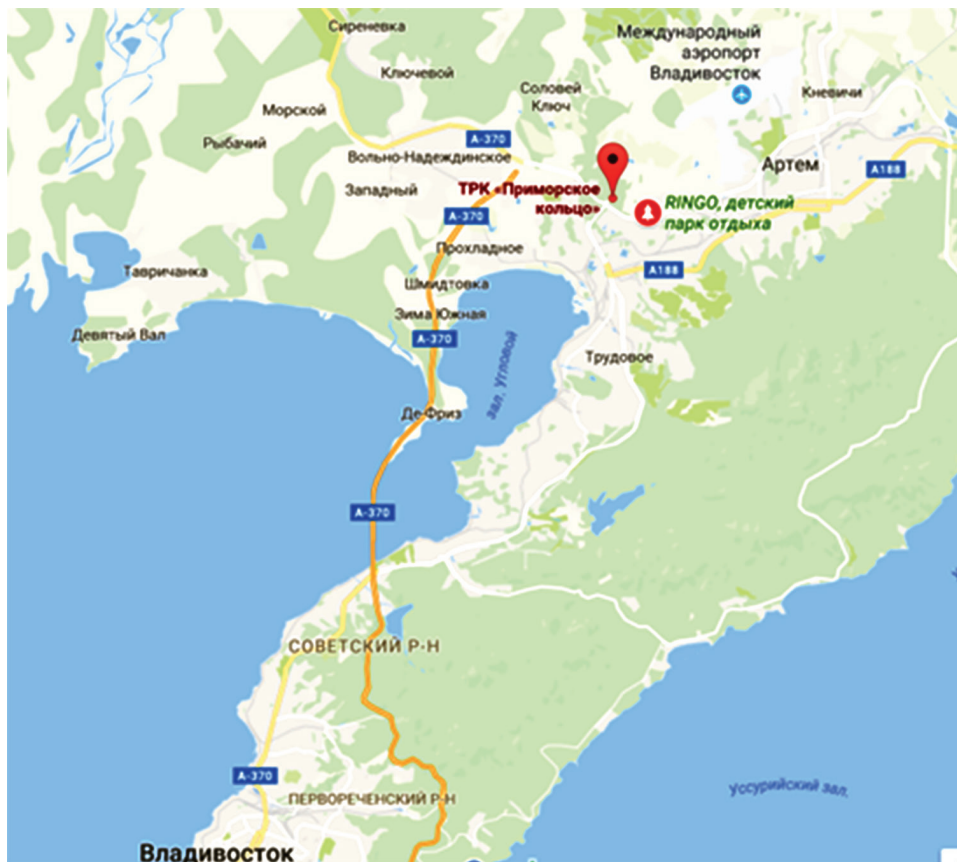

Рис. 1. Карта расположения спортивно-технического комплекса «Приморское кольцо»

Многоцелевой спортивно-технический комплекс предназначен для проведения широкого спектра соревнований по автомобильно-спортивным видам спорта, что должно превратить Приморский край в центр российского автоспорта, увеличив объем внутреннего и внешнего туризма. В свою очередь, это создаст благоприятные предпосылки для роста инвестиционной привлекательности административных центров Дальнего Востока.

Развитие «PrimRing» нацелено не только на популяризацию самого спорта, но и на создание фундамента для его развития. Стратегические цели проекта

перекликаются с целью программы развития автомобильного спорта и представляют собой консолидирование под эгидой бренда спортсменов, тренеров, организации, занимающихся техническими видами спорта в АТР, создание условий для роста профессионального спортивного мастерства, развитие детского и юношеского спорта, популяризацию технических видов спорта среди населения Дальнего Востока России. Миссия проекта – содействие эффективному развитию технических видов спорта на Дальнем Востоке России.

В 2015 г. «Приморское кольцо» завоевало сразу две победы в Национальной премии в области событийного туризма Russian Event Awards: 1-е место как лучшая площадка для развития событийного туризма и 3-е место в номинации «Лучшее событие в области спорта» в стране, присужденное дрифт-битве Primring Grand Prix D1.

К настоящему времени подписаны меморандумы с Asian Festival of Speed, D1 (японский чемпионат по дрифту), мотоциклетный World Superbike и европейский кузовной SuperStars, ведутся переговоры с организаторами Чемпионата мира по картингу, японским SUPER GT и Formula Nippon (Super Formula).

Проект функционально разделён на четыре зоны: торговая, автоспорт, детская развлекательная и активного отдыха (рис. 2).

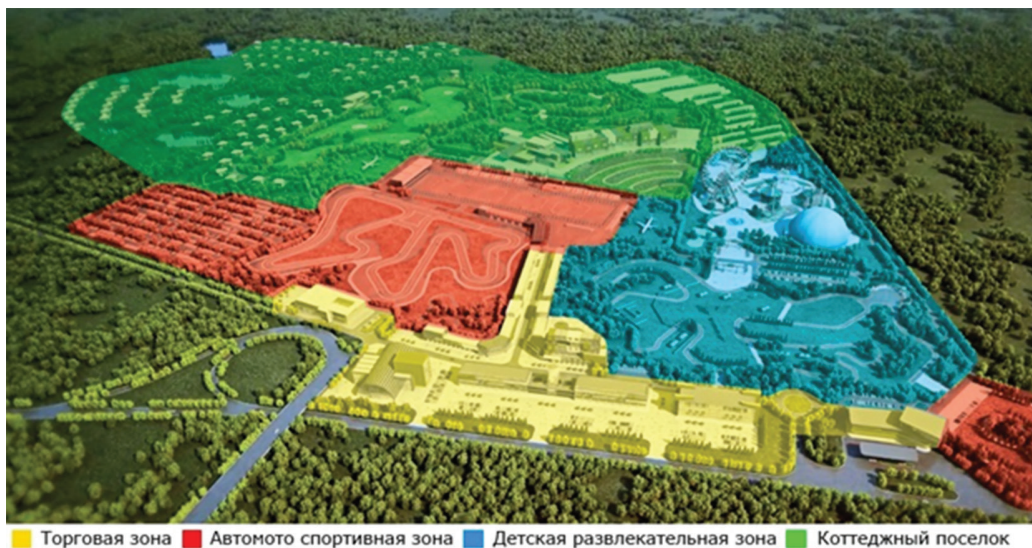

Рис. 2. План строительно-технического комплекса «Приморское кольцо»

В 2016 г. начата и в 2017 г. должна закончиться операционная деятельность первой очереди, стоимостью 600 млн руб., включая соревнования и активный отдых для гостей, проведение мероприятий Приморского края по дрифту, картингу, внедорожной тематике. Строительство объектов первого этапа фактически завершено, на территории работает прокат картинга, детский ринга-парк, прокат квадрациклов и багги, школа дрифта.

Вторая очередь строительства, задачей которого является комфортность и удобство пребывания гостей на территории комплекса, намечена на 2017–2018 годы и включает концептуальный туристический ресторан, который будет располагаться на въезде в военном самолёте СУ-27 и станет центром этого направления. Стоимость второй очереди строительства оценена в 1,2 млрд руб.

Кроме ресторана на территории комплекса будут располагаться стрелковый клуб, гостиница на 150 номеров, торговая аллея и детский крытый парк, особенностью которого станет ЯК-40, подаренный Международным аэропортом г. Владивостока. Также в районе авиалайнера ТУ-154, с которого совершались регулярные полеты из Владивостока в страны АТР, появится благоустроенная площадка для проведения свадеб, корпоративов и других мероприятий событийного характера.

Третья очередь, запланированная на 2019–2021 годы, с объёмом инвестиций 8 млрд руб., включает парк аттракционов, аквапарк круглогодичной эксплуатации, гольф-клуб и гостиницы 5 звезд. Будет улучшена зона активного отдыха, торговый центр, жилой посёлок, тактический комплекс для развития акватуризма и автомобильного центра.

Комплекс включает детские и юношеские спортивные школы, что позволит решить одну из задач программы развития автоспорта, то есть даст возможность молодежи получить необходимые навыки и опыт.

Став резидентом «Свободного порта Владивосток», комплекс уже пользуется налоговыми преференциями, а со следующего года планируется использование и таможенных. Учитывая, что «Приморское кольцо», объектом которого является спортивно-технический комплекс, требует значительной технической оснащённости, использование таможенных преференций сможет оптимизировать налоговую нагрузку на имущество, так как проект предполагает создание большого количества дорогих инфраструктурных объектов. Таможенные льготы позволят «SUMOTORI» оптимизировать расходы на строительство «PrimRing» и снизить затраты на ввоз и эксплуатацию спортивной техники.

Вследствие того, что спортивные объекты, в отличие от коммерческих, достаточно дорогостоящие и трудно окупаемые, при применении режима свободного порта появляется действительная возможность совместить спортивно-туристические и коммерческие объекты. В связи с расширением строительства туристических объектов, налоговых и таможенных льгот как резиденту Свободного порта Владивосток ГК «SUMOTORI» удалось снизить сроки окупаемости с 9 до 4 лет, что является большим преимуществом проекта.

Согласно прогнозам финансового отдела технохолдинга, годовая выручка после выхода «Приморского кольца» на проектную мощность в рамках 1 и 2 этапов составит 449 млн рублей, а по завершении 4 этапа – свыше 4 млрд рублей. К моменту завершения проекта «Приморское кольцо» создаст 500 новых рабочих мест, а общая сумма налогов и взносов, отчислений во внебюджетные фонды на первых двух этапах за 10 лет составит 564 млн руб., с учётом льгот резидента Свободного порта Владивосток.

Вместе с тем главный инвестор проекта технохолдинга «SUMOTORI» на протяжении строительства сталкивается с проблемой финансирования. Проект, для реализации которого должно быть затрачено более 9 млрд руб., трудоёмко обеспечивать за счёт личных средств организации. Поэтому руководство компании обратилось к губернатору Приморского края В.В. Миклушевскому с просьбой обеспечить электрические коммуникации, водопровод и транспортную инфраструктуру объекта.

В целом проект финансируется как средствами ГК «SUMOTORI», так и путём привлечения средств Фонда развития Дальнего Востока и акционерных с помощью создания собственного Фонда Регионального развития «Приморское кольцо». Заинтересованность в проекте проявляют китайские и японские инвесторы.

По словам вице-президента технохолдинга «SUMOTORI» Ю.А. Быстрова, сильной стороной проекта является выгодное географическое положение территории, на которой будет построен комплекс, для создания условий для проведения соревнований по автомобильному спорту мирового уровня.

Заключение

Таким образом, технохолдинг «SUMOTORI» вошел в ТОП-4 категории «Социально-ответственный бизнес», что говорит о безусловном вкладе в развитие социальной среды Приморского края. Создание высокотехнологичных трасс в рамках сооружения спортивно-технического комплекса, не имеет аналогов на территории Азиатско-Тихоокеанского региона и должно способствовать развитию социально-экономического потенциала всего Дальнего Востока.

-
1. Развитие внутреннего и въездного туризма в Приморском крае: краевая целевая программа на 2011–2016 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/11/18/primorie-prog-turizm-reg-dok.html>.
 2. Латкин А.П. Иностраный туризм как перспективный вектор развития рынка туристских услуг регионов Дальнего Востока // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №3. С. 7–15.
 3. Об установлении пониженной ставки налога на прибыль организаций, подлежащего зачислению в краевую бюджет, для отдельных категорий организаций: закон Приморского края от 19.12.2013 г. № 330 КЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://monitoring.zspk.gov.ru/>.
 4. О внесении изменения в статью 2 Закона Приморского края «О налоге на имущество организаций»: закон Приморского края от 01.12.2016 г. № 43-КЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://monitoring.zspk.gov.ru>.
 5. О свободном порте Владивосток: федер. закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71127418/paragraph/1:4>.
 6. Простакишина Н.П., Зенкина Е.С. Ресурсный потенциал Приморского края как фактор развития внутреннего и въездного туризма // Молодой ученый. 2015. №4. С. 313–318.

7. Программа «Развитие автомобильного спорта в Приморском крае на 2011-2014 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.motorpaf.ru/>.
8. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» (утв. постановлением Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644) [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/55171986/paragraph/1:0>.
9. Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: федеральная целевая программа [Электронный ресурс]. URL: <http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/75a/DVBR2025.pdf>.

© А.П. Латкин, 2017

© В.В. Веркеенко, 2017

© В.А. Белоглазова, 2017

Для цитирования: Латкин А.П., Веркеенко В.В., Белоглазова В.А. Туристско-рекреационный кластер «Приморское кольцо» – приоритетный проект развития Приморского края // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 9–17.

For citation: Latkin A.P., Verkeenko V.V., Beloglazova V.A. Tourist and recreational cluster Prim Ring is a priority development project for Primorsky Region // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 9–17.

Дата поступления: 20.03.2017.

УДК 340.115

А.Ю. Мамычев

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

«Постдисциплинарный дискурс» архетипических исследований: постановка проблемы

В статье представлена авторская трактовка развития междисциплинарных и постдисциплинарных стратегий и практик научных исследований, проводится соотношение и взаимодействие последних в контексте познания архетипических основ социокультурной организации. В работе дается содержательное описание «постдисциплинарного поля» архетипических исследований, ориентированного на реконструкцию различных элементов, отношений, связей, контекстов и социально-культурных артефактов, которые вовлекаются в мыследеятельность и коммуникативное взаимодействие людей. Отдельно в статье обсуждаются проблемы постдисциплинарной стратегии архетипических исследований и ее основные программные положения.

Автор обосновывает, что архетипические основы представляют собой устойчивые «осевые элементы», общие направленности и формальные модели, которые задействованы в конкретно-исторических практиках продолжения (воспроизводства), переструктурирования и проживания социокультурной целостности. В свою очередь, социокультурные архетипы рассматриваются в качестве «специфического материала», обеспечивающего преемственную пересборку политического, правового, социально-экономического пространств на различных этапах эволюции конкретного общества.

Здесь можно выделить различные направления «ревизии» социологической науки, например: структурный конструктивизм и конструктивизм в социологии знания; этнометодология и микросоциологический анализ; акторно-сетевая социология или возвращение материальных/природных «объектов» в социологический анализ и др. Зачастую сложность решаемых проблем и вопросов, их многомерный характер требуют настройки более широкой исследовательской оптики, позволяющей схватить и проанализировать то или иное социальное явление или процесс в его комплексности. В этом плане исследование архетипических основ, например, властной организации или правового порядка будет не столько междисциплинарным (например, политико-психологическое, социолого-правовое, культурно-экономическое и другие комплексные исследовательские стратегии), сколько интегративным. Раскрыто содержательное отличие междисциплинарной программы исследования.

Ключевые слова и словосочетания: архетип, дискурс, культура, общество, публично-властная организация, социальная целостность, трансформация социальности, ценностно-нормативная система.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6.

Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Института права; e-mail: mamychyev@yandex.ru.

A.Yu. Mamychhev

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

«Post-disciplinary discourse» of archetypal research: formulation of the problem

As object of the real work modern transformation of research programs in social science acts. An object of research is the post-disciplinary strategy of archetypic researches of the public and power organization. The author offers an interpretation of development of cross-disciplinary and post-disciplinary strategy and the practical of scientific research and carries out a ratio and interaction of the last in the context of knowledge of archetypic bases of the sociocultural organization. In work the substantial description of the “post-disciplinary field” of archetypic researches focused on reconstruction of various elements, relations, communications, contexts and welfare artifacts which are involved in a communicative interaction of people is given. Separately in article problems of post-disciplinary strategy of archetypic researches and its basic program provisions are discussed.

As conclusions is proved that archetypic bases represent steady “axial elements”, the general orientations and formal models which are involved in concrete historical practitioners of continuation (reproduction), restructuring and accommodation of sociocultural integrity. In turn, sociocultural archetypes are considered as the “specific material” providing successive reassembly of political, legal, social and economic spaces at various stages of evolution of concrete society.

The author proves that through comparison, imitation and creative use of sociocultural canons is carried out successive development of sociocultural integrity this process of “eternal return” or “the same creation” archetypic is invariable, but this invariance belongs to an order of the action (a reconstruction of a community, its structuring, ordering, valuable and standard registration, etc.), but not action of deterministic regularities – to manifestation same archaic material in new welfare conditions.

Keywords: archetype, discourse, culture, society, public and power organization, social integrity, transformation of a sociality, *valuable and standard system*.

Обращение любой социально-гуманитарной науки к ревизии (а не редко и к радикальному пересмотру) своих ценностно-нормативных (аксиологических), теоретико-познавательных (гносеологических) оснований и фундаментальных принципов социальной действительности (онтологических), уточнению своего предмета, целей и задач возможно только в процессе «диалогического» взаимодействия с другими стратегиями и практиками научного познания. В качестве яркого примера можно привести постановку рядом современных авторов под сомнение предметной области социологии, ее классического теоретического фундамента, основополагающих (типичных) научных проблематик, концептуальную ревизию ряда фундаментальных категорий и понятий, «пересборку» методологического инструментария.

Отметим, что в различных теоретико-методологических «версиях» ревизии или радикального пересмотра формируется междисциплинарное поле, с позиции которого выносятся «теоретический приговор» тем или иным классическим дис-

циплинарным постулатам и положениям. Выход за «сконструированный горизонт» и «предначертанную исследовательскую стратегию», очевидно, позволяет поставить совершенно провокационные вопросы, предъявить «методологические претензии» и т.п. Примером таковых «разоблачающих программ» является, например, методологический анархизм Пола Фейерабенда [1] или постмодернистская социально-философская мысль [2; 3; 4].

Теоретико-методологический монизм, как известно из недавней научной истории, если первоначально и «дисциплинирует» научное познание, направляет его на решение актуальных и востребованных проблематик, в конечном итоге формирует «костную», слабо подвижную схему, отрывающуюся от реальности (или конструирующий собственную реальность [5]). При этом альтернативные теоретико-методологические «инъекции» для придания абстрактным схемам гибкости и адекватности существующей социальной действительности табуируются. Конечно, существует и другой крайний полюс – это распыление предметно-целевых границ той или иной научной дисциплины.

Все вышеизложенное в полной мере относится и к архетипическим исследованиям, которые в настоящее время формируют «постдисциплинарное поле» в гуманитарных науках. Мы согласны в этом плане с позицией Стюарта Холла, что дисциплинарный подход существенно снижает потенциал социально-культурных исследований [6]. Так, исследование архетипических основ той или иной социокультурной целостности (как реальной или воображаемой, т.е. воспроизводимой от поколения к поколению в мыследеятельности людей [7]) предполагает архитектурное (многослойное) «строение» осознаваемых (рационально конструируемых), бессознательных (неосознаваемых, но воспроизводимых социально значимых и повседневных сюжетов и форм, культурных аксиом, доминирующих ценностных ориентаций и проч.), эмоционально-психологических (эмоциональные штампы, готовности и т.д.) факторов.

Прежде всего, междисциплинарный подход, по крайней мере в рамках архетипических исследований, изначально был комплексной стратегией, разворачивающейся на платформе одной научной дисциплины. Так, исследования архетипов преимущественно ориентировались на положения аналитической психологии, привлекая для анализа отдельных моментов верификации конкретных положений, социологические методы и приемы, эмпирические данные, материалы и разработки политологии, правоведения и других социально-гуманитарных наук. Нередко в поле архетипических исследований вовлекались и положения биологии, математики, физики и т.д. При этом настройка «исследовательской оптики», акцентуация внимания, формулирование категорий, понятий реализовывались и контролировались дисциплинарным стилем мышления.

Приведём пример: достаточно часто архетипические исследования вовлекают материал из различных социально-гуманитарных систем знания, с целью сформировать иной подход к пониманию и значению архетипа. Однако структурируется последний на основе «дисциплинарных доминант», что не позволяет выйти за установленные границы, сформировать иную программу и «процедуру истины».

В современных архетипических исследованиях обосновывается необходимость обновления теоретико-методологической базы, прежде всего, требование учёта того, что любая социокультурная деятельность это на самом деле процесс свободной и творческой интеракции субъектов. Обосновывается также, что само взаимодействие субъектов в политическом, экономическом, правовом поле не только архетипически, но и социокультурно обусловлено.

С нашей точки зрения, если и говорить об архаическом наследии, то, скорее, как об общих формах и моделях, которые были выработаны людьми на древних этапах развития, сформировав изначальные основания общности/солидарности [8]. Данные общие (архетипические) формы и модели изначальны «заряжены» на сохранение человеческого в человеке, воспроизводство общинности и солидаристских устремлений, устранение или замену природной агрессии на социокультурные формы легитимного насилия [9].

Например, выработанные символические формы и подражательные механизмы формируют первые миметические комплексы, которые основаны сначала на подражании естественной природе [10], а затем подражании уже сформированной искусственной природе (социальному порядку взаимоотношений), прошлым символическим и культурным формам и практикам взаимодействий [11]. В этом аспекте архаичность сформировала основу, базовые аутентичные формы общественной целостности, выступающие образцами для последующих социокультурных и институциональных (политических, правовых, социально-экономических и др.) трансформаций.

Следовательно, специфика «обновленных» архетипических проектов исследования, о которых говорилось выше, заключается в том, что любое изучение локальных архетипов, этнонациональных кодов памяти сообщества, неосознаваемых моделей и форм общественного взаимодействия и т.п. должно осуществляться на основе познания специфики психологического отражения и регулирования на уровне сознания/неосознания, с привлечением положений и достижений других наук [12]. При этом, например, исследование социокультурной ментальности также осуществляется в основном через реконструкцию архаических структур, устойчивых образов и сюжетов: «являясь комплексной по своему характеру... разрабатывается в различных отраслях знания. Однако главная роль в ее исследовании, несомненно, принадлежит психологии» [13].

Другой аспект постдисциплинарной исследовательской платформы заключается в том, что классическая дисциплинарная структурированность социально-гуманитарной науки является условностью. Например, в исследовательском проекте М. Деметрадзе интегрируются различные дисциплины (социология, политология, правоведение, культурология и т.д.) на социокультурной основе. И, соответственно, теоретико-концептуальная и методологическая база различных социально-гуманитарных дисциплин представляет собой «совокупность дополняющих друг друга приемов и методик», согласованных на антропологической основе. Эта исследовательская установка выступает не в качестве какой-либо доктрины или гегемонистической системы, задающих новую парадигму, а общей матрицы социокультурной методологии, «обладающей способностью выявлять проблемы,

давать их характеристику и снабжать исследователей информацией, необходимой для эффективного государственного управления» [14].

Постдисциплинарный подход акцентирует внимание не на дисциплинарной «принадлежности», с платформы которой реализуется взаимодействие различных наук, а на само исследуемое явление. Здесь положения, методы и приемы различных дисциплин вовлекаются в совместное со-творчество, в научную коммуникацию по поводу познаваемого явления. При этом сложность исследуемого явления и «многообразие объектно-предметного поля, специфика многих исследовательских задач предполагают самое широкое использование в процессе анализа данных не только гуманитарных (социальных), но и естественных наук и дисциплин, а также междисциплинарных подходов и методов» [15].

«Постдисциплинарное поле исследования», по большому счету, следует рассматривать в качестве научной метафоры, чем строгого научного понятия, поскольку последнее базируется на целой серии идейно-смысловых основ и системе ключевых понятий, разрабатываемых в различных дисциплинах. Так, В. Куренной обосновывает, что социокультурные исследования в целом позиционируются путем очерчивания особого поля или стратегии исследования, используя метафору «постдисциплинарного поля исследований, связанного с определенным ансамблем ключевых понятий и практических установок» [16].

Отметим, что последнее не подменяет и не отменяет междисциплинарный принцип познания, свойственный для постнеклассической рациональности [17], напротив, постдисциплинарность дополняет междисциплинарный подход и «страхует» его от приоритета одного дисциплинарного измерения. «Постдисциплинарное поле» формирует холистическое мышление, базирующееся не на фрагментации различных сторон изучаемого явления и представлении системы знаний о нем в структурном виде, а на целостном восприятии, переживании, проживании последнего.

При этом сами рамки дисциплинарности рассматриваются как аналитические инструментари и приемы, в качестве относительно условных границ, поскольку комплексный исследовательский проект основывается на свободном, равноправном коммуникативном диалоге между различными системами знаний. В этом «научном коммуникативном диалоге» происходит перенос «когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую», формируется платформа для совместных проектов исследования, осуществляется «стимулирование синергии между дисциплинами и подлинная интеграция знания. Она лежит в русле нынешней практики трансформации знания, поиска конструктивного решения проблем и вовлечения ученых в решение проблем реального мира» [18].

Постдисциплинарная стратегия исследований выстраивается не на основе какой-либо дисциплины, задавая и ограничивая тем самым проблемное поле и теоретико-методологический арсенал. Напротив, формируется «комплексная предметная ориентированность», не ограниченная строгими дисциплинарными рамками, «втягивая» в коммуникативный процесс – достижения и положения, прежде всего, различных социально-гуманитарных наук. Хотя нередко, как замечалось выше, в поле таковых исследований вовлекаются категории, понятия и

идейно-концептуальные новации естественно-технических наук. Другой пример – формирование философской системы, основанной на математическом обосновании социального и политического Алена Бадью [19].

В постдисциплинарное поле исследований входят все элементы, отношения, связи, контексты, социально-культурные артефакты и проч., которые вовлекаются в мыследеятельность и коммуникативное взаимодействие людей. Например, комплексность такого подхода, хотя и несколько «ангажированного», характеризует Стюарт Холл: «Культурные исследования занимаются всеми теми практиками, институтами и системами классификации, посредством которых населению прививаются определенные ценности, верования, способности, рутинные жизненные практики и привычные формы поведения» [6].

В этом плане важными в социокультурном исследовании являются различные формы связей и взаимосвязей, а также их изменения и трансформации. Нам представляется, что затянувшийся период постмодернистской дефрагментации, «разоблачения» любых общественных скреп актуализирует проблематику общности, тематизирующую в мыследеятельности людей вопросы совместного сосуществования и восстановления устойчивых основ для последнего. В целом мы придерживаемся позиции, согласно которой социокультурное проживается и одновременно творится постоянно, это не застывший конструкт, а динамическое целое, которое схватывается интуитивно как целостное переживание и воспроизводится в практической мыследеятельности людей.

Проблематика переструктурирования, пересборки обусловлена творческими и инновационными моментами, возникающими в развитии социокультурной и в частности, публично-властной организации. При этом крайним, радикальным вариантом трансформации (как процесса более общего, нежели специфические процессы – модернизм и консерватизм) социокультурной организации является, с нашей точки зрения, понятие «кризис», который может либо привести к разрушению социокультурного целостного и устойчивого эволюционного феномена, либо предложить новые форматы и направления его трансформации.

Действительно, самые сильные впечатления, которые «впечатываются» в устойчивые представления и/или кардинально изменяют процесс социокультурной трансформации, связаны с радикальной утратой «социального порядка, гибель норм и “различий”, задающих культурные категории... распад институтов стирает или схлопывает иерархические и функциональные различия, придавая всему вид одновременно и монотонный, и монструозный» [11]. Из истории, например, государственно-правовой трансформации мы знаем, что период слома социокультурной целостности ведет к крушению политико-правовой организации. Однако затем, как это неоднократно подтверждалось историческим опытом социокультурной трансформации, архетипические основания «запускают» процессы переструктурирования идейно-смысловых основ, реорганизации или пересборки публично-властного пространства за счет новых идейных основ и процедур истины.

Важно подчеркнуть, что формирование новых идейно-смысловых оснований публично-властной организации, ее развитие и институционализация реализуются не на пустом месте, а под воздействием социокультурных архетипов. Формирова-

ние и принятие этих оснований – выбор как самих конкретных мыслителей, так и, если выразиться опять-таки метафорично, самой истории. Это выбор/принятие, по своей сути, – исторический произвол, который в свое время фундаментально описывал П. Бурдьё. Французский социолог достаточно много писал о взаимосвязи социокультурного контекста («хабитус»), творческой активности мыслителя (действия и взаимодействие акторов) и процесса институционализации, которые взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга [20].

С нашей точки зрения, этот процесс принятия/выбора идейно-смысловых оснований и формирования в соответствии с ним, в частности, публично-властной организации общества (мыслительных и институционально-нормативных структур, определенной системы категорий, принципов мышления, оценки, социальных статусов, иерархий и т.д.) следует расширить ещё одним (четвертым) элементом – архетипическими формами и схемами, обеспечивающими направленность этого процесса [21]. Как отмечалось выше, эта направленность связана с сохранением человечности в человеке, возможностью социальной общности как таковой: её воспроизводство реализуется на основе устойчивых – общих (архетипических) и специфических (социокультурных) форм и моделей.

Важно, что этот процесс «однотипного творения» архетипически неизменен, но эта неизменность принадлежит *порядку самого действия* (воссоздание общности, ее структурирование, упорядочивание, ценностно-нормативное оформление и т.д.), а не действию детерминистских закономерностей – проявлению одного и того же архаичного материала в новых социально-культурных условиях. Как справедливо в этом плане отмечает В.В. Аверьянов, человек традиции мыслит и действует «под руководством и без руководства, поскольку критерий коррекции его погружения в полноту традиции находится в нем самом, в его сознании своей связи и связанности с предшественниками и высшим духовным миром» [22].

В свою очередь, конкретно-историческое принятие/выбор идейно-смысловой основы провозглашается затем естественным/универсальным фундаментом, что влечет за собой установление различий в качестве конститутивных элементов и активизацию процессов нормирования, что впоследствии легитимирует конкретную публично-властную организацию, определенную иерархическую структуру, консервативные механизмы её сохранения и поэтапного развития. В этом плане элементы структуриации и нормирования задают саму конкретно-историческую политико-правовую реальность.

-
1. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.
 2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
 3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
 4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
 5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.
 6. Hall S. Cultural Studies and Theoretical Legacies // Cultural Studies. London; N.Y.: Routledge, 1992. 380 p.

7. Исаев Н.А., Честнов И.Л. Социокультурная антропология права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 840 с.
8. Дронов В.Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 157–160.
9. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
10. Уилсон Э. О природе человека. М.: Кучково поле, 2015. 352 с.
11. Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Изд-во ББИ, 2016. 518 с.
12. Гостев А.А. Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Институт психологии РАН, 2015. 479 с.
13. Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Институт психологии РАН, 2015. 479 с.
14. Деметрадзе М. Социокультурная антропология. Исследование социальных, культурных, правовых, политических и экономических процессов. Palmarium Academic Publishing. 2014. 504 с.
15. Ирхин Ю.В. Методология и методика современного политического анализа: подходы и проблемы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. №6 (26). Т. 5. С. 71–80.
16. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 14–79.
17. Киященко Л.П., Степин В.С. (ред.) Постнеклассика: философия, наука, культура: монография. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. 672 с.
18. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник ТГПУ. 2011. № 10 (112). С. 193–201.
19. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2016. 192 с.
20. Бурдьё П. Социология политики. М: Socio-Logos, 1993. 336 с.
21. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетей, 2013.
22. Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М.: Институт динамического консерватизма, ООО «Центральный издательский дом», 2012. 696 с.

© А.Ю. Мамычев, 2017

Для цитирования: Мамычев А.Ю. «Постдисциплинарный дискурс» архетипических исследований: постановка проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 18–25.

For citation: Mamychyev A.Yu. «Post-disciplinary discourse» of archetypal research: formulation of the problem // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 18–25.

Дата поступления: 20.03.2017.

А.С. Голобоков

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Морское военно-политическое взаимодействие России, Китая и США в АТР: динамика международных и региональных противоречий

Исследованы особенности военно-политического сотрудничества России с Китаем и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Цель работы – проанализировать динамику и характер военно-морских учений России с Китаем и США за последние годы и определить интересы участников и перспективы подобных учений в будущем с учетом непростых международных отношений, складывающихся в АТР. Актуальность исследования состоит в неоднозначности комплексной оценки двустороннего и многостороннего военно-политического сотрудничества в АТР, которое не только определяется политическим мотивом, но и направлено на решение определенных экономических задач.

Предложенный подход состоит в многофакторном анализе замыслов и сценариев учений, официальных документов и сообщений СМИ, действий заинтересованных сторон и результатов организации совместных морских учений. Сделан вывод о том, что проведение крупномасштабных военно-политических мероприятий в АТР предоставляет России возможность отстаивать свои национальные интересы и демонстрировать свою позицию по отношению к региональным угрозам безопасности, не вступая в двусторонние альянсы и оставаясь самостоятельным актором в АТР.

Результаты исследования представляют ценность для политиков, дипломатов, ученых, изучающих возможность создания эффективной модели взаимодействия между США, КНР, Россией и другими участниками АТР. Значимость исследования состоит в анализе подходов отечественных и зарубежных авторов к военно-политической составляющей стратегии России в АТР. Исследование может послужить основой для будущей сравнительной работы в области общественных наук с учетом общих черт в азиатско-тихоокеанских стратегиях США, Китая и России.

Ключевые слова и словосочетания: Азиатско-Тихоокеанский регион, стратегическое партнерство, военно-морское сотрудничество, региональная безопасность, Морское взаимодействие, национальный интерес, международные отношения, Россия, Китай, военно-морские учения, национальная политика, США.

A.S. Golobokov

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Naval military and political interaction of Russia, China and U.S. in the Asia-Pacific: dynamics of international and regional contradictions

Various features of political and military cooperation between Russia, China and U.S. in the Asia-Pacific studied in the paper. The goal is to analyze the dynamics and character of modern Russian-Chinese and Russian-U.S. naval exercises and to determine the participants' interests and prospects of these exercises whereas the difficulties of international relations in the Asia-Pacific. The research is topical, as the comprehensive assessment of bilateral and multilateral military and political cooperation in the Asia-Pacific is diversified. It determined not only by political reasons, but also aimed at solving specific economic problems. Multiple-factor analysis of exercises plans and scenarios, official documents and media reports, actions of stakeholders and the results of joint naval exercises proposed. The conclusion is made, that conduction of large-scale military and political exercises in the Asia-Pacific gives Russia the opportunity to defend its national interests and to demonstrate its position to regional security threats by avoiding bilateral alliances and remaining an independent participant in the Asia-Pacific. Results from this study could be useful for policymakers, diplomats and lecturers, as they work to construct an optimal model of interaction between the U.S., China, and Russia and others concerning development of the Asia-Pacific. The originality of the work is also in analysis of Russian and foreign approaches to military and political factor or Russian strategy in the Asia-Pacific. Further, this study can contribute to future work in the field of comparative studies as there are a number of parallels between the U.S. and Russian politics in the Asia-Pacific.

Keywords: Asia-Pacific, strategic partnership, naval cooperation, regional security, Sea Interaction, national interest, international relations, Russia, China, naval exercises, national policy, U.S.A.

Введение

Интенсификация военно-политической активности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и за его пределами показывает, что за последние годы многовекторность российской внешней политики существенно возросла. Принимая участие в военно-политических мероприятиях с военно-морскими силами Китая, Индии, Индонезии, Азербайджана, Египта и т.д., Россия демонстрировала свой военно-политический потенциал и одновременно решала задачи проверки состояния готовности войск и сил флота, а также применения способов действий войск с учетом современного опыта.

Вместе с тем на тихоокеанском геополитическом театре ключевыми и во многом разнонаправленными продолжают оставаться отношения в треугольнике Россия–КНР–США. Китай с начала 2000-х продолжает оставаться стратегическим партнером России, и двусторонние военно-морские учения между этими государствами проводятся с учетом уже сложившихся традиций и особенностей. При этом

Россия в недавнем прошлом участвовала в военных маневрах с США – главным региональным соперником Китая в АТР. Можно предположить, что Россия заинтересована в поддержании и укреплении стратегического партнерства как с КНР, так и с США, в том числе в его военном измерении. Этому, в первую очередь, и способствует проведение масштабных совместных учений. Цель данной работы – проанализировать динамику и характер военно-морских учений России с Китаем и США за последние годы, определить интересы участников и перспективы подобных учений в будущем с учетом непростых международных отношений, складывающихся в АТР.

Военно-политическое сотрудничество России, Китая и США анализировалось в трудах таких отечественных и зарубежных авторов, как А. Балыбердин [1], В. Кашин [5], Ю. Коидзуми [6], В. Терехов [7], А. Хроленко [9], Р. Де Вийк [10], Н. Курт [12] и др. Неоднозначность комплексной оценки подобных учений связана с целым рядом факторов: проведение их в различных районах мирового океана в условиях геополитических и территориальных противоречий, усиление «блоковой» составляющей учений при их проведении в канун аналогичных маневров Запада и т.д. В некоторых случаях замысел и сценарии учений не только определяют политическим мотивом, но и направлены на решение определенных экономических задач.

В то же время, как отмечает А. Балыбердин, военно-морская деятельность в региональном аспекте – одно из ключевых функциональных направлений национальной морской политики России [1]. Наибольшее внимание в данном исследовании уделяется тем мероприятиям, проведение которых зачастую обусловлено международно-политическим контекстом и учитывает наличие в АТР таких серьезных «горячих точек» с участием ключевых игроков, как «ядерная проблема» на Корейском полуострове, японо-китайский спор об островах Дзяюйдао/Сенкаку, многосторонний территориальный спор о принадлежности островов архипелага Спратли и др. Предложенный подход состоит в многофакторном анализе замыслов и сценариев учений, официальных документов и сообщений СМИ, действий заинтересованных сторон и результатов организации совместных морских учений.

Россия и КНР: динамика и современная характеристика военно-морских учений

Некоторые западные ученые отмечают, что китайская и российская стратегии в АТР являются частью «политики силы», растущей с ослаблением Запада и связанной с притязаниями на часть регионального пространства [10]. С углублением стратегического партнерства России с Китаем контакты ВМФ РФ с ВМС НОАК (Народно-освободительная армия Китая) претерпели серьезные изменения, а частота проведения совместных военно-морских учений увеличилась. Помимо совместных тренировок кораблей во время визитов в порты друг друга экипажи кораблей, задействованных в антипиратских операциях, практиковались в совместной проводке караванов судов по коридорам безопасности у берегов Сомали, в Средиземном море и т.д.

К настоящему времени утвердились два основных формата учений России и Китая: «Мирная миссия» и «Морское взаимодействие». В первом формате практической стороной выступала подготовка и проведение командно-штабных и оперативно-тактических учений под эгидой Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС [3], которые включали разъединение конфликтующих сторон и обеспечение порядка у границ условного государства, в котором возникли этнические разногласия. В рамках ШОС первое морское учение «Мирная миссия» было проведено в 2005 г., тогда в задачи учений, помимо отработки слаженности маневрирования кораблей ТОФ РФ и ВМС НОАК, входила совместная высадка китайско-российского морского десанта на необорудованное побережье полуострова, захваченного условными бандформированиями. По сценарию «Мирной миссии – 2005» основная роль надводных кораблей заключалась в прикрытии ими десантных сил.

Обратим внимание, что изначально в 2005 г. КНР предложила провести учения в провинции Чжэцзян, которая находится недалеко от Тайваньского пролива, с целью демонстрации военно-морской мощи Тайваню [6]. В итоге переговоров стороны выбрали для учений Шаньдунский полуостров, однако их политическая направленность сохранилась, и на морском этапе были проведены учебно-боевые пуски ракет, как с надводных кораблей, так и из-под воды, с китайской подводной лодки.

В маневрах 2005 г. по количеству участников явно доминировал Китай, который выставил рекордное количество в 60 кораблей для имитации масштабного десантирования на необорудованное побережье (впрочем, экспертам было ясно, что отрабатывался силовой вариант решения Тайваньской проблемы). От России в «Мирной миссии – 2005» участвовали 5 кораблей и подразделение морских пехотинцев Тихоокеанского флота.

При этом учения 2005 г. стали единственной морской «Мирной миссией», после чего учения с этим названием переместились на сушу и стали шестисторонними (по количеству стран – постоянных членов ШОС). В 2011 г. КНР вновь предложила провести «Мирную миссию» на море, однако Россия отказалась, так как сухопутная традиция и характер этих учений – борьба с терроризмом и экстремистскими группировками на отдельно взятом пространстве – к этому времени вполне сложились.

Иначе формировались характер и особенности другой серии совместных российско-китайских учений – «Морское взаимодействие», предусматривающих проведение совместных операций флотов двух стран на обширном морском пространстве. После 2005 г. крупные учения между нашими странами не проводились семь лет. Со сменой названия на «Морское взаимодействие» эти маневры стали ежегодными. Первые учения в таком формате были проведены в 2012 г. в Желтом море и включали в себя освобождение захваченного судна с применением вертолетов и быстроходных лодок с подразделениями спецназа, форсирование опасного района, поисково-спасательные операции, оказание помощи аварийному судну в ведении борьбы за живучесть. В отличие от «Мирной Миссии – 2005», на «Морском взаимодействии – 2012» ракеты не запускались, а стороны ограничились артиллерийской стрельбой и совместными маневрами кораблей.

С заявлениями многих российских и зарубежных СМИ о возросшем масштабе учений можно согласиться лишь отчасти. Так, в 2005 г. со стороны России в порту Циндао ошвартовались один большой противолодочный корабль (БПК), большой десантный корабль, эскадренный миноносец, морской танкер и буксир. В «Морском взаимодействии – 2012» приняли участие уже три российских БПК, ракетный крейсер, танкер и два морских буксира. Другими словами, по сравнению с 2005 г., число привлекаемых на учения российских боевых кораблей возросло, при этом в совместных маневрах впервые принял участие ракетный крейсер – корабль, подобного которому в китайских ВМС нет.

Посмотрев на силы, задействованные китайскими моряками, можно увидеть уменьшение их количества по сравнению с «Мирной миссией». В 2005 г. китайское командование выставило на учения 60 надводных кораблей и подводных лодок и около 8000 военнослужащих. В 2012 г. в маневрах приняли участие 18 кораблей ВМС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и примерно 4000 человек личного состава. При этом были задействованы 10 ракетных эсминцев и ракетных фрегатов от трех флотов ВМС НОАК, то есть корабли океанской зоны.

На учениях 2012 г. Россией и Китаем отрабатывались те же задачи, которые выполняются военными кораблями двух стран в Аденском заливе: конвоирование судов, действия экипажа по боевой тревоге, выполнение задач по поддержанию боеготовности корабля. Кроме того, в 2012 г. стороны отработали практические стрельбы в едином кильватерном строю, что можно охарактеризовать как действия, направленные против мощного противника, имеющего современные военно-морские вооружения. В пользу этого говорит и эпизод, в котором стороны боролись с подводным противником, действия которого имитировала китайская подводная лодка.

В 2012 г. китайская сторона отрабатывала действия на море полноценной корабельной ударной группировки, в составе которой находятся крупные корабли класса «крейсер». Одной из причин этого является необходимость Китая в такой группировке для прикрытия своих авианосцев, первый из которых («Ляонин») вошёл в состав ВМС НОАК как раз после учений 2012 г.

Прошедшие под Владивостоком (в заливе Петра Великого) учения «Морское взаимодействие – 2013» закрепили традицию очередности проведения маневров на акватории каждой из сторон. В отличие от предыдущих учений, ВМС НОАК в 2013 г. представили рекордную по количеству группу боевых кораблей за пределами своего государства. Четыре эсминца, два эскортных корабля (фрегата) и судно обеспечения представили собой быстроходную, маневренную, а главное – боеспособную группировку, способную решать широкий спектр задач в море: от борьбы с подводными лодками, кораблями и летательными аппаратами противника до охраны соединений кораблей или конвоев судов на переходе морем. Суммарно на кораблях было размещено до 160 зенитных ракет, а этого достаточно для борьбы с крупной авианосной группой. Кроме того, все корабли были построены в 2000-х годах, и группу можно назвать современной.

По сравнению с предыдущими маневрами ударная сила Тихоокеанского флота также возросла: ракетный крейсер, эсминец, противолодочные и ракетные корабли общим количеством 11 единиц. Добавим, что в 2013 г. на учениях от российской стороны были впервые задействованы истребитель-бомбардировщик Су-24М и малозумная дизельная подводная лодка класса «Кило», поэтому в целом тенденцию увеличения совокупной мощи участников «Морского взаимодействия» можно назвать сложившейся.

По своему предназначению маневры не претерпели особых изменений и были посвящены повышению уровня оперативной совместимости, углублению политического доверия и развитию стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. Тем не менее, по отдельным эпизодам учения 2012 и 2013 годов существенно разнятся. Прежде всего, это касается антитеррористической составляющей, которая в 2013 г. была выражена более ярко: подразделения антитеррора практиковались в освобождении захваченного судна с применением вертолетов и быстроходных лодок. В 2013 г. совместные артиллерийские стрельбы были также дополнены эпизодами совместной обороны от подводных и воздушных противников, стрельбой по воздушным мишеням, сброшенным с самолета, поиском и уничтожением «неприятельской» подводной лодки условного противника. Таким образом, заметно расширилась «боевая» составляющая учений, которая дополнила ставшие уже традиционными эпизоды совместного эскорта и конвоирования судов, спасения угнанных кораблей, охраны и обороны на незащищенном рейде и поисково-спасательной операции по оказанию помощи аварийному кораблю.

Следующие военно-морские учения «Морское взаимодействие» прошли в конце мая 2014 г. в акватории Восточно-Китайского моря (ВКМ) и по времени совпали с визитом в КНР Президента РФ и его участием в шанхайском саммите Сопредседания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

При этом в январе 2014 г. взаимодействие флотов обеих стран отрабатывалось также в Средиземном море, таким образом, впервые за один год было проведено два совместных военно-морских учения России и Китая. В 2014 г. на учениях в ВКМ («в гостях») Россия представила 6 надводных кораблей, а китайская сторона – 6 надводных кораблей и 2 подводные лодки.

Важным эпизодом учений стала отработка антипиратских действий – конвоирование гражданского судна и противодействие катерам условного противника, в ходе которого с вертолетов Ка-27 был открыт предупредительный огонь. Таким образом, практика совершенствования навыков по совместной защите морских коммуникаций, начатая в январе 2014 г. в Средиземном море, получила продолжение на «Морском взаимодействии – 2014». То, что в тематику «Морского взаимодействия» неизменно входят эпизоды по конвоированию судов и кораблей, досмотру и сопровождению подозрительных плавсредств и освобождению судна, выглядит логичным, так как обе стороны синхронно конвоировали вывоз из Сирии химического оружия в начале 2014 г., а с 2009 г. осуществляют регулярное боевое дежурство в Индийском океане.

Больше внимания стало уделяться и командно-штабной фазе, в ходе которой отрабатывались навыки управления корабельными соединениями и решения задач без участия кораблей. Это позволило повысить оперативную совместимость сторон во время активной фазы, в ходе которой к маневрам были привлечены две полноценные морские группировки. Во время практического розыгрыша по взаимному противодействию в 2014 г. корабли России и Китая собирали и передавали информацию о нахождении условного противника.

В свою очередь, одной из главных особенностей «Морского взаимодействия – 2015» стала смена региона проведения учений – с тихоокеанского на средиземноморский. Впрочем, практика совершенствования навыков по совместной защите морских коммуникаций между двумя странами в Средиземном море была начата еще в январе 2014 г., когда российские и китайские корабли обеспечивали вывоз химического оружия из Сирии. Кроме того, Россия имеет в регионе соглашения в сфере морского сотрудничества с Сирией и Кипром, а с 2013 г. поддерживает постоянно действующее оперативное соединение сил флота в средиземноморской зоне.

В 2015 г. Китай отправил в Средиземное море три корабля – два ракетных фрегата и судно комплексной поддержки. Россия, имевшая больше возможностей как принимающая сторона, представила на учениях ракетный крейсер, ракетный корабль на воздушной подушке, сторожевой корабль, два больших десантных корабля и морской буксир. Оба китайских фрегата были достаточно современными кораблями, введенными в эксплуатацию в 2012 и 2013 гг. Немаловажно, что и фрегаты ВМС НОАК, и российские ракетные корабли-участники учений являются носителями противокорабельных ракет. За время учений эти корабли выполнили ряд совместных артиллерийских стрельб по морским мишеням, а также стрельбы реактивными глубинными бомбами по условным подводным целям.

Сохранение ключевой роли кораблей-носителей ракетного оружия и связанных с этим ракетно-артиллерийских задач предполагало повышение уровня оперативной совместимости флотов России и Китая, расширяющее возможности проведения совместных военно-морских операций в различных районах Мирового океана. Во время учений между сторонами был произведен обмен радиолокационными данными, что предполагает высокий уровень стратегического доверия. Тенденцию повышения оперативной совместимости российских и китайских подразделений можно было также наблюдать при отработке управления объединенной группировкой с борта ракетного крейсера «Москва» и обеспечения комплексной защиты кораблей в составе тактических групп.

От окончания первого до начала второго этапа «Морского взаимодействия – 2015» прошло всего три месяца. Второй этап морских учений России и Китая в 2015 г. прошел летом в заливе Петра Великого и включил в себя также наземную составляющую. Будучи в этот раз ближе к родным берегам, Китай нарастил состав боевой группировки до семи кораблей: 2 эсминца, 2 сторожевых корабля, 2 десантных корабля и судно снабжения, а также усилил группировку штурмовой и десантной авиацией и бронетехникой. Как и на предыдущих учениях, техника была самой современной, а в преддверии военного парада НОАК в Пекине в честь

70-летия победы военное командование постаралось продемонстрировать потенциал военно-морских сил верховному руководству страны.

От России было задействовано около 15 больших и малых кораблей, подлодок и судов обеспечения, подразделения морской пехоты, бронетранспортеры БТР-80 и т.д. Примечательно, что по своей специфике второй этап российско-китайских учений 2015 года во многом напоминает «Мирную миссию – 2005». Как и десять лет назад под Циндао, в августе 2015 г. корабли обеих сторон выбивали «силы противника», закрепившегося на отдельной территории, окружая его на разных участках побережья с привлечением авиации и наземных подразделений. При этом, в отличие от 2005 г., в августе 2015 г. условной целью участников совместных тренировок стал отвод гражданского населения из зоны конфликта по выделенному «коридору безопасности».

В 2016 г. учения «Морское взаимодействие» впервые прошли в Южно-Китайском море у побережья китайской провинции Гуандун – в регионе, где имеют место споры КНР с некоторыми странами региона по территориальной принадлежности целого ряда островов. Всего от России и Китая были задействованы 18 кораблей и судов обеспечения. Особенностью данных учений стало формирование двух отрядов кораблей и противоборствующей стороны с целью организации взаимодействия, для чего была применена объединенная система обмена информацией и командования. Соответственно, отличительной чертой данных учений стал не масштаб, а содержание. Стороны отработали высадку десанта на необитаемые острова, при этом они задействовали десантные суда и вертолеты, а также вступали в бой с гарнизоном островов.

Организация совместных морских учений России и Китая показывает, что каждый год они проходят на новом театре и становятся более содержательными: например, начали формироваться смешанные подразделения из российских и китайских кораблей, усложнились особенности совместной коммуникации и т.д. Не секрет, что учения «Морское взаимодействие» имеют прямое отношение к изменившейся расстановке сил в АТР, главным образом в треугольнике «Россия – США – Китай», после «поворотов» первых двух держав на Восток в 2011–2012 гг. По сравнению с 2005 г., когда стороны «боролись с терроризмом» с помощью стратегических бомбардировщиков и подводных лодок, запускающих ракеты из-под воды, действия ВМС обеих стран уже не выглядят завуалированными, напротив, они вполне недвусмысленны. Это полноценные военно-морские маневры, в ходе которых отрабатываются все основные элементы морского сражения, в том числе борьба с авиацией, подводными лодками, надводными кораблями, высадка десанта [9]. Естественно, что для китайского руководства, которое всегда остро реагирует на события по периметру своих морских границ, гораздо предпочтительнее «демонстрировать флаг» со своим «стратегическим партнером» – Россией, нежели в одиночку.

При этом содержание учений «Морское взаимодействие» вполне согласуется с китайской концепцией «гармоничного моря», то есть механизма сотрудничества по обеспечению безопасности на море [7]. Как указано в современной военной стратегии КНР (девятой «Белой книге»), всестороннее развитие военных отношений подразумевает углубление китайско-российского сотрудничества в рамках

всеобъемлющего стратегического партнерства. Расширение взаимодействия по проведению учений в области противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности, повышение совместной боеготовности армий также являются необходимыми составляющими расширения международного сотрудничества в области безопасности [2].

Наращивание боевой мощи участников российско-китайских учений, как и расширение спектра совместных задач – от антитерроризма и борьбы с пиратством до противовоздушной защиты, противолодочной обороны и ведения морского боя, имеет конкретные причины. Это и проверка готовности сил флота к действиям в составе полноценной корабельной группировки, и совершенствование морской и летной выучки экипажей кораблей и судов, и оценка десантных возможностей, а для Китая – ещё и повод продемонстрировать возросший потенциал ударной и десантной составляющих ВМС в контексте ведущихся в АТР территориальных споров.

Прежде всего это касается спорных островов архипелага Сенкаку (Дяюйдао), островов Наньша (Спратли) и Хуаньянь (риф Скарборо), на которые, помимо Китая, претендует группа стран АТР. В спор вовлечены Вьетнам, Филиппины, Бруней, Малайзия, Тайвань. Обострение территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях уже привело к развертыванию локальной гонки вооружений между Китаем, с одной стороны, и США, Японией, Вьетнамом и Филиппинами – с другой [5]. При этом «Морское взаимодействие – 2014» практически совпало по времени с конфликтом Китая и Вьетнама из-за размещения в спорных водах китайской плавучей буровой платформы и последовавшими за этим антикитайскими погромами на юге Вьетнама. Кроме того, КНР уже давно готовится к возможному кризису на Корейском полуострове: усиливает контроль над границей и проводит учения войск по ее перекрытию [13].

Китайское командование назвало «Морское взаимодействие» учениями, направленными на расширение возможностей противостоять возможным угрозам, возникающим на море. Нетрудно догадаться, что одна из этих угроз для Китая – споры вокруг территорий. Не стоит забывать при этом, что сохранение нейтральной позиции в международных конфликтах и спорах и отказ от участия в войнах, столкновениях и т.д. – факторы, которых китайское руководство неизменно придерживается на внешнеполитической арене [4].

В целом, задачи, отрабатываемые ВМС России и Китая в ходе совместных учений, во многом совпадают: налаживание взаимодействия между флотами и подразделениями, антитеррористическая и антипиратская деятельность, оптимизация и практическая проверка военно-морских сил, в том числе находящихся на значительном удалении от мест постоянного базирования в составе объединенной группы; демонстрация флага на важных участках морских торговых путей. Очевидно, что, регулярно проводя совместные учения с Китаем, Россия продолжает «играть» на Тихоокеанском морском театре против США, которые за последние два года переориентировали более половины своих ВМС в АТР и могут попытаться блокировать морские коммуникации и ограничить доступ своим соперникам по АТР к энергоносителям и другим видам ресурсов.

Россия и США: анализ военно-морского взаимодействия

Несмотря на то, что, по мнению некоторых западных исследователей, США являются инициатором обсуждения и решения вопросов безопасности на Тихом океане [11], на практике Вашингтон постоянно проводит масштабные двусторонние военно-морские учения со странами-союзниками в регионе: Южной Кореей, Японией, Австралией, Филиппинами и т.д. Как свидетельствует анализ, ни одно крупное военно-морское учение с участием России и Китая не обходится без проведения в близкие сроки масштабных маневров США и их союзников, на которых зачастую отрабатываются задачи, аналогичные либо призванные противодействовать тем, что выполняются на российско-китайских, российско-индийских и других учениях.

К примеру, в 2012 г. ВМС США и Филиппин провели военно-морские учения «Баликатан» за несколько дней до начала активной фазы «Морского взаимодействия – 2012», целью которых было как раз отражение атак условного противника на объекты, находящиеся в приграничной зоне. В июне 2013 г. перед началом «Морского взаимодействия – 2013» США совместно с морскими силами самообороны Японии провели учения по высадке десанта у южного побережья Калифорнии («Блиц на рассвете») и учения военно-воздушных сил около острова Хоккайдо (всего в 800 км от места проведения российско-китайских учений в заливе Петра Великого). Майские учения 2014 г. «Морское взаимодействие» последовали за проведенными ранее в этом же году американо-южнокорейскими маневрами Key Resolve и Foal Eagle, в рамках которых отрабатывался сценарий силового удара по Пхеньяну.

Стоит отметить, что до украинского кризиса 2014 г. Россия выступала для США полноценным партнером в военно-морской сфере наряду с союзниками в АТР. Так, в Японском море проводились многосторонние морские учения ФРУКУС (FRUKUS), название которых образовано от названия четырех стран-участниц – Франции, России, Великобритании и США. До 2013 г. на Дальнем Востоке России ежегодно отрабатывалась антитеррористическая тематика военно-морских учений России и США в рамках двусторонних учений «Бдительный орел», на которых представители ВВС России и Командования воздушно-космической обороны Североамериканского континента (NORAD) отрабатывали совместные действия по отражению террористической атаки на воздушное судно.

Особое внимание следует обратить на участие России (наряду с Индией) в многонациональном учении «РИМПАК» (RIM of the PACific, или «Тихоокеанское кольцо»), которое прошло под эгидой США у Гавайских островов летом 2012 г. Приглашение России на «РИМПАК» можно считать «ответом» США на проведенные ранее российско-китайские учения «Морское взаимодействие», то есть попыткой восстановления паритета в треугольнике «США – Россия – Китай». Кроме того, для США важно, что Тихоокеанский флот РФ обладает достаточно большим опытом по обеспечению безопасности мореплавания и борьбе с пиратством у берегов Сомали.

Учениям «РИМПАК» предшествовала череда других военных маневров, которые проводились в акватории Тихого океана в самых разнообразных комбинациях стран-участниц. США укрепили имеющиеся альянсы безопасности со странами

АТР (Японией, Австралией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами) и ищут новых региональных союзников. Среди последних выделяются Вьетнам, Сингапур, Индонезия и, конечно, Индия [8].

Интересы России как участника РИМПАК–2012 были очевидны – это возможность воочию оценить выучку экипажей американских кораблей, увидеть новые тенденции развития и изменения в тактике американских ВМС. Кроме того, большинство учений между Россией и США, как правило, проводятся в двустороннем формате, а РИМПАК – многонациональное учение. Поэтому для российских моряков это еще и возможность показать собственные профессиональные навыки, которые, с учетом формата РИМПАК, оценивались экспертами со всего АТР.

Поскольку целью РИМПАК является улучшение взаимодействия между флотами стран АТР для обеспечения региональной стабильности, усиление состава участников таким ключевым игроком, как Россия, способствовало политическому оздоровлению учений, когда наши моряки-тихоокеанцы действовали совместно с ВМС США в составе оперативного соединения.

В последующие годы учения РИМПАК проходили без РФ, поскольку Вашингтон приостановил сотрудничество с Москвой в военной сфере из-за ситуации на Украине, одновременно усиливая сотрудничество с традиционными союзниками по региону. Практически одновременно со вторым «Морским взаимодействием – 2015» в Южной Корее под флагом «командования ООН» прошли очередные военные учения «Бльчи – Фридом гардиен», следовавшие за традиционными ежегодными штабными учениями Key Resolve и маневрами Foal Eagle. Похожие по тематике на российско-китайские (высадка десанта на побережье, освобождение территории от условного противника при поддержке с воздуха), они были гораздо масштабнее: в маневрах участвовало около 80 тыс. военнослужащих США и Республики Кореи, военные Франции, Дании, Великобритании, Канады и т.д.

Реальная цель учений союзников на Корейском полуострове не изменилась – отработка силового сценария при внезапной эскалации обстановки у границ КНДР. В сравнении с российско-китайскими маневрами частота и интенсивность учений, проводимых американцами в АТР, в целом существенно выше и также нарастает. Так, в июле 2015 г. США провели военно-морские учения «Talisman Saber» с ВМС Австралии, Японии и Новой Зеландии, на которых помимо прочего отрабатывались действия амфибийных и сухопутных сил, десантирование с воздуха и практические учебно-боевые стрельбы. В январе 2016 г. США усилили свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе вторым атомным авианосцем «John C. Stennis», прибывшим в западную часть Тихого океана в связи с ядерными испытаниями КНДР и региональным противостоянием вокруг спорных островов в Южно-Китайском море.

В 2014 и 2016 гг. США пригласили ВМС НОАК к полноценному участию в РИМПАК, что свидетельствует как о гибкости американских подходов к взаимодействию с геополитическими соперниками в АТР, так и об усилении политического давления на Россию, выступающую главным военно-морским партнером Китая на этом пространстве.

За последние годы «симметричный ответ» Москвы на масштабные учения США со своими союзниками вблизи российских границ стал традиционным, и его действенность ни у кого не вызывает сомнений. Как отмечают некоторые исследователи, в стратегии России произошла переоценка роли регионализма, в связи с чем в стране пытаются риторически противостоять «европоцентристской» идеологии и отделить отношения с Китаем от всех остальных отношений в регионе [12]. В перспективе в Тихом и Индийском океанах будут проводиться не менее масштабные по составу и сложные по обрабатываемым задачам военно-морские учения РФ с Индией и Китаем. В то же время, с учетом ожидаемого в связи со сменой президентской администрации снижения напряженности в отношениях с США не исключено возобновление сотрудничества РФ с этой страной в военной сфере.

Заключение

Современная обстановка в сфере безопасности в АТР характеризуется борьбой за обладание контролем над морскими пространствами между «великими державами» с возможным вовлечением малых и средних государств в три «холодных» конфликта – весьма опасных с точки зрения военных потенциалов противостоящих сторон – «корейский», «тайваньский» и «южно-китайский». Эти угрозы безопасности реальны и не могут исчезнуть сами по себе, поэтому проведение военно-морских учений в этих районах не только имеет демонстративное политическое значение, но вполне может привести к ещё большему обострению этих конфликтов. Россия напрямую не втянута ни в один из них (хотя и имеет интересы безопасности на Корейском полуострове) и в этом смысле находится в достаточно выгодной позиции, позволяющей ей при успешной региональной политике, учитывающей геополитическую конъюнктуру, поддерживать военно-стратегический паритет с ключевыми игроками АТР.

Учитывая напряженную обстановку, сложившуюся на Корейском полуострове после обмена угрозами КНДР и Южной Кореи, а также продолжающуюся конфронтацию России с Западом, интенсификацию военных учений можно назвать логичным шагом, направленным на поддержание паритета между США, РФ и КНР. Москва в целях защиты своих национальных интересов заинтересована в поддержании и укреплении стратегического партнерства с КНР и другими странами, в том числе в его военном измерении, чему, в первую очередь, способствует проведение масштабных совместных учений.

США с возникновением серьезных проблем в «азиатской» политике используют учения для демонстрации своей позиции по отношению к региональным угрозам безопасности, используя традиционные двусторонние альянсы и одновременно оставаясь самостоятельным актором в АТР. Китай «демонстрирует флаг» со своим «стратегическим партнером» – Россией, реагируя на события по периметру своих морских границ, и, вследствие нарастающего кризиса (потеря доверия ряда стран АТР, отказ развивать программу «Транстихоокеанское партнерство» и т. д.), попытается занять место США в АТР. Соответственно, крупные военно-морские учения в АТР можно расценивать как стремление сторон поддерживать

равновесие в сложно взаимодействующих треугольниках «Китай–Россия–США» и «Россия–Индия–США».

1. Балыбердин А. Морская доктрина в новой редакции // Морские вести России. 2015. № 10.
2. Военная стратегия Китая: девятая «Белая книга» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm
3. Голобоков А.С. КНР и военные контакты в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №4. С. 148–152.
4. Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №3 С. 117–124.
5. Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР // Carnegie Endowment for International Peace. Июнь. 2016. С. 3.
6. Коидзуми Ю. Почему военно-морские учения Китая и России проводились в Южно-Китайском море? // Wedge Infinity, Япония [Электронный ресурс]. URL: <http://wedge.ismedia.jp/articles/-/7837>
7. Ответы официального представителя МИД Китая Цинь Гана на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 15.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://tj.china-embassy.org/rus/fyrth/t212687.html>
8. Терехов В. Международные военно-морские учения в Тихом океане: почему в них участвует Россия? [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/smi/1338/>
9. Хроленко А. Военно-морское взаимодействие России и Китая изменяет мир [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/analytics/20150820/1197434790.html>
10. De Wijk R. Power Politics: How China and Russia Reshape the World. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 212 pp.
11. Kahler, Miles. Regional Economic Institutions and East Asian Security. In The Nexus of Economics, Security and International relations in East Asia. Ed. by Avery Goldstein and Edward D. Mansfield. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. P. 66–95.
12. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From ‘Competing’ to ‘Complementary’ Regionalisms // Political Studies Association. 2014. Vol. 34. Issue 2. P. 138–148.
13. Ryall J. China Has a Secret Plan for the Collapse of the North Korean Government // Business Insider. 2014. May 6.

© А.С. Голобоков, 2017

Для цитирования: Голобоков А.С. Морское военно-политическое взаимодействие России, Китая и США в АТР: динамика международных и региональных противоречий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. №1. С. 26–38.

For citation: Golobokov A.S. Naval military and political interaction of Russia, China and U.S. in the Asia-Pacific: dynamics of international and regional contradictions // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 26–38.

Дата поступления: 06.02.2017.

УДК 338:911.3 (571.6)

П.Я. Бакланов¹

А.В. Мошков²

М.Т. Романов³

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Пространственная дифференциация и трансформация видов экономической деятельности в северной зоне Дальнего Востока России*

В статье рассмотрена пространственная дифференциация видов деятельности в субъектах северной зоны российского Дальнего Востока за 2004–2013 гг. Виды деятельности оценены по их доле в структуре добавленной стоимости. Выявлены существенные пространственные различия видов деятельности по субъектам северной зоны, их изменения за этот период, а также изменения в самих видах деятельности за этот период.

Ключевые слова и словосочетания: виды деятельности, пространственная дифференциация, структурные изменения, пространственные различия, освоение, российский Дальний Восток, северная зона.

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (№ 44П).

¹ Бакланов Петр Яковлевич – академик РАН, профессор, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН; e-mail: geogr@tig.dvo.ru.

² Мошков Анатолий Владимирович – д-р геогр. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН; e-mail: geogr@tig.dvo.ru.

³ Романов Матвей Тихонович – д-р геогр. наук, заведующий лабораторией территориально-хозяйственных структур ТИГ ДВО РАН; научный сотрудник лаборатории эколого-географических исследований ВГУЭС; e-mail: geogr@tig.dvo.ru

P.Ya. Baklanov
A.V. Moshkov
M.T. Romanov

Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Geographical differentiation of territorial structures of economy and its change in Pacific Russia

The article considers the spatial differentiation of activities in the regions of the Northern zone of the Russian Far East for 2004-2013 activities are rated according to their share in the structure of value added. Revealed significant spatial differences in the types of activities in constituent entities of the Northern zone and their changes during this period, as well as changes in themselves and in the activities for this period.

Keywords: activities, spatial differentiation, structural change, spatial differences, development, the Russian Far East, Northern area.

Введение

В качестве северной зоны Дальнего Востока России выделяется часть Дальневосточного федерального округа, представленная субъектами: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ. Это северные территории региона с большим сходством их природно-климатических условий, природно-ресурсного потенциала, сложившейся производственной специализацией. В экономике этих субъектов формируются различные хозяйственные структуры и функции, характерные для северных, в т.ч. арктических регионов (оленоводство, рыболовство и морской промысел, добыча руд драгоценных и цветных металлов, морской транспорт и в т.ч. обслуживание Северного морского пути и др.). Республика Саха (Якутия), имеющая протяженность с севера на юг более 3 тыс. км., в своей южной, наиболее освоенной, части приобретает черты срединного района. Однако вся республика рассматривается в северной зоне.

Территория Камчатского края также вытянута в меридиональном отношении почти на 2 тыс. км, и её южную, более освоенную, часть вместе с административным центром – Петропавловском-Камчатским можно отнести к срединным районам. Однако в данном случае весь Камчатский край также рассматривается в северной зоне.

Можно отметить и некоторую общность географического положения этих районов – все их территории выходят к морям Северного Ледовитого и Тихого океанов. Одновременно – к их природным ресурсам и транспортному потенциалу.

В последнее время в России значительно возрастает внимание к северным, в том числе арктическим, регионам (АР). В ряде крупных научных публикаций рассмотрены особенности природно-ресурсного потенциала, уровней хозяйственного

освоения и социально-экономического развития северных районов [1; 5–7; 11; 12]. Однако оценкам пространственных аспектов хозяйства на уровне видов деятельности внимания уделялось меньше [3; 4].

Постановка проблемы

В качестве благоприятных факторов развития экономики этого региона в целом следует рассматривать богатейший природно-ресурсный потенциал суши и моря: нефть, природный газ, уголь, руды черных и цветных металлов, драгоценные камни, строительные материалы, морские биоресурсы и др. Благоприятным фактором также являются непосредственный выход субъектов к морям Северного Ледовитого и Тихого океанов, возможности использования морских портов Тихого и Северного океанов и морского транспорта, связывающего экономику восточных районов России между собой, западных районов с восточными, а также динамично развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В качестве негативных факторов, сдерживающих освоение природно-ресурсного потенциала АР, следует выделить суровые природно-климатические условия (низкие температуры воздуха и воды, полярная ночь, тундровые и лесотундровые ландшафты, вечная мерзлота, высокая сейсмичность) и значительную удаленность региона от более развитых в социально-экономическом отношении субъектов Российской Федерации, слабую хозяйственную, в том числе инфраструктурную, освоенность той территории, низкий демографический потенциал населения [1; 3; 4; 11].

Важнейшей предпосылкой регионального развития любых крупных регионов является сложившаяся пространственная дифференциация видов деятельности населения. Упорядоченное размещение видов деятельности, которое в более широком смысле составляет территориальную организацию хозяйства, является важнейшей предпосылкой регионального развития северной (Арктической) широтной зоны. Упорядоченное размещение хозяйственных предприятий и их сочетаний по территории с установлением их экономических связей между собой и сопряжений с территорией понимается как территориальная организация хозяйства [2]. С одной стороны, территориальная организация хозяйства отражает региональные различия в реализованных типах освоения, их определённую инерционность, а с другой, – возможности и некоторые тенденции развития территориальных хозяйственных структур на будущее [2]. Территориальные структуры хозяйства оценивались по сочетаниям видов деятельности в отдельных субъектах. Оценка сочетаний видов деятельности в субъектах проводилась по отраслевым структурам добавленной стоимости – на основе статистических данных.

В целом в статье ставятся задачи, во-первых, показать особенности пространственной дифференциации видов деятельности в субъектах северной зоны Дальнего Востока и их изменения за 10-летний период; а во-вторых, показать структурные изменения, то есть изменения в сочетаниях видов деятельности по субъектам за этот же период.

Следует отметить, что одним из первых общих анализ размещения производительных сил по широтным зонам страны провел академик А.Г. Гранберг (1983) [8]. Под его редакцией вышел сборник научных трудов, в котором рассматривались

различные аспекты изучения экономики Сибири в разрезе широтных зон (1985) [16]. После этого в подобной постановке задача изучения экономики региона не ставилась.

Основные результаты

Субъекты Дальневосточных Северных районов России, которые рассматриваются обобщенно в северной широтной зоне, имеют различные показатели социально-экономического потенциала и размеров территории (табл. 1).

Таблица 1

Социально-экономическая характеристика северной зоны Дальнего Востока России по доле субъектов в Дальневосточном федеральном округе, 2014 г., %

Субъекты северной зоны	Площадь территории, тыс. км ²	Численность населения на 01.01. 2015 г., тыс. чел.	Валовой региональный продукт в 2013, тыс. руб.	Промышленность, всего, млн руб.
Дальневосточный федеральный округ, всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Северная зона, всего	76,6	23,7	29,9	33,0
Республика Саха (Якутия)	49,9	15,4	20,3	22,9
Магаданская область	7,5	2,4	3,2	3,6
Камчатский край	7,5	5,1	4,7	3,1
Чукотский автономный округ	11,7	0,8	1,7	3,4

Примечание: сост. по [14; 15].

В целом в северных субъектах намного больше территории и природных ресурсов, но низкий социально-экономический потенциал. Более чётко эта закономерность прослеживается в характеристиках освоенности территории (таблицы 2, 3).

Таблица 2

Основные характеристики освоенности арктического и тихоокеанского побережий Российского Дальнего Востока

Характеристика	Количественные оценки, в т.ч. для	
	арктического побережья	тихоокеанского побережья
Длина (протяженность) береговой линии, км	10500	28400
Количество поселений на побережье	20	258
Численность постоянного населения на побережье, чел.	18250	142730
Плотность поселений на береговой линии (расстояние между поселениями на побережье, км)	525	110
Плотность населения на береговой линии (чел./км)	1,7	5,0

Примечание: Протяженность береговой линии рассчитана по карте России М: 500 000; данные о населении взяты из [17].

Таблица 3

**Уровень социально-экономической освоенности в северной зоне
Дальнего Востока России, по данным за 2014 г.**

Субъекты северной зоны	Плотность населения, на 01.01.2015 г., чел./км ²	Валовой региональный продукт, тыс. руб./км ²	Плотность автомобильных дорог, на 10 000 км ²	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб./км ²
Среднее значение по северной зоне:	0,35	181,1	3,5	53,0
Республика Саха (Якутия)	0,31	184,6	3,7	65,6
Магаданская область	0,32	191,3	5,3	82,9
Камчатский край	0,68	283,4	4,1	54,3
Чукотский автономный округ	0,07	65,1	0,9	14,4

Примечание: сост. по [14; 15].

В субъектах, которые входят в северную зону, отмечаются низкие удельные показатели – плотности населения, инфраструктурной освоенности (плотность автомобильных дорог с твердым покрытием), экономические характеристики (валовой региональный продукт на 1 км²), инвестиционная привлекательность (объем инвестиций в основной капитал на 1 км² территории). Следует отметить, что крайние позиции здесь занимают Чукотский автономный округ (с минимальными показателями) и Камчатский край (с более высокими по плотности населения и валовому региональному продукту).

Для оценки пространственной (географической) дифференциации территориальных структур хозяйства и её изменений за период с 2004 по 2013 г. нами была проанализирована отраслевая структура субъектов северной зоны по валовой добавленной стоимости (табл. 4).

Таблица 4

**Отраслевая структура валовой добавленной стоимости, произведенной
в Дальневосточных субъектах северной зоны России в 2004 и 2013 гг.
(в текущих ценах, в процентах к итогу)**

Виды экономической деятельности	Дальний Восток России	Дальневосточные субъекты			
		Республика Саха (Якутия)	Камчатский край	Магаданская область	Чукотский автономный округ
1	2	3	4	5	6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,0 (5,9)	2,3 (4,7)	3,4 (6,2)	1,4 (2,9)	1,9 (3,9)
Рыболовство, рыбоводство	2,4 (4,0)	0,1 (0,1)	12,6 (18,0)	3,1 (2,1)	1,2 (4,3)
Добыча полезных ископаемых	26,5 (14,9)	43,0 (40,6)	3,2 (4,7)	17,4 (31,9)	31,3 (6,4)
Обрабатывающие производства	5,4 (9,3)	1,7 (3,6)	10,0 (10,7)	2,5 (6,3)	0,2 (3,0)

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,2 (5,5)	3,8 (2,6)	6,7 (10,0)	9,4 (12,2)	14,6 (9,2)
Строительство	6,8 (9,3)	8,1 (6,3)	4,8 (3,9)	7,9 (3,6)	3,0 (31,1)
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	11,0 (13,0)	7,2 (10,1)	10,1 (12,1)	13,4 (7,8)	13,7 (6,0)
Гостиницы и рестораны	1,0 (0,9)	0,7 (0,5)	1,2 (1,1)	1,1 (0,5)	0,4 (1,1)
Транспорт и связь	13,3 (14,3)	9,5 (6,5)	7,9 (7,6)	6,7 (7,8)	5,2 (10,2)
Финансовая деятельность	0,2 (0,3)	0,2 (0,1)	0,1 (0,1)	0,2 (0,1)	0,1 (0,0)
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,9 (7,3)	4,7 (10,5)	5,8 (4,3)	5,7 (4,8)	1,8 (4,6)
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	8,7 (4,9)	6,8 (3,2)	18,0 (7,3)	16,2 (8,7)	13,7 (8,9)
Образование	4,2 (4,5)	5,7 (5,4)	5,7 (5,5)	5,2 (4,5)	4,9 (5,3)
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,0 (4,6)	4,6 (4,6)	8,7 (6,8)	7,7 (5,3)	6,6 (4,2)
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,4 (1,3)	1,6 (1,2)	1,8 (1,7)	2,1 (1,5)	1,4 (1,8)

Примечание: сост. по [14; 15]. В круглых скобках – данные за 2004 г.

Дифференциация хозяйства по субъектам как различие их территориальных структур, оценивается по сложившейся в них отраслевой структуре валовой добавленной стоимости – по основным и обслуживающим видам экономической деятельности, в том числе по состоянию на 2004 и 2013 гг. В качестве основных специализированных видов деятельности в экономике Республики Саха (Якутии) выделяются: добыча полезных ископаемых (руд цветных и драгоценных металлов, угля, нефти и природного газа); в Камчатском крае – рыболовство, рыбообработка, добыча драгоценных металлов; в Магаданской области – добыча драгоценных металлов; в Чукотском автономном округе – добыча руд драгоценных металлов.

Остальные виды деятельности отнесены к обслуживающим. Их состав практически одинаков для всех северных субъектов.

Сочетания субъектов, входящих в северную зону, отображенные в виде объемов их валовых региональных продуктов и соотношений основных и обслуживающих видов деятельности, можно представить в качестве специфического северного широтного профиля (рис. 1).

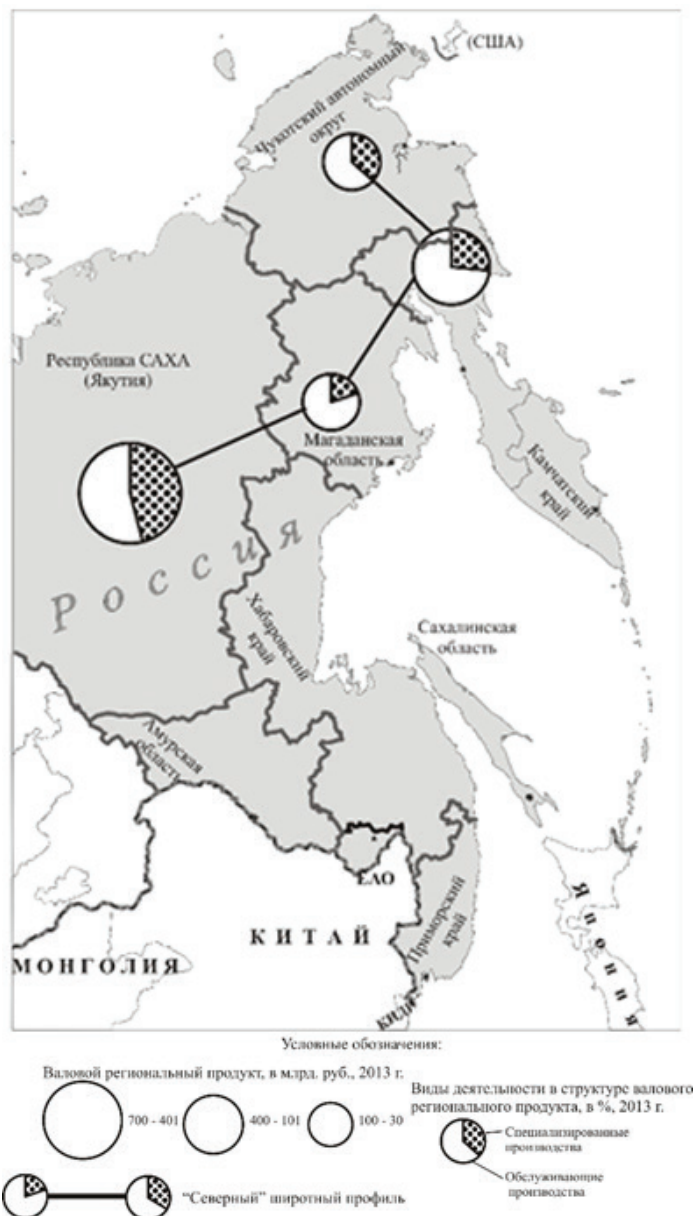

Рис. 1. Северный широтный профиль Дальнего Востока России

Из рисунка 1 видно, что в северном широтном профиле лишь Республика Саха (Якутия) отличается высокими объемами валового внутреннего продукта и основных видов деятельности.

На рисунке 2а графически представлены различия отдельных видов деятельности по субъектам за 2004 г., а также – их пространственная дифференциация. На рисунке 2б графически показаны различия видов деятельности в отдельных районах за 2013 г., а также их пространственная дифференциация по субъектам.

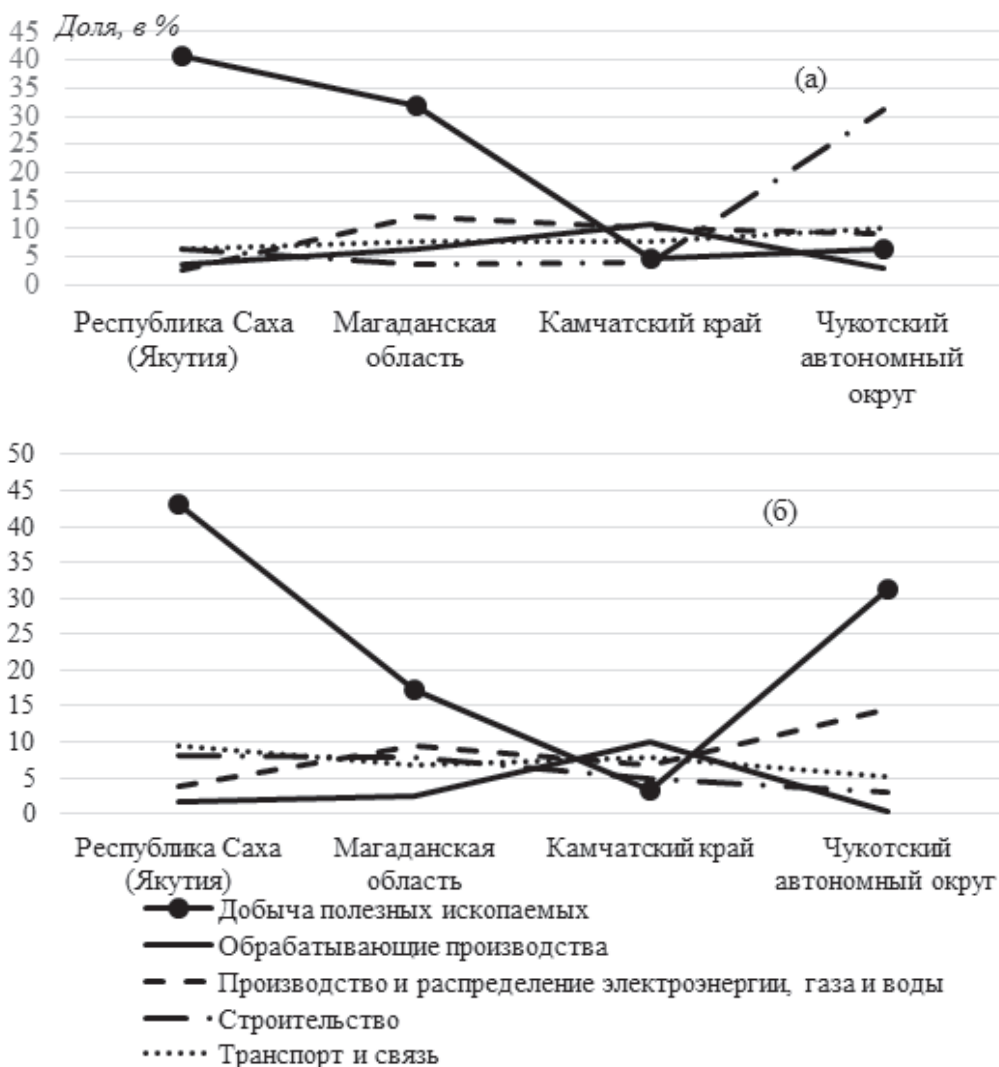

Рис. 2. Пространственная дифференциация основных и обслуживающих видов экономической деятельности в субъектах северной зоны Дальнего Востока России, в текущих ценах (в процентах к итогу): (а) – 2004 г.; (б) – 2013 г.

Как следует из рис. 2а, наибольшая пространственная дифференциация в 2004 г. была характерна для добычи полезных ископаемых и строительства. Эти

различия связаны также и с высокой долей этих видов деятельности в структуре добавленной стоимости в Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе и Магаданской области.

Следует отметить, что добывающие производства составляют основу их экономики. Другие виды деятельности, главным образом обслуживающей производство и распределение электричества, газа и воды, а также транспорт и связь, распределены по всем субъектам северного профиля достаточно равномерно. Невысока пространственная дифференциация и обрабатывающих производств. Это связано с тем, что их доля в структуре добавленной стоимости низка во всех субъектах северной зоны.

В 2013 г. существенных изменений, по сравнению с 2004 г., в пространственном распределении видов экономической деятельности в северной зоне не произошло. Можно отметить лишь существенное увеличение доли добывающих производств в структуре добавленной стоимости Чукотского автономного округа, где этот вид деятельности становится основным. Кроме того, в автономном округе снизилась доля строительства, транспорта и связи, обрабатывающих производств. По структуре видов деятельности добавленной стоимости Чукотский автономный округ становится все больше похож на такие субъекты северной зоны, как Республика Саха (Якутия) и Магаданская область.

При этом сохраняются значительные различия между структурой добавленной стоимости Камчатского края и других субъектов северной зоны. Здесь сохраняется сравнительно высокая доля обрабатывающих производств, а также основного вида деятельности на Камчатке – рыболовства и рыбоводства. (см: табл. 3).

Таким образом, за период с 2004 по 2013 г. наиболее существенные изменения произошли в структуре экономики Чукотского автономного округа и Магаданской области, где отмечен значительный прирост в таких видах деятельности, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды (см: табл. 3). Эти особенности отражаются и в пространственной дифференциации отдельных видов деятельности. Для субъектов северной зоны можно отметить значительные различия в пространственной дифференциации промышленности. Особенно велико различие между долей добычи полезных ископаемых в структуре хозяйства Республики Саха (Якутия) и Камчатского края. Обрабатывающие производства во всех субъектах северной зоны развиты слабо. Тем не менее, следует отметить Камчатский край, где доля обрабатывающих производств достигает 10,0% в 2013 г. (10,7% в 2004 г.) в производстве валового регионального продукта. Такой вид деятельности, как производство и распределение электроэнергии, газа и воды, в большей степени представлен в структуре Чукотского автономного округа (14,6% в 2013 г. и 9,2% в 2004 г.) и менее всего – в Республике Саха (Якутия) (3,8% в 2013 г. и 2,6% в 2004 г.).

В сфере строительства можно выделить Республику Саха (Якутия) и Магаданскую область, где доля этого вида деятельности достигала в 2013 г. 8,1 и 7,9%, соответственно (в 2004 г. – 6,3 и 3,6%). Менее всего развит данный вид деятельности в Чукотском автономном округе. Невысока пространственная дифференциация

в северной зоне и такого вида деятельности, как транспорт и связь. Здесь в лидерах выступает Республика Саха (Якутия), а в аутсайдерах – Чукотский автономный округ.

Заключение

Специфические признаки, характерные для субъектов северной зоны, определяются в первую очередь высокой долей добывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости, что зависит от имеющегося в субъекте природно-ресурсного потенциала, уровня его освоения и особенностей участия в межрайонном и международном разделении труда. В целом между субъектами, входящими в северную зону, наблюдаются значительные различия в структуре валовой добавленной стоимости, в т.ч. и по доле добычи полезных ископаемых. Существенна и пространственная дифференциация этих характеристик. Такие показатели позволяют оценивать пространственные различия структурных характеристик, в т.ч. территориальных структур хозяйства. Анализ структур хозяйства за значительный период времени (2004–2013 гг.) позволяет более полно оценить пространственную дифференциацию структур хозяйства в эти годы и структурных изменений за весь рассматриваемый период.

1. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории / отв. ред.: В.А. Ламин, В.Ю. Малов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации пром. производства [и др.]. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 34). С. 248–249.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 239 с.
3. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов арктической зоны России // Экономика региона. 2015. №1 (41). С. 53–63.
4. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Структурные трансформации хозяйства в Тихоокеанском регионе России // Экономика региона. 2016. № 2, Т. 12, вып. 1. С. 46–63.
5. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
6. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Тихоокеанская Россия: основные факторы и направления долгосрочного развития. Вопросы географии / Моск. филиал ГО СССР; Русское геогр. об-во. // Проблемы регионального развития России / отв. ред.: В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. 640 с.
7. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков. Территориальные социально-экономические структуры: моногр. / под ред. П.Я. Бакланова и М.Т. Романова. Владивосток: Дальнаука, 2012. Том III. 364 с.
8. Гранберг А.Г. Исследование экономического развития Сибири в разрезе широтных зон и мезорегионов // Изв. СО АН СССР. 1983. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 59–67.

9. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 142 с.
10. Научно-технические проблемы освоения Арктики / Российская академия наук. М.: Наука, 2015. 490 с.
11. Пилясов А.Н., Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Арктическая политика в эпоху глобальной нестабильности: опыт и уроки для России // Регион: экономика и социология. 2013. № 4. С. 61–94.
12. Присяжный М.Ю. Проблемы совершенствования форм освоения регионов Севера в переходный период и на перспективу // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 3. С. 42–46.
13. Романов М.Т. Территориальная организация хозяйства слабоосвоенных регионов России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 318 с.
14. Безруков Л.А., Корытный Л.М. Роль территории Сибири в экономическом развитии России // География и природ. ресурсы. 2009. № 3. С. 22–30.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. М.: Росстат, 2007. 991 с.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015. 1266 с.
17. Экономика Сибири в разрезе широтных зон / отв. ред. и автор вступительной статьи А.Г. Гранберг. Новосибирск: Наука, 1985. 256 с.
18. Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru/wps/wcm/main/.../

© П.Я. Бакланов, 2017

© А.В. Мошков, 2017

© М.Т. Романов, 2017

Для цитирования: Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Пространственная дифференциация и трансформация видов экономической деятельности в северной зоне Дальнего Востока России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 39–49.

For citation: Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T. Geographical differentiation of territorial structures of economy and its change in Pacific Russia // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 39–49.

Дата поступления: 06.03.2017.

Е.Б. Кметь

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Методический подход к оценке конкурентоспособности приграничных территорий

Усиление кризисных явлений в мировой экономике и ее глобализация определяют повышение конкурентоспособности территории в качестве решающего фактора в формировании международных конкурентных преимуществ региона. Представлен сравнительный анализ понятийного аппарата, факторов и методологии оценки конкурентоспособности региона. Уточнена специфика приграничной территории, которая во многом определяет особенности оценки ее конкурентоспособности. Предложен методический подход к оценке конкурентоспособности приграничной территории, включающий основные допущения, алгоритм оценки, подход, метод и модель. Ключевым допущением рассматриваемого методического подхода является расположение оцениваемой и конкурирующей территорий по обе стороны государственных границ; основой – уточненная система факторов конкурентоспособности приграничной территории, представленная четырьмя группами комплексных факторов, в состав которых входят частные факторы; подходом – оценка частных факторов на базе статистических показателей и количественной информации, собранной на основе полевых исследований в форме опроса по технологии CAWI жителей региона; методом – расчет интегрального показателя конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории относительно конкурирующей.

Апробация предлагаемого методического подхода проведена на основе оценки конкурентоспособности Приморского края относительно провинции Хэйлунцзян. Усилению конкурентоспособности Приморского края относительно провинции Хэйлунцзян в 2014 г. в сравнении с 2013 г. способствовали повышение инвестиционной привлекательности Приморского края за счет активного развития территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и территорий опережающего развития (ТОР), создание инвестиционной инфраструктуры края и правовое регулирование. Сформулированы достоинства и ограничения предлагаемого методического подхода и направления дальнейших исследований. Обоснованность полученных результатов подтверждает применимость методического подхода для оценки конкурентоспособности приграничной территории относительно соседствующего региона другой страны.

Ключевые слова и словосочетания: приграничная территория, конкурентоспособность территории, факторы конкурентоспособности, интегральный показатель конкурентоспособности.

E.B. Kmet

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Methodical approach to assessment of competitiveness of the border territories

Strengthening of the crisis in the global economy and its globalization of improving the competitiveness of the territory is determined as a decisive factor in the formation of international competitive advantages of the region. The comparative analysis of the conceptual apparatus, factors and methodology for assessing the competitiveness of the region. Specification of the specificity of the border area, which largely determines the characteristics of the assessment of its competitiveness. The methodical approach to the evaluation of the competitiveness of the border area, including: the basic assumptions, estimation algorithm approach, method and model. The basic assumption of the considered methodological approach is the location of the evaluated areas and competing on both sides of frontiers; basis – a refined system of factors of competitiveness of the border area, represented by four groups of complex factors, which include private factors; approach – assessment of partial factors on the basis of statistics and quantitative data gathered through field research in the form of a survey on the residents of the region CAWI technology; method – calculation of integral index of competitiveness of the border area evaluated with respect to competing.

Testing of the proposed methodological approach carried out by assessing the competitiveness of the Primorsky Territory regarding Heilongjiang Province. Strengthening the competitiveness of the Primorsky Territory with respect to the province of Heilongjiang in 2014 in comparison with 2013 year contributed to the increase of investment attractiveness of the Primorsky Territory, due to the active development of the territories of advancing social and economic development (TOSER) and priority development territories (TOR), the creation of infrastructure investment edge and right regulation. Formulated advantages and limitations of the proposed methodological approach, and directions for further research. The validity of the results confirms the applicability of the methodological approach to assess the competitiveness of the border area with respect to the other region of the country next door.

Keywords: Border territory, territory competitiveness, competitiveness factors, integrated indicator of competitiveness.

Введение

Конкурентоспособность территорий является актуальной темой современных прикладных исследований. Повышение конкурентоспособности региона заключается в целенаправленном создании и развитии его устойчивых и долгосрочных конкурентных преимуществ во всех сферах деятельности и проходит в условиях усиливающейся конкуренции регионов за привлечение инвестиций на основе создания благоприятных условий ведения бизнеса и повышения качества жизни населения.

Определенной спецификой оценки обладает конкурентоспособность приграничной территории страны, так как, с одной стороны, она конкурирует с другими субъектами-регионами своей страны, а с другой – с приграничной территорией

соседней страны. Приграничный регион является территорией государства, прилегающей к государственной границе, выполняющей особые приграничные функции и обладающей в связи с этим определенными особенностями. Главными факторами, обуславливающими специфику приграничья, являются его географическое положение и тип. Например, van der Velde выделяет четыре типа приграничных регионов, каждый из которых определяется функциональным дуализмом границы, сочетающим функции барьерности и контактности: отчужденные, соседствующие, взаимозависимые и интегрированные приграничные территории [1].

Все виды приграничного межрегионального взаимодействия имеют рыночный характер, тесно связаны друг с другом и оказывают сильное обоюдное влияние. В Российской Федерации к приграничным регионам из 85 территориальных единиц верхнего уровня можно отнести 48 субъектов, пять из которых (Приморский и Хабаровский края, Амурская область, Еврейская автономная область и Забайкальский край) граничат с Китайской Народной Республикой.

Сама по себе конкурентоспособность является относительной категорией, соответственно ее количественная оценка возможна только на основе сравнения с определенной базой, в качестве которой могут выступать состояние объекта в различные моменты времени, состояние сопоставимых объектов-конкурентов или средние, наилучшие и другие значения показателей по стране.

Теоретическая основа исследования

Исследование трактовок российских и зарубежных ученых таких понятий, как конкурентоспособность региона и приграничная территория, анализ рассматриваемых ими факторов конкурентоспособности регионов и обзор методик их оценки позволяют уточнить систему факторов конкурентоспособности и предложить методический подход к оценке конкурентоспособности приграничной территории на основе интегрального показателя конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории относительно конкурирующей.

Значительный вклад в теорию конкурентоспособности стран и регионов внесли труды основоположника американской школы конкурентоспособности М. Портера [2]. Родоначальниками российской школы маркетинга территорий по праву считаются такие ученые, как Р.А. Фатхутдинов и А.П. Панкрухин [3–5].

Рассмотрев многочисленные трактовки российских и китайских исследователей понятия «конкурентоспособность территории», выделим следующие общие черты:

- конкурентоспособность региона напрямую связана с конкуренцией и соперничеством территорий на рынках товаров и услуг и определяется не только имеющимися конкурентными преимуществами, но и уровнем использования этих преимуществ [6–8];

- конкурентоспособность региона рассматривается как его способность обеспечить высокий уровень жизни населения и возможность реализовать имеющийся в регионе экономический потенциал (финансовый, производственный, трудовой, инвестиционный, ресурсный) [9; 6; 11];

- конкурентоспособность территории рассматривается на уровне государства как способность к эффективному и устойчивому развитию региона и способность конструировать такую управленческую систему, которая позволяла бы достаточно быстро адаптироваться к быстро изменяющимся условиям внешней среды, с максимальной эффективностью адаптировать и применять чужой опыт для выхода из сложных ситуаций [12–14];

- конкурентоспособность территории – это относительная категория, предполагающая сравнение с определенной базой, в качестве которой могут рассматриваться средние значения показателей по стране, показатели других регионов (территорий), комплексный усредненный критерий и др. [7; 9; 10].

Для того чтобы регион стал конкурентоспособным, необходимо создать благоприятные условия для отдельных экономических агентов. Соответственно, конкурентоспособность выступает в качестве синонима привлекательности, будь то привлекательность для инвесторов или населения.

Ряд ученых в качестве одного из факторов конкурентоспособности региона предлагают рассматривать устойчивость региона как способность региона адаптировать свои стратегии в ответ на изменения в экономической ситуации, возникающие время от времени, а в процессе оценки степени устойчивости района делать акцент на группу градо- и регионообразующих компаний [15; 16].

Приграничный регион – это физическое, политическое и экономическое пространство по обе стороны государственных границ. В узком смысле – это территории, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние режима границы, социально-экономического уклада и политического строя соседних стран и обладающие особым потенциалом развития международного сотрудничества [17; 18].

Таким образом, конкурентоспособность приграничных территорий представляет собой относительную характеристику того или иного субъекта федерации, определяющую способность региона конкурировать с другими регионами за привлечение различных ресурсов, а также его способность быть привлекательным как для населения, так и для бизнеса, что может быть достигнуто путем выявления, использования и последующего создания конкурентных преимуществ.

При уточнении системы факторов конкурентоспособности приграничных территорий мы опирались на достижения ряда российских [19–21] и зарубежных ученых [21; 22].

По мнению Л.И. Ушвицкого и В.Н. Парахиной, система возможных показателей конкурентоспособности может включать в себя три группы факторов [19]: показатели наличия и эффективности использования ресурсов региона; показатели жизненного уровня населения региона; показатели инвестиционной привлекательности и активности региона.

С.Ю. Юрпалов и В.Г. Старовойтов придерживаются точки зрения, что факторы конкурентоспособности приграничных территорий в зависимости от количества усилий подразделяются на основные (природные ресурсы, наличие рабочей силы, географическое положение и т.д.) и развитые (высококвалифицированные кадры,

исследовательские организации и т.д.); от степени специализации – на общие (сеть автомобильных дорог, квалифицированный персонал и т.д.) и специализированные (персонал с узкой квалификацией, специфическая инфраструктура и другие факторы, применяемые в ограниченном круге отраслей) [20; 21].

Китайские ученые Li Xinbao и Zhang Shulian определяют следующие основные факторы конкурентоспособности приграничных территорий: уровень экономического развития; региональное распределение природных ресурсов и различия в природных условиях; обеспеченность региона транспортом; уровень образования населения; макросреда, государственная экономическая система и инвестиционная политика [22].

Wu Yun выделяет четыре категории факторов конкурентоспособности приграничных территорий: объективные и субъективные факторы, факторы-элементы и экологические факторы [10].

Следует резюмировать, что рассматриваемые методические подходы к оценке конкурентоспособности приграничных территорий сильно различаются, почти каждая группа ученых имеет свою точку зрения. Проанализировав совокупность факторов, рассматриваемых специалистами, предлагаем уточнить систему факторов, позволяющих исследовать конкурентоспособность приграничных регионов.

Ряд ученых разграничивают такие понятия, как подход, метод и модель оценки в теории конкурентоспособности территорий [23]. Подход определяет общие принципы оценки и объединяет совокупность методов. В рамках каждого метода существует много различных моделей, каждая из которых отражает определенную взаимосвязь между переменными, которые используются для оценки.

В зависимости от принципов сбора информации по факторам (показателям) конкурентоспособности региона можно выделить три ключевых методических подхода:

- 1) оценка на основе статистических (макроэкономических и социальных) показателей деятельности региона;
- 2) оценка на основе статистических показателей и экспертных оценок, последние из которых являются в определенной мере субъективными;
- 3) оценка на основе совокупности количественных и качественных показателей социально-экономического развития региона.

Среди методов оценки регионов (стран) определяются следующие группы:

1. Группа методов, предполагающих построение рейтингов регионов страны на основе расчета рангов, рейтинговых коэффициентов, региональных индексов конкурентоспособности [24]. В качестве примера можно привести рейтинг инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации Агентства стратегических инициатив, рейтинг Института региональной политики IRPEX, рейтинг развития регионов PPP, рейтинг социально-экономического положения субъектов, рейтинг российских регионов по качеству жизни. Методы этой группы в той или иной степени ориентируются на индекс глобальной конкурентоспособности GCI (The Global Competitiveness Index), созданный Всемирным экономическим форумом (WEF – World Economic Forum), и рейтинг стран швейцарского Института развития

менеджмента IMD (International Institute for Management Development). Например, индекс GCI рассчитывается на основе 111 переменных (variables), разделенных на 12 блоков характеристик, некоторые из которых разделены на подблоки [25], а в рейтинге IMD используется 331 показатель по четырем основным направлениям: состояние экономики, эффективность правительства, состояние деловой среды и инфраструктуры.

2. Группа методов, предполагающих оценку конкурентоспособности региона на основе расчета интегрального (агрегированного) показателя конкурентоспособности относительно базы, в качестве которой могут выступать состояние объекта в различные моменты времени, состояние сопоставимых объектов-конкурентов или средние, наилучшие и другие значения показателей по стране.

Методология исследования

Предлагаемый методический подход включает основные положения (допущения), алгоритм оценки конкурентоспособности приграничной территории (рис. 1), подход, метод и модель.

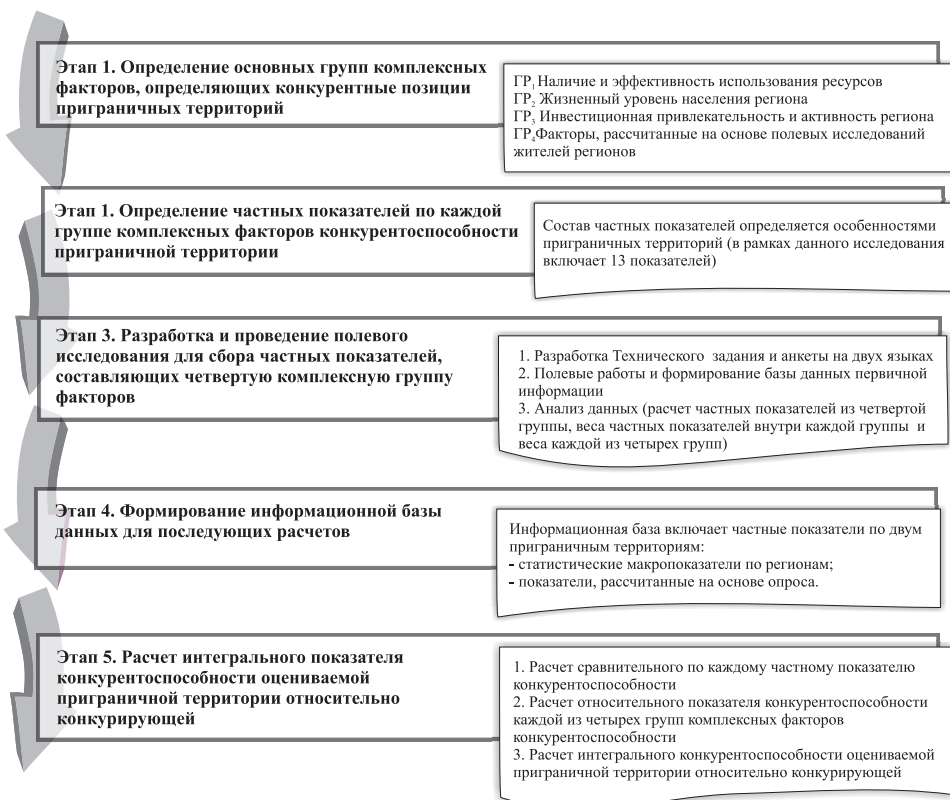

Рис. 1. Этапы алгоритма оценки конкурентоспособности приграничных территорий

Рассмотрим основные допущения. Обязательным условием является расположение оцениваемой и конкурирующей территорий по обе стороны государственных границ, соответственно, они должны быть приграничными регионами двух

граничащих стран. В качестве примера рассчитывается интегральный показатель конкурентоспособности Приморского края РФ относительно провинции Хэйлуцзян КНР.

Основой методического подхода к оценке конкурентоспособности приграничных территорий является уточненная автором система факторов конкурентоспособности приграничных территорий, включающая четыре группы комплексных факторов, в состав которых входят частные показатели (рис. 2). Первые три группы комплексных факторов оцениваются на основе статистической информации, а четвертая группа – на основе полевых исследований в форме опроса жителей региона. Подобная группировка факторов и подход к их оценке позволяют учесть не только фактические статистические данные о развитии региона, но мнение и точку зрения жителей.

Рис. 2. Факторы конкурентоспособности приграничного региона

Следовательно, все частные показатели подразделяются на два типа: показатели, представляющие собой статистические макроэкономические и социальные показатели по региону, и показатели, рассчитанные на основе полевых исследований жителей регионов.

Для оценки конкурентоспособности исследуемой территории рассчитывается относительный показатель КИП – интегральный показатель конкурентоспособ-

ности оцениваемой территории относительно конкурирующей территории, способный принимать значения больше или меньше единицы.

В начале пятого этапа алгоритма (см. рис. 1) рассчитывается сравнительный показатель по каждому частному показателю конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории России относительно базы (1). В качестве базы выбирается приграничная территория КНР.

$$P_i = \frac{\Phi_{iП}}{\Phi_{iX}}, \quad (1)$$

где P_i – сравнительный показатель по i -му частному показателю конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории относительно конкурирующей территории другой страны;

$\Phi_{iП}$ – i -й частный фактор конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории;

Φ_{iX} – i -й частный фактор конкурентоспособности конкурирующей приграничной территории другой страны.

Каждый частный показатель имеет не только интенсивность, но и направление влияния на конкурентоспособность региона (положительное влияние показателя – если увеличение его значения соответствует усилению конкурентоспособности региона, отрицательное – если увеличение соответствует снижению конкурентоспособности). Если влияние отрицательное, то отношение переворачивается (числитель меняется местом со знаменателем).

Затем рассчитывается относительный показатель конкурентоспособности каждой из четырех групп факторов конкурентоспособности по формуле (2).

$$GP_i = \sum_i^N k \times P_i, \quad (2)$$

где P_i – сравнительный показатель по i -ому частному показателю конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории относительно конкурирующей приграничной территории другой страны;

n – количество показателей в каждой группе факторов конкурентоспособности региона;

k – вес каждого частного показателя внутри группы факторов конкурентоспособности (в сумме веса должны составлять 1 и рассчитываются на основе линейных распределений результатов опроса и факторного анализа).

В конце рассчитывается интегральный показатель конкурентоспособности по формуле (3).

$$K_{iП} = \sum_i^n k \times GP_i, \quad (3)$$

где $K_{iП}$ – интегральный показатель конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории относительно приграничной территории другой страны;

GP_i – относительные показатели конкурентоспособности по группе (определено четыре группы факторов конкурентоспособности, т.е. $n=4$);

k – вес каждой из четырех групп комплексных факторов конкурентоспособности (в сумме веса равны 1 и рассчитываются на основе линейных распределений результатов опроса и факторного анализа).

Исследование критериев (нормативов) значения интегрального показателя конкурентоспособности оцениваемой приграничной территории относительно конкурирующей приграничной территории другой страны выглядит следующим образом, если:

$K_{III} < 1$, то конкурентоспособность оцениваемой приграничной территории уступает конкурентоспособности конкурирующей приграничной территории другой страны;

$K_{III} > 1$, то конкурентоспособность оцениваемой приграничной территории превосходит конкурентоспособность конкурирующей приграничной территории другой страны;

$K_{III} = 1$, то конкурентоспособность оцениваемой приграничной территории находится на одинаковом уровне с конкурентоспособностью конкурирующей приграничной территории другой страны.

Результаты анализа данных

Апробация предложенного методического подхода к оценке конкурентоспособности приграничных территорий проводится на основе расчета интегрального показателя конкурентоспособности Приморского края относительно провинции Хэйлунцзян.

Значения частных показателей первых трех комплексных групп факторов (ГР1, ГР2 и ГР3) были собраны в результате кабинетных исследований статистических показателей двух регионов.

Для оценки частных показателей, составляющих четвертую группу, в январе–апреле 2016 г. было проведено полевое исследование по технологии CAWI (Computer Assisted Web Interviewing). В рамках планирования исследования было разработано техническое задание, содержащее все обязательные элементы предложения на исследование.

В качестве генеральной совокупности при проведении опроса рассматривалось население провинции Хэйлунцзян (Китай) и Приморский край (Россия) в социально-активном возрасте. Для Приморского края численность населения на начало 2016 г. в трудоспособном возрасте (женщины от 16 до 54 лет, мужчины от 16 до 59 лет) составила 1 135 414 человек, а для провинции Хэйлунцзян – (от 15 до 64 лет) 30 542 500 человек соответственно.

Была определена вероятностная случайная стратифицированная или районированная выборка, для которой генеральная совокупность разбивается на две группы или страты, а в каждой страте отбор осуществляется случайным способом. Общий размер выборки составил 300 человек (Приморский край – 150 человек, провинция Хэйлунцзян – 150 человек) при доверительном интервале (погрешности) 8% и вероятности (точности) 95%. Наиболее часто используемым пределом погрешности является 5%, не рекомендуется поднимать этот показатель выше 10%,

в нашем случае погрешность составляла 8%. Соответствие параметров выборки граничным требованиям, электронная технология сбора данных (CAWI) обеспечивают репрезентативность полученной информации.

Обработка полученных результатов осуществлялась с использованием статпакета SPSS, в котором были реализованы линейные распределения по одновариантным и множественным вопросам, перекрестные распределения, корреляционный, факторный анализ и другие статистические процедуры. Факторный анализ подтвердил изначально выдвинутую гипотезу о структуризации системы факторов конкурентоспособности приграничных территорий и позволил рассчитать веса частных показателей внутри группы и веса каждой из четырех групп комплексных факторов конкурентоспособности.

Опрос русских и китайских респондентов проводился на базе систем интернет-опросов, на которых располагались тела анкет на русском и китайском языках соответственно (<http://www.ianketa.ru/surveys/> и <http://www.wenjuan.com/>). Основной целью пилотного полевого исследования являлись определение и оценка конкурентных преимуществ Приморского края и провинции Хэйлунцзян. Ссылка (линк) на интерактивную анкету рассылалась по электронной почте, WhatsApp, Viber, публиковалась в Веб-форумах и социальных сетях, а китайский сервис генерировал для анкеты QR-код, популярный в КНР. Технология сбора данных CAWI с помощью онлайн-анкеты обладает рядом преимуществ: респонденты более отзывчивы, открыты и искренны, чем во время традиционного опроса (есть больше времени, чтобы подумать над ответом); присутствует большая анонимность и интимность, так как не участвует интервьюер.

Для полевого исследования была разработана онлайн-анкета, состоящая из 17 вопросов, 7 из которых позволяли рассчитать частные показатели:

1. Оцените обеспеченность региона природными ресурсами – земельными, ископаемыми, водными, лесными, рекреационными (5-балльная шкала).

2. Оцените уровень экологической культуры в вашем регионе (отношение общества к окружающей природной среде и экологическим проблемам, 5-балльная шкала).

3. Оцените уровень обеспеченности населения региона социальными услугами (жилищное хозяйство, транспорт, здравоохранение, образование, культура и искусство, 5-балльная шкала).

4. Оцените уровень инженерно-технического обеспечения, созданный в регионе, для функционирования вашего бизнеса или предприятия, на котором вы трудитесь (дороги и коммунальное хозяйство, транспорт, связь, складское, ремонтное, тарное хозяйство, сервисное обслуживание, 5-балльная шкала).

5. Оцените уровень политической стабильности в регионе (5-балльная шкала).

6. Оцените уровень экономической ситуации в регионе (5-балльная шкала).

7. Оцените уровень развитости инфраструктуры пограничных пунктов пропуска на территории Приморского края, граничащей с провинцией Хэйлунцзян Китая (на территории провинции Хэйлунцзян, граничащей с Приморским краем

РФ). Респондентам предлагалось по 5-балльной шкале оценить транспортные переходы государственной границы, объекты пограничного и таможенного контроля.

Два вопроса из анкеты предлагали респондентам сформулировать предложения по повышению конкурентоспособности:

1. Укажите три компании, играющие, по Вашему мнению, ключевую роль в развитии региона (открытый вопрос).

2. Вы думаете, что в регионе для повышения его конкурентоспособности следует развивать следующие направления (предлагались следующие варианты ответов: туризм; сельское хозяйство; наука и техника; благоустройство населенных пунктов; производство; внешняя торговля и открытый ответ).

Один вопрос из анкеты предназначался для расчета весов (значимости) частных показателей в разрезе четырех групп и комплексных групп факторов:

1. Какие факторы Вы считаете самыми важными для повышения конкурентоспособности региона? (предлагались следующие варианты ответов: объем валового регионального продукта; объем розничного товарооборота; объем природных запасов нефти и газа (углеводородных ресурсов); наличие природных ресурсов помимо углеводородных; средняя заработная плата работающего населения; уровень безработицы; объем инвестиций в основной капитал; темпы роста инвестиционной активности; инвестиции в расчете на одного жителя; открытый ответ).

Линейные распределения по результатам ответов респондентов на этот вопрос позволили рассчитать веса частных показателей, а факторный анализ подтвердил изначально выдвинутую гипотезу о структуризации системы факторов конкурентоспособности приграничных территорий. Большое число исходных признаков (в нашем случае частных показателей) было укрупнено до нескольких групп факторов. Для оценки приемлемости факторного анализа следовало обратить внимание на величину КМО (адекватность должна составлять более 0,7), приемлемым результатом критерия сферичности Барлетта является $p < 0,05$. Обязательным условием для проведения факторного анализа является одинаковое кодирование вариантов ответов. В нашем случае мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) составила 0,83, а статистическая значимость критерия сферичности Бартлетта равна 0. Следовательно, данные оказались вполне приемлемы для проведения анализа.

Остальные вопросы предназначались для описания портрета респондентов (населенный пункт проживания; пол; возраст; социальное положение; если работает (наемный работник), то в какой сфере; уровень дохода).

Рассмотрим общую характеристику респондентов.

В гендерной структуре Приморского края женщины составляли 51%, а мужчины – 49%, провинции Хэйлунцзян преобладала доля мужчин – 59 и 41% соответственно. В структуре проживания респондентов Приморского края преобладают жители Владивостока, которые составляют 75%, Артема и Находки – по 5%, Большого Камня и Уссурийска – по 2%. Сельские жители (Штыково, Надеждинское и другие – по 1%) составляют меньшую долю в структуре. В структуре проживания респондентов провинции Хэйлунцзян преобладают жители Цзиси (36%), Цзямусы (19%), Харбина (15%), Хэйхэ, Хэган и Суйху – по 10%.

В возрастной структуре (рис. 3) респондентов Приморского края доминировала возрастная группа от 18 до 23 лет (61%) и от 30 до 35 лет (13%), а в провинции Хэйлунцзян (рис. 4) – от 24 до 29 лет (55%) и от 30 до 35 лет (17%).

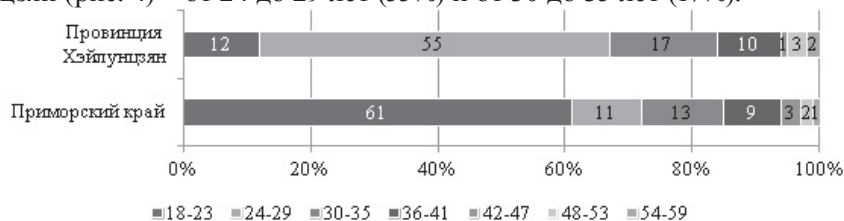

Рис. 3. Возрастная структура респондентов Приморского края (n=150) и провинции Хэйлунцзян (n=150), апрель 2016, %

Распределение респондентов по социальному положению представлено на рисунке 4. Если в Приморском крае преобладают студенты (39,5%), служащие (19,3%) и рабочие (14%), а топ-менеджеры составляют 6,7%, то в провинции Хэйлунцзян самую большую группу составляют служащие (34,7%), однако представленность топ-менеджеров достаточно идентична (6%).

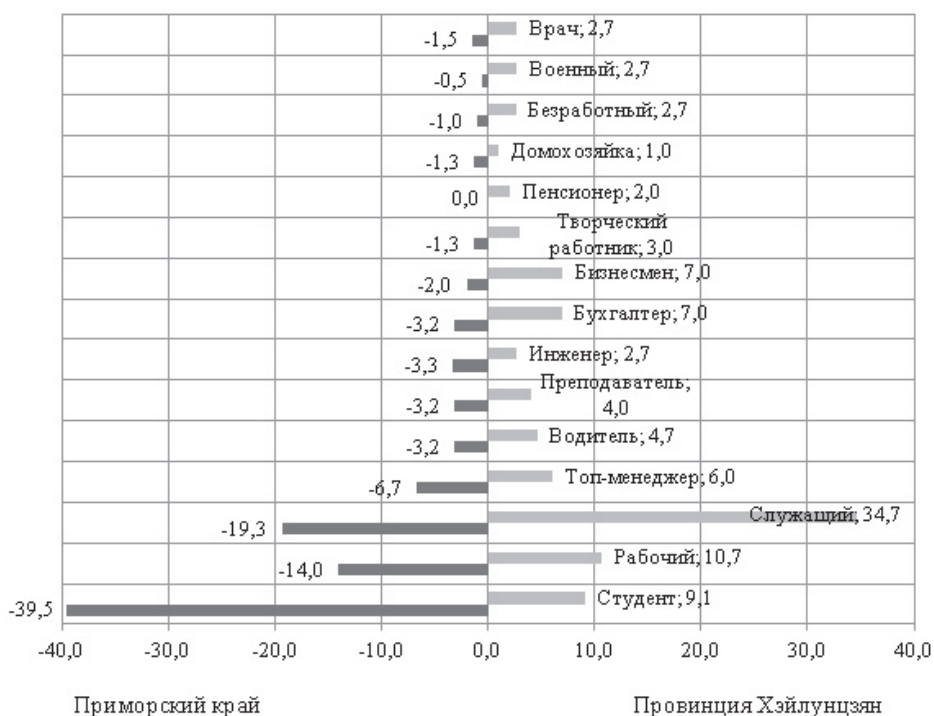

Рис. 4. Распределение респондентов Приморского края (n=150) и провинции Хэйлунцзян (n=150) по социальному положению, апрель 2016, %

Распределение респондентов по сфере занятости представлено на рис. 5. Если среди респондентов Приморского края преобладают работники розничной торговли

(31,3%) и сферы общественного питания (14,7%), то в провинции Хэйлунцзян – специалисты в области технологий и коммуникаций (22,7%) и электронного бизнеса (22%)

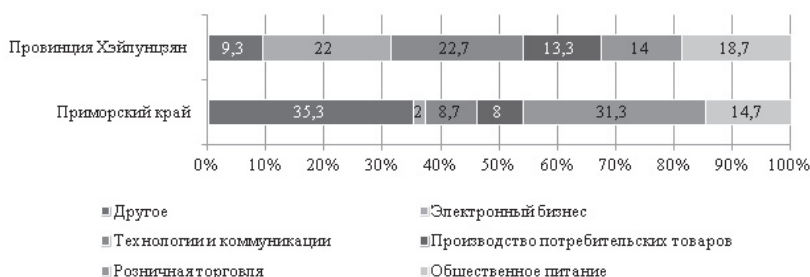

Рис. 5. Распределение респондентов Приморского края (n=150) и провинции Хэйлунцзян (n=150) по сфере занятости, апрель 2016, %

Наличие собственного бизнеса указали 61,3% респондентов Приморского края и 98% провинции Хэйлунцзян. Специализация собственного бизнеса представлена на рисунке 6.

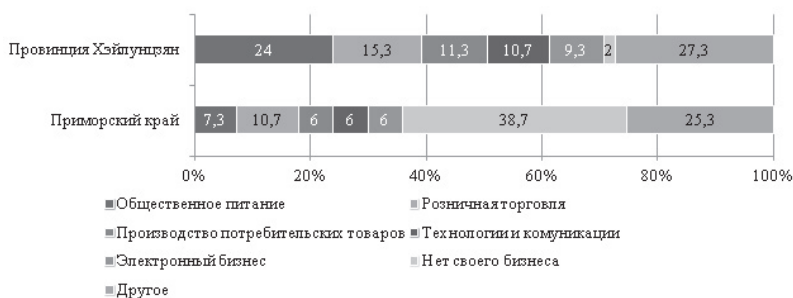

Рис. 6. Распределение респондентов Приморского края (n=150) и провинции Хэйлунцзян (n=150) по направлению собственного бизнеса, апрель 2016, %

Промежуточные результаты расчета интегрального показателя конкурентоспособности Приморского края относительно провинции Хэйлунцзян в разрезе групп факторов представлены в табл. 1.

Например, расчет интегрального показателя конкурентоспособности Приморского края относительно провинции Хэйлунцзян в 2014 г. проведен по формуле (4):

$$K_{инт} = \sum_i^n k \times GP_i = 0,872 \times 0,3 + 0,593 \times 0,2 + 1,078 \times 0,3 + 0,932 \times 0,2 = 0,89 \quad (4)$$

Исследование критериев значения интегрального показателя конкурентоспособности Приморского края относительно провинции Хэйлунцзян позволяет сделать следующие выводы.

Интегральный показатель конкурентоспособности Приморского края относительно провинции Хэйлунцзян в 2013 г. составляет 0,64, что говорит о том, что конкурентоспособность Приморского края значительно уступает провинции Хэйлунцзян. Однако в 2014 г. интегральный показатель конкурентоспособности Приморского края в сравнении с провинцией Хэйлунцзян улучшился и составляет 0,89.

Таблица
**Промежуточные результаты расчета интегрального показателя конкурентоспособности Приморского края
относительно провинции Хэйлунцзян в разрезе групп факторов, 2013–2014 гг.**

Группы комплексных факторов	Частные показатели			Приморский край		Провинция Хэйлунцзян		Вес фактора внутри группы (К)	И _г		Вес группы (k)	ГР _г	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013		2014	2013		2014	
ГР ₁	297 224	332 383	382 601	404 027	0,4	0,78	0,82						
Наличие и эффективность использования ресурсов региона	1.1. ВРП на душу населения, руб.	3,9	11,8	4,0	5,6	0,2	0,98	2,11			0,3	0,611	0,872
	1.2. Темпы изменения ВРП на душу населения, процент												
	1.3. Экспорт продукции региона, млн руб.	286 707	356 099	1 089 142	1 163 163	0,4	0,26	0,31					
ГР ₂	2.1. Средняя заработная плата работающего населения, руб.	24 343	28 339	42 121	51 874	0,4	0,58	0,55					
	2.2. Уровень безработицы, %	7,1	6,9	4,53	4,47	0,2	0,64	0,65			0,2	0,599	0,593
	2.3. Уровень прожиточного минимума, руб.	9395	10 321	15 721	16 970	0,4	0,598	0,608					
ГР ₃													
Инвестиционная привлекательность и активность региона	3. Темпы роста инвестиционной активности, соответствующему периоду предыдущего года, %	60,57	109,42	119,6	101,5	1	0,506	1,078			0,3	0,506	1,078
ГР ₄	4.1. Обеспеченность региона природными ресурсами, 5-балльная шкала	3,53		3,74		0,2	0,67						
	4.2. Уровень экологической культуры региона, 5-балльная шкала	2,68		3,46		0,1	0,79						
	4.3. Уровень обеспеченности населения региона социальными услугами, 5-балльная шкала	3,15		3,25		0,2	0,97						
	4.4. Уровень инженерно-технического обеспечения региона для функционирования бизнеса, 5-балльная шкала	3,02		3,24		0,1	0,93				0,2	0,932	
Факторы, рассчитанные на основе полевых исследований жителей регионов	4.5. Уровень политической стабильности региона, 5-балльная шкала	3,41		3,60		0,2	0,95						
	4.6. Уровень экономической ситуации региона, 5-балльная шкала	2,91		3,08		0,2	0,93						
К _{итп}												0,64	0,89

Примечание: Сост. по [26; 27]

Обсуждение полученных результатов

Рассмотрим обоснованность полученных результатов, которые подтверждают применимость методического подхода для оценки конкурентоспособности приграничной территории относительно соседствующего региона другой страны.

Повышению конкурентоспособности Приморского края как приграничной территории способствовали повышение инвестиционной привлекательности за счет активного развития территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и территорий опережающего развития (ТОР), создание инвестиционной инфраструктуры края и правовое регулирование.

Уточним, что территории опережающего социально-экономического развития и особые экономические зоны образуются не только в целях развития отраслей экономики и привлечения инвестиций, но и для создания комфортных условий проживания населения. Главная цель создания зон экономического развития – решение стратегических задач развития государства в целом или отдельной территории: внешнеторговых, общеэкономических, социальных, региональных и научно-технических задач. Новая модель развития Приморского края на 2016 г. включает три территории опережающего социально-экономического развития («Михайловский», «Надеждинская», «Остров Русский»), особую экономическую зону промышленно-производственного типа во Владивостокском городском округе и три комплексных проекта («Нефтехимический», «Суходол», «Зарубино»).

Законодательно закрепленные налоговые льготы для инвесторов способствуют повышению инвестиционной привлекательности Приморского края (рис. 7).

Закон Приморского края о льготах по налогу на прибыль от 19.12.2013 №330-КЗ

Закон Приморского края о льготах по налогу на имущество от 19.12.2013 №329-КЗ

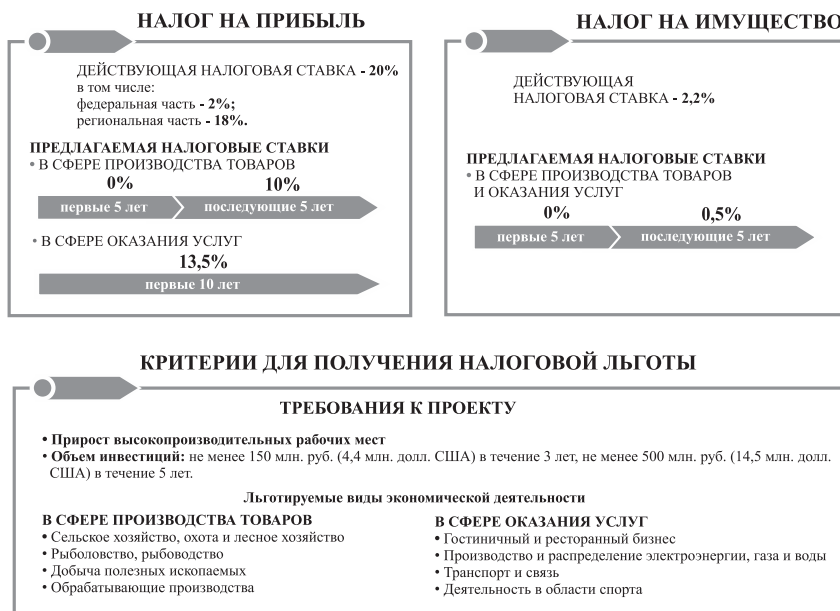

Рис. 7. Законодательно закрепленные налоговые льготы для инвесторов в Приморском крае

Предложенный автором методический подход к оценке конкурентоспособности приграничных территорий обладает рядом достоинств и ограничений. В качестве несомненных достоинств можно назвать следующие:

1. Гибкость методического подхода определяется системой четырех комплексных факторов, перечень и состав которых должен уточняться по результатам периодических (ежегодных) полевых исследований (опроса). Составляющие частные показатели могут быть пересмотрены и уточнены с учетом особенностей исследуемой территории.

2. Использование интегрального показателя конкурентоспособности позволяет не только реализовать принцип относительности, но и нейтрализовать разноразмерность частных факторов, что значительно расширяет перечень конкурентных преимуществ региона, включаемых в оценку.

3. Четвертая комплексная группа факторов, рассчитанная на основе полевых исследований жителей региона, позволяет учесть мнение и точку зрения жителей.

Однако следует отметить и некий временной разрыв между результатами первых трех групп комплексных факторов, которые были проанализированы за 2013–2014 гг., и результатами четвертой группы, отражающими данные опроса 2016 г. Для устранения разрыва можно использовать ряд корректирующих коэффициентов или проводить оценку конкурентоспособности территории на регулярной основе (раз в год).

Заключение

В настоящее время в условиях рыночных отношений возросла значимость региональной экономики. В современных условиях именно приграничные регионы играют существенную роль в развитии и активизации интеграционных процессов между различными странами. По этой причине недостаточно использовать ограниченный набор данных, чтобы получить достоверную картину для краткосрочных и долгосрочных прогнозов. Предлагаемый методический подход к оценке конкурентоспособности приграничных территорий позволяет исследовать состояние приграничного региона, реализуя системный и комплексный подходы.

Автор предлагает следующие направления дальнейших исследований:

- разработка системы корректирующих коэффициентов, устраняющих временной разрыв между статистическими данными и результатами полевых исследований (опроса);

- проведение дальнейшей апробации методического подхода, анализ интегрального показателя в динамике за несколько лет позволят оптимизировать систему факторов конкурентоспособности приграничных территорий.

-
1. Velde B.M.R. van der. (1997). So Many Regions, So Many Borders. A Behavioural Approach in the Analysis of Border Effects. In 37th European Congress of the European Regional Science Association, Rome, Italy, August 26-29, 1997. Retrieved January 6, 2017, URL: <http://repository.uibn.ru.nl/handle/2066/139446>.

2. Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. New York: The Free Press. 1990/
3. Фатхутдинов Р. А. Стратегическая конкурентоспособность: учебник. – М.: Экономика, 2005. 504 с.
4. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: согласование позиций // Практический маркетинг. 2010. № 4. С. 4–8.
5. Панкрухин А.П. Рейтинги стран // Практический маркетинг. 2013. № 3(193). С. 4–9.
6. Скульчес Д.В. Управление конкурентоспособностью предприятий, отраслей, регионов: монография. Майкоп: ЭЛИТ, 2016. 387 с.
7. Брагин Н.Н. Конкурентоспособность региона: содержание понятия и методы оценки // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы международной научной конференции. СПб.: Реноме, 2012. С. 196–197.
8. Чайникова Л.Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2008. 148 с.
9. Шеховцева Л.С. Конкурентоспособность региона: факторы и метод создания // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 4. С. 12–21.
10. Wu Y. (2013). Research Analysis of Regional Competitiveness of the Innovative Cities: For Example Hefei City. *Journal of Hefei Technological University*, 1, 83.
11. Rubtsov V.A., Rozhko M.V., Gabdrakhmanov N.K., Gilmanova A.A. Competitiveness and Positioning of Municipalities in the Republic of Tatarstan. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 6(3). P. 761–765.
12. Wang L., & Han L. The AHP Method in Comprehensive Assessment of Regional Competitiveness. *Economy of the Enterprise*. 2004. № 6. P. 112–113.
13. Yang S., Luo Y. Research the Complex Assessment of Distinctions of the Cities' Competitiveness in the Channel of West Bank City Group on the Basis of Gray Correlation Methods. *Market Forum*. 2011. № 8. P. 20–21.
14. Xu J. Research the Evaluation Index System of Regional Competitiveness in Henan province. *Chinese Statistics*. 2012. № 3. P. 58–60.
15. Sabatino M. Competitiveness and Resilience of the Productive Districts in Sicily. The Behavior of the Sicilian Production Areas during the Economic Crisis. *Journal of Contemporary Economics*. 2016. №10(3). P. 233–248.
16. Christopherson S., Michie J.E., Tyler, P. Regional Resilience: Theoretical and Empirical Perspectives. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2010. №3(1). P. 3–10.
17. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
18. Van Gorp N. Backwardness of Border Regions. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2009. № 100(3). P. 358–364.
19. Ушвицкий Л.И., Парахина В.Н. Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Экономика. Владикавказ: Северо-Кавказский гос. тех. ун-т. 2005. №1. С. 1–20.
20. Старовойтов В.Г. Повышение конкурентоспособности городов России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 8. С. 56–60.

21. Юрпалов С. Конкурентоспособность территориальной системы: сущность и методы оценки // Интеграция: власть, наука, производство. 2003. №1. С. 33–37.
22. Li X., Zhang S. An Empirical Analysis of Regional Competitiveness of Hebei Province. *Regional economy*. 2004. №9. P. 19–27.
23. Caiazza R., Richardson A., Audretsch D. Knowledge Effects on Competitiveness: From Firms to Regional Advantage. *Journal of Technology Transfer*. 2005. №40(6). P. 899–909.
24. Charles V., Zegarra L.F. Measuring Regional Competitiveness through Data Envelopment Analysis: A Peruvian Case. *Expert Systems with Applications*. 2014. №41(11). P. 5371–5381.
25. Jovan Z., Bradic-Martinovic A. Competitiveness of Nations in selected SEE Countries. In 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches'. *Procedia Economics and Finance*. 2014. №8. P. 755–762.
26. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: <http://primstat.gks.ru>
27. Heilongjiang Province People's Government. (n.d.). Retrieved September 1. 2016. URL: <http://www.hlj.gov.cn>.

© Е.Б. Кметь, 2017

Для цитирования: Кметь Е.Б. Методический подход к оценке конкурентоспособности приграничных территорий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. №1. С. 50–67.

For citation: Kmet E.B. Methodical approach to assessment of competitiveness of the border territories // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 50–67.

Дата поступления: 24.02.2017.

В.А. Андреев

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Совершенствование оценки эффективности реализации государственных программ Приморского края

Целью исследования являются анализ эффективности реализации государственных программ Приморского края за 2015 год и выработка рекомендаций по совершенствованию процесса оценки эффективности программ и реализации программных мероприятий. Использована методика оценки эффективности, утвержденная постановлением Администрации Приморского края от 30 декабря 2014 г. №566-па «Об утверждении порядка принятия решений о разработке государственных программ Приморского края, формирования, реализации и проведения оценки эффективности реализации государственных программ Приморского края».

Выявлено отсутствие четкой связи между мероприятиями и показателями по ряду государственных программ. Не выделены показатели, которые конкретно достигаются в результате реализации мероприятий, что объективно препятствует выявлению социально-экономической эффективности программ. Отсутствует информация о достижении контрольных событий, документы, подтверждающие фактические значения показателей, представляются не в полном объеме. Для повышения эффективности реализации государственных программ и совершенствования оценки их исполнения необходимо обеспечить корректное планирование программных мероприятий на этапе разработки паспорта программы, планирования целевых и финансовых показателей.

Рекомендовано нормативно установить участие контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации в процессе разработки проектов государственных программ, наделив их полномочиями не только на проведение экспертизы проектов программ, но и на согласование целевых программных параметров. Необходимо предусматривать показатели, которые объективно отражают степень реализации каждого мероприятия государственной программы. Рекомендовано производить корректировку значений целевых показателей, исходя из достигнутых значений отчетного года, либо уменьшать объем финансирования мероприятий, которые отвечают за достижение данных показателей.

Ключевые слова и словосочетания: государственные программы, критерии оценки эффективности, бюджетные назначения, целевые показатели.

V.A. Andreev

Vladivostok State University of Economics and Service.
Vladivostok. Russia

Enhancement of the public programs efficiency estimation in Primorsky Region

Research purpose is the efficiency evaluation of implementation of the public programs of Primorsky Region for 2015 and elaboration of recommendations on enhancement of both processes of an efficiency evaluation of programs, and implementation of the program. The efficiency evaluation method approved by the resolution of Administration of Primorsky Region by December 30, 2014, No. 566 "About approval of an order of decision making on development of the state programs of Primorsky Region, forming, implementation and evaluating efficiency of implementation of state programs of Primorsky Region" is used.

The research revealed a lack of an accurate communication between actions and indicators for a number of the state programs. Indicators which are specifically reached as a result of implementation of actions that objectively interferes with detection of social and economic efficiency of programs aren't allocated. There is no information on achievement of the control events, the documents confirming the actual measure values are not represented in complete. To increase efficiency of implementation of the state programs and enhancement of assessment of their execution it is necessary to provide a correct planning of the program actions at a development stage of the program, planning of targets and financial performance.

It is recommended to establish legally participation of control and revising authorities of the subjects of the Russian Federation in the course of project development of state programs, given to them authority not only on examination of drafts of the programs, but also on confirmation of the target program parameters. It is necessary to establish legally that developers and contractors of the state programs need to provide such indicators which objectively reflect an extent of implementation of each action of the state program. It is recommended to make adjustment of target indicators, proceeding from the reached indexes of a reported year, or to reduce the amount of financing of actions which are responsible for achievement of these indicators.

Keywords: public programs, efficiency measuring criteria, budget assignment, target indexes.

Введение

Анализ проблем в сфере оценки эффективности государственных программ указывает на отсутствие системы четких и адекватных показателей измерения результатов реализации программ, а также целевых значений для каждого из таких показателей. Это влияет на низкую эффективность контроля достижения намеченных целей и запланированных результатов в ходе реализации программ и не дает корректную оценку эффективности реализации государственной программы после ее завершения. В разделе оценки эффективности некоторых программ можно встретить критерии оценки общего характера. Таким образом оценить реальный социально-экономический эффект от исполнения программных мероприятий довольно сложно. Практика исполнения обязательств по финансовому обеспечению программных мероприятий показывает, что имеются факты недофинансирования

программ в текущем финансовом году, что часто не компенсируется адекватным увеличением финансирования в последующий плановый период, поэтому запланированные результаты могут быть не достигнуты [4].

Для исполнителей мероприятий государственных программ и контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации основной задачей по обеспечению эффективности бюджетных расходов является повышение эффективности и результативности имеющихся инструментов программно-целевого управления и бюджетирования. Актуальность решения задачи обусловливается необходимостью полноценного перехода к программно-целевому бюджетированию, что без построения качественного механизма оценки эффективности государственных программ не представляется возможным. «Основными направлениями бюджетной политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов» определено, что резерв повышения эффективности бюджетных расходов заложен в сфере подготовки бюджетных решений. В решении вопроса об эффективном использовании бюджетных средств требуется смещение акцента на оценку обоснованности решений при разработке государственных программ. Необходимо использовать оценку эффективности бюджетных расходов уже на этапе планирования программных расходов.

Целью исследования являются оценка эффективности реализации государственных программ Приморского края за 2015 год ответственными органами исполнительной власти в соответствии с действующей методикой и выработка рекомендаций по совершенствованию как процессов оценки эффективности программ, так и реализации программных мероприятий.

Предмет исследования

Для оценки эффективности программных мероприятий принято постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации», а также разработаны «Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации». В документах содержатся требования к периодичности и порядку оценки, при этом ответственный исполнитель должен ежегодно осуществлять оценку эффективности программы, самостоятельно определяя методику для лучшего учета специфики реализуемых им государственных программ. Отмечается, что типовая методика, изложенная в «Методических указаниях по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации», имеет ряд недостатков. Во-первых, она основана на план-фактном анализе, то есть характеризует только исполнительскую дисциплину. Во-вторых, анализирует показатели, которые заложены самими ответственными исполнителями при подготовке государственной программы [6]. Ответственные исполнители могут вольно или невольно занижать программные показатели, чтобы быть уверенными в их достижении.

Отмечается, что при формировании системы оценки эффективности программ возникает ряд затруднений, связанных с наличием конкурирующих целей, изложен-

ных в программе или подпрограмме. Такими конкурирующими целями могут быть, например, краткосрочная цель «восстановления экономики» (направленность на стимулирование экономики) и долгосрочная цель осуществления «реинвестиций» (модернизация экономики) [2]. Уже на этапе формирования программы закладываются противоречия между стратегическими задачами государства в экономической и социальной сфере и узко ведомственными, или отраслевыми задачами.

Другим фактором, оказывающим влияние на эффективность финансового контроля расходования средств бюджетов на реализацию целевых программ, является низкая заинтересованность органов государственной власти в повышении эффективности расходов на целевые программы и в наиболее полном и своевременном достижении запланированных результатов. Результаты контрольных мероприятий показывают, что государственные заказчики (государственные заказчики – координаторы), ответственные исполнители государственных программ не обеспечивают должный внутренний контроль за полнотой и своевременностью финансового обеспечения целевых программ, целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета, а также за соблюдением сроков проведения конкурсов по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд [4].

Исследователи указывают на необходимость внедрения системы сбалансированных показателей для интеграции основных применяемых критериев оценки эффективности программ с целью обеспечения их максимальной полноты. Например, рекомендуется оценивать уровни исполнения запланированного объема финансирования и достижения целевого индикатора или показателя через следующие интегрированные показатели: уровень исполнения запланированного объема финансирования, уровень достижения целевого индикатора или показателя, эффективность реализации мероприятия [7]. Государственные программы должны составлять единый комплекс с документами социально-экономического, отраслевого и территориального планирования и разрабатываться на общей методологической основе в целях обеспечения иерархической согласованности элементов системы стратегического планирования.

Метод исследования

Оценка эффективности реализации государственных программ Приморского края за 2015 год осуществлялась в соответствии с методикой оценки эффективности, утвержденной постановлением администрации Приморского края от 30 декабря 2014 г. №566-па «Об утверждении порядка принятия решений о разработке государственных программ Приморского края, формирования, реализации и проведения оценки эффективности реализации государственных программ Приморского края». Согласно методике эффективность реализации государственной программы, подпрограммы или отдельного мероприятия признается высокой, если эффективность реализации составляет не менее 90,0%, средней – если эффективность реализации составляет от 80,0 до 89,0%, удовлетворительной – если эффективность реализации составляет от 70,0 до 79,0%.

Описание содержания исследования

Анализ реализации государственных программ Приморского края показывает, что первоначально законом о краевом бюджете бюджетные ассигнования на 2015 год в объеме 88 052,4 млн рублей утверждены на реализацию мероприятий 17 государственных программ Приморского края в объеме 84 299,7 млн рублей и непрограммных направлений деятельности органов государственной власти в объеме 3 752,7 млн рублей. Всего в Приморском крае в 2015 г. реализовывалось 18 государственных программ Приморского края с учетом утверждения программы «Безопасный край».

В заключении контрольно-счетной палаты Приморского края указывается, что в ходе исполнения краевого бюджета плановые показатели на цели финансирования программных мероприятий на 2015 г. корректировались 7 раз соответствующими законами Приморского края¹. При этом в первой корректировке (согласно Закону Приморского края от 02.03.2015 г. № 558-КЗ) в краевой бюджет включены бюджетные назначения по государственной программе «Безопасный край», утвержденной постановлением администрации Приморского края от 03.12.2014 г. № 495-па, за счет перераспределения бюджетных средств по мероприятиям пяти государственных программ и непрограммных расходов краевого бюджета. В результате расходы краевого бюджета на 2015 г. в редакции последних изменений, внесенных Законом Приморского края от 15.12.2015 г. № 734-КЗ, составили 88 288,6 млн. рублей, в том числе на исполнение программ – 86 302,7 млн рублей, непрограммных направлений деятельности – 1985,9 млн рублей.

Анализ показывает, что законодательно утвержденные расходы краевого бюджета на реализацию программ на 2015 г. к первоначальному плану увеличены на 2003,0 млн рублей, или на 2,4%. Изменение бюджетных назначений на 2015 г. коснулись всех 18 программ, действующих в Приморском крае, и непрограммных направлений деятельности органов государственной власти. Согласно уточненной сводной бюджетной росписи краевого бюджета на 2015 г. и плановый период 2016 и 2017 гг., по состоянию на 01.01.2016 (отчету об исполнении краевого бюджета на 01.01.2016 г.) плановые назначения на 2015 г., предусмотренные на исполнение программной части краевого бюджета, в общей сумме увеличены на 3016,6 млн рублей и составили 89 319,3 млн рублей.

Очевидно, что освоение средств на реализацию программных мероприятий составило 94,79%, в том числе средств краевого бюджета – 96,26%, средств федерального бюджета – 83,42%, местных бюджетов – 82,28%, что указывает на сравнительно невысокую степень эффективности реализации программных мероприятий с точки зрения расходования бюджетных средств. Освоение средств государственных внебюджетных фондов превысило плановый показатель и составило 103,26%.

В результате анализа степени освоения средств и эффективности государственных программ Приморского края по итогам 2015 г. выявлено, что на высоком

¹ Заключение Контрольно-счетной палаты Приморского края на отчет администрации Приморского края об исполнении краевого бюджета за 2015 год. URL: http://ksp25.ru/files/folder_2/2016/zaklyuchenie_ksp_na_isp_kb_za_2015_god.pdf

уровне (более 95,0 %) освоены бюджетные ассигнования, предусмотренные на реализацию семи программ (табл.):

«Информационное общество» – 100,0 %;

«Развитие туризма в Приморском крае» – 99,9 %;

«Развитие здравоохранения в Приморском крае» – 98,5 %;

«Развитие образования Приморского края» – 97,9 %;

«Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах Приморского края» – 97,7 %;

«Социальная поддержка населения Приморского края» – 96,6 %;

«Развитие физической культуры и спорта Приморского края» – 96,7 %;

Таблица

**Степень освоения средств и эффективность государственных программ
Приморского края по итогам 2015 г.**

Наименование государственной программы Приморского края	Степень освоения средств, %	Эффективность государственной программы, %
1	2	3
Развитие здравоохранения Приморского края	98,5	90,1
Развитие образования Приморского края	97,9	99,0
Социальная поддержка населения Приморского края	96,6	99,5
Содействие занятости населения Приморского края	92,8	109,0
Развитие культуры Приморского края	77,2	96,0
Обеспечение доступным жильем и качественными услугами ЖКХ населения Приморского края	90,7	87,0
Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах Приморского края	97,7	87,0
Охрана окружающей среды Приморского края	66,8	109,0
Развитие физической культуры и спорта Приморского края	96,7	98,0
Развитие туризма в Приморском крае	99,9	94,0
Информационное общество	100,0	93,5
Развитие транспортного комплекса Приморского края	87,9	98,0
Энергоэффективность, развитие газоснабжения и энергетики в Приморском крае	58,2	126,0
Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Повышение уровня жизни сельского населения Приморского края	77,8	101,0
Развитие рыбохозяйственного комплекса в Приморском крае	85,3	102,0

Окончание табл.

1	2	3
Развитие лесного хозяйства в Приморском крае	88,8	89,0
Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края	91,7	100,6
Безопасный край	85,7	101,0

Примечание: сост. по [5].

Исполнение бюджетных ассигнований (освоение средств) по двум государственным программам сложилось на достаточно низком уровне:

«Энергоэффективность, развитие газоснабжения и энергетики в Приморском крае» – 58,2 %;

«Охрана окружающей среды Приморского края» – 66,8 %.

Эффективность реализации программных мероприятий вышеуказанных государственных программ оценивается на высоком уровне: «Энергоэффективность развитие газоснабжения и энергетики в Приморском крае» – 126,0 %, «Охрана окружающей среды Приморского края» – 109,0 %. В сводном докладе департамента государственных программ и внутреннего государственного финансового контроля Приморского края о ходе реализации государственных программ в Приморском крае по итогам 2015 г. отмечается, что существующая методика расчета оценки эффективности реализации государственных программ хотя и позволяет значительно объективнее оценивать программы, однако имеет и ряд недостатков.

В государственных программах «Энергоэффективность, развитие газоснабжения и энергетики в Приморском крае» и «Охрана окружающей среды Приморского края» присутствует значительное количество показателей, установленных требованиями федеральных органов исполнительной власти, при этом мероприятия, реализуемые в рамках данных программ, не связаны с данными показателями. Как следствие, расчет оценки эффективности данных программ является необъективным. Соответственно механизм оценки эффективности должен различаться в зависимости от функциональной или отраслевой направленности государственной программы. Оценку программных мероприятий необходимо проводить как на этапе их разработки, так и в процессе реализации и завершения всех программных мероприятий вследствие наличия возможного отложенного эффекта [1].

Департаментом государственных программ и внутреннего государственного финансового контроля Приморского края по итогам 2015 г. эффективность 15 государственных программ признана высокой и 3 государственных программ – средней. Государственных программ с оценкой «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» по итогам отчетного года не выявлено.

Анализ отчетности по ряду государственных программ Приморского края выявил отсутствие четкой связи между мероприятиями и показателями. Не выделены показатели, которые конкретно достигаются в результате реализации мероприятий, что объективно препятствует выявлению социально-экономической эффективности программ как в отчетном, так и по итогам всего программного периода.

В процессе анализа внесенных в течение года изменений в государственные программы были выявлены корректировки с разницей в несколько дней, а также несколько корректировок ресурсного обеспечения одного и того же мероприятия, что свидетельствует о низкой исполнительской дисциплине ответственных исполнителей программных мероприятий.

Ряд отчетов о степени реализации мероприятий не соответствуют информации из отчетных редакций государственных программ Приморского края, отсутствует информация о достижении контрольных событий, документы, подтверждающие фактические значения показателей, представляются не в полном объеме. По данным департамента государственных программ и внутреннего государственного финансового контроля Приморского края особенно это касается государственной программы «Развитие культуры Приморского края». По ряду показателей государственных программ не предоставлена информация о фактическом значении на конец отчетного года по причине отсутствия информации в статистической отчетности.

В состав государственных программ «Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах Приморского края», «Охрана окружающей среды Приморского края», «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Повышение уровня жизни сельского населения Приморского края», «Развитие рыбохозяйственного комплекса в Приморском крае» включены подпрограммы, полностью состоящие из расходов на содержание органов исполнительной власти Приморского края. Оценить реализацию данных мероприятий сложно, соответственно данные подпрограммы могут исказить общую оценку эффективности государственной программы.

Выводы

Для повышения эффективности реализации государственных программ и совершенствования оценки их исполнения необходимо обеспечить корректное планирование программных мероприятий на этапе разработки паспорта программы, планирования целевых и финансовых показателей. Рекомендуется нормативно установить участие контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации в процессе разработки проектов государственных программ, наделив их полномочиями не только на проведение экспертизы проектов программ, но и на согласование целевых программных параметров. Такая функция предварительного контроля позволит наиболее корректно учитывать в программах целевые показатели, установленные документами стратегического планирования Российской Федерации.

Методически следует закрепить использование таких критериев оценки эффективности бюджетных расходов, которые могут отражать соотношение затрат и результатов при осуществлении расходов на реализацию программ. Эффективность бюджетных расходов должна отражать уровень затраченных ресурсов для достижения конкретных результатов [3]. Механизм оценки необходимо адаптировать в зависимости от функциональной или отраслевой направленности программы, что

усложнит процесс совершенствования методологической базы, но позволит избежать противоречий между установлением стратегических целевых показателей и наличием мероприятий, реализуемых в рамках данных программ, функционально не связанных с данными показателями.

Необходимо усилить контроль за соблюдением сроков представления годового отчета о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ и контроль качества представляемой отчетности и документов ответственными исполнителями и соисполнителями государственных программ. Целесообразно нормативно установить, что разработчикам и исполнителям государственных программ необходимо предусматривать только такие показатели, которые объективно отражают степень реализации каждого мероприятия государственной программы. Требование обусловливается тем, что с учетом проведенной департаментом государственных программ и внутреннего государственного финансового контроля Приморского края в 2015 г. работы по корректировке показателей государственных программ и по результатам проверки отчетности по ряду государственных программ выявлено отсутствие четкой связи между мероприятиями и показателями, не выделены показатели, которые конкретно достигаются в результате реализации мероприятий.

С учетом занижения целевых показателей реализации ряда государственных программ исполнителям государственных программ рекомендуется производить корректировку значений целевых показателей, исходя из достигнутых значений отчетного года, либо уменьшать объем финансирования мероприятий, которые отвечают за достижение данных показателей. Рекомендуется нормативно установить, что исполнителям государственных программ необходимо исключать из государственных программ показатели, по которым отсутствует возможность предоставления отчетных (подтверждающих) документов. Кроме того, учитывая, что по ряду показателей государственных программ не предоставлена информация о фактическом значении на конец отчетного года по причине отсутствия информации в статистической отчетности, исполнителям государственных программ по результатам получения статистической отчетности необходимо предоставлять актуализированную информацию об оценке эффективности государственных программ.

-
1. Афанасьев М.П., Алехин Б.И., Кравченко А.И. и др. Программный бюджет: цели, классификация и принципы построения / М.П. Афанасьев, Б.И. Алехин, А.И. Кравченко, П.Г. Крадинов // Академия бюджета и казначейства Минфина России. Финансовый журнал. 2010. № 3. С. 5–18.
 2. Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. Инструментарий оценки эффективности государственных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. №3. С. 48–69.
 3. Блохин А.А., Стерник С.Г., Тулинова Н.В. и др. Методология внутреннего мониторинга реализации государственных программ / А.А. Блохин, С.Г. Стерник,

- Н.В. Тулинова, И.А. Яременко // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2013. № 2. С. 5–19.
4. Минаева Е.А. Анализ факторов, влияющих на эффективность государственного финансового контроля за расходами бюджета на реализацию целевых программ // Вестник финансового университета. 2013. №4. С. 120–130.
 5. Сводный годовой доклад о ходе реализации государственных программ в Приморском крае за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/departament-gosprogramm/godovye-otchety-ob-ispolnenii-gosudarstvennykh-programm/Сводный%20годовой%20доклад%202015%20итоговый.pdf> (дата обращения 30.01.2017).
 6. Соколов И.А. Методологические подходы к оценке эффективности бюджетных расходов, в том числе государственных программ // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2014. № 2. С. 7–11.
 7. Терентьева Т.В., Шумик, Е.Г. Анализ методик оценки развития отраслей промышленности // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10 (ч. 3). С. 433–436.

© В.А. Андреев, 2017

Для цитирования: Андреев В.А. Совершенствование оценки эффективности реализации государственных программ Приморского края // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 68–77.

For citation: Andreev V.A. Enhancement of the public programs efficiency estimation in Primorsky Region // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 68–77.

Дата поступления: 30.01.2017.

Ю.С. Лебединская

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Применение метода гомеостатики в разработке организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края

Региональный туристский кластер в современном мире является одним из важнейших условий формирования и развития региональной экономики. В данной работе автором разрабатывается модель организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края, основанная на применении метода гомеостатики. Предложенный механизм способен оказать благотворное влияние на туристский сектор экономики в регионе и обеспечить формирование и развитие смежных отраслей. Автор предлагает в ядро кластера включить два элемента, основанные на гомеостатическом подходе, которые усилят как ядро самого кластера, так и другие элементы, находящиеся в кластере.

Разработанная модель организационно-экономического механизма состоит из следующих обязательных элементов, играющих важное значение в управлении туристским кластером в регионе: кластерообразующее ядро, состоящее из двух противоречивых элементов, таких, как ассоциация туристских компаний и инновационный центр; туристский кластер, состоящий из туристических компаний и смежных отраслей и производящий туристские продукты и услуги; координационный совет кластера, оказывающий непосредственное влияние на ядро кластера; высший орган управления в лице администрации Приморского края, координирующий в целом управление туристским кластером.

В работе рассмотрены роль и связи каждого элемента в модели организационно-экономического механизма управления туристским кластером в Приморском крае, что позволяет оценить ее значимость в региональном масштабе. Предложенный механизм представляет развернутую модель компенсационного гомеостата, который позволяет эффективно управлять кластерной структурой в туристском секторе региона и способствует экономическому и социальному развитию региона.

Ключевые слова и словосочетания: метод, модель, гомеостатика, механизм, управление, кластер, туристский кластер, регион, туристский сектор экономики.

Yu.S. Lebedinskaya

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The application of the method of homeostatic in the development of organizational-economic mechanism of management of the tourist cluster in Primorsky Region

Regional tourist cluster in the modern world is one of the most important conditions of formation and development of the regional economy. In this paper the author develops a model of organizational-economic mechanism of management of a tourist cluster in Primorsky region based on the application of the method of homeostatic. The proposed mechanism is able to exert a beneficial effect on the tourism sector in the region and to ensure the formation and development of the related industries. The author offers in – cluster to include two elements based on a homeostatic approach that will strengthen as the core of the cluster itself and other elements in the cluster. Developed a model of organizational-economic mechanism consists of the following required elements, which play an important factor in the management of a tourist cluster in the region: the cluster-forming core consisting of two contradictory elements, such as the Association of touristic companies and the innovation center; tourist cluster of tourism companies and related industries and producing tourism products and services; coordinating Council of the cluster that have a direct impact on the core of the cluster; the highest governing body in the face of the Primorsky region Administration, which coordinates overall management of a tourist cluster. The paper discusses the role and relationship of each element in the model of organizational-economic mechanism of management of the tourist cluster in Primorsky region that allows to assess its importance on a regional scale.

The proposed mechanism is a detailed model of compensative homeostasis, which allows to effectively manage the cluster structure in the tourism sector in the region and fostering economic and social development of the region

Keywords: method, model, homeostatics, mechanism, management, cluster, tourism cluster, the region, the tourist sector of the economy.

В России кластерный подход к организации и развитию туристского сектора экономики только начинает формироваться в связи с принятием в 2006 г. поправок к Федеральному закону «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и выделением особых экономических зон туристско-рекреационного типа, а также с принятием в 2011 г. Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011–2018 годы)» [1; 2]. Туристско-рекреационные кластеры формируются в целях создания привлекательного инвестиционного и предпринимательского климата в регионах России, эффективного использования туристско-рекреационных ресурсов, повышения конкурентоспособности отечественных туристских продуктов и предоставляющих их туристских компаний.

Приморский край обладает значительным потенциалом для создания туристского кластера, но процесс его кластеризации в регионе протекает стихийно, в связи с этим возникают трудности в разработке вопросов эффективного функционирования туризма в регионе. Чтобы процесс кластеризации туристского сектора был контролируемый и управляемый, необходимо разработать организационно-экономический механизм управления туристским кластером Приморского края.

Целью статьи является обоснование применения метода гомеостатики в разработке модели организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края, который позволит эффективнее наладить работу в туристском секторе региона за счет двух противоречивых элементов, находящихся в ядре кластера.

Для разработки модели организационно-экономического механизма управления туристским кластером автор использовал метод гомеостатики. Гомеостатика является ветвью кибернетики, предмет ее исследования – внутренние противоречия изучаемых объектов, обеспечивающих их гомеостаз, поддержание жизненно важных функций в пределах оптимального диапазона значений, устойчивость объектов к воздействию проникающих из среды помех. Внутреннее противоречие выступает движущей силой развития объекта [3]. Заметим, что в экономической науке методы гомеостатики применяются пока редко, но уже доказали свою продуктивность, особенно при проектировании управленческих систем. При данном подходе организационно-экономический механизм может быть сосредоточен на формировании двух внутренних элементов и противоречии между ними, а также на управлении его развитием. Два элемента, находящиеся в отношениях противоречия, будут играть роль кластерообразующего ядра, развитие которого будет стимулировать соответствующее развитие всех остальных элементов проектируемого туристского кластера.

Автор полагает, что для решения задачи разработки организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края уместным будет применение гомеостатического подхода.

В гомеостатической методологии туристский кластер Приморского края выступает как объект, имеющий внутренние противоречия. С точки зрения разработки организационно-экономического механизма управления его формированием и развитием большую роль играет противоречие внутри кластерообразующего ядра. Поэтому в работе акцентировано противоречие между Ассоциацией туристских компаний и Инновационным центром кластера. Модель организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края представлена на рисунке.

В рамках приведенной модели обеспечиваются координация, коммуникация и взаимоувязка всех элементов кластера в рамках единства целей, задач, приоритетов, методов и форм региональной политики. Из рисунка видно, что кластер в модели компенсационного гомеостата выступает в качестве управляемого объекта (подсистемы). Управляющая подсистема состоит из Субъекта непосредственного управления и Высшего органа управления.

Рисунок. Модель организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края

В роли Высшего органа управления для кластера выступает региональный орган исполнительной власти – администрация Приморского края. Данная региональная структура определяет стратегическую задачу управления кластером и реализует действия, направленные на ее достижение. В качестве Субъекта непосредственного управления кластером предлагается Координационный совет кластера, который может быть создан при Департаменте Международного сотрудничества и развития туризма, на него целесообразно возложить соответствующие функции. Непосредственное управление кластером осуществляется путем перераспределения общего для его ведущих элементов ресурса [4].

Центром гомеостатической модели является противоречие между элементами кластерообразующего ядра, а именно: между Ассоциацией туристских компаний и Инновационным центром [5].

С учетом специфики туристской отрасли, в которой ядро кластера представлено в основном предприятиями малого и среднего бизнеса, настоятельной необходимостью является наличие координирующей структуры в виде ассоциации туристских компаний. Ассоциация выполняет коммуникационные функции как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальные коммуникации определяются потребностью консолидированного представительства интересов отрасли при взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления, а также в выработке единых правил взаимодействия с инфраструктурой кластера (аренда, требования к услугам смежных отраслей и др.). Горизонтальные коммуникации обеспечивают

координацию и взаимодействие с внешней средой, способность выступать консолидированно при освоении новых рынков.

Важным направлением региональной кластерной политики должен стать запуск механизмов саморегуляции и координации деятельности всех элементов кластера. Для сферы туризма это имеет особое значение, поскольку предприятия ядра кластера и инфраструктура (размещения, транспорта, питания и др.) представлены малым и средним бизнесом, которому крайне необходимы централизованные услуги, которые они не в состоянии обеспечить самостоятельно (консалтинг, продвижение на международные рынки, подготовка специалистов, инновационные и информационные услуги и т.п.). Создание общественной организации (Ассоциации) из участников кластера с привлечением представителей органов власти к ее работе в значительной степени облегчило бы осуществление коммуникаций, взаимодействие с органами власти и доступ компаний к ресурсам, необходимым для их деятельности.

Ассоциация туристских компаний, по нашему мнению, должна выступать инициатором кластерных инициатив, осуществлять внутреннюю координацию деятельности туристских компаний, организовывать продвижение туристских продуктов и брендов, выступать основным партнером органов государственной и муниципальной власти в определении требований к деятельности публичного сектора экономики по обеспечению условий деятельности туристского кластера.

Ассоциация туристских компаний, реализующих туристский продукт, производимый в Приморском крае, будет интересна предприятиям туристской отрасли в том случае, если возьмет на себя решение следующих вопросов [5]:

- организация взаимодействия с органами власти по следующим позициям: согласование режимов использования туристских объектов, находящихся в государственной собственности; адаптация местной нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность туристской отрасли; государственная поддержка экспорта туристского продукта; развитие кадрового потенциала и качества специализированного рынка труда; согласование интересов по развитию транспортной, социальной, информационной и другой инфраструктуры, используемой не только туристским кластером, но и предприятиями других отраслей;

- взаимодействие и представление интересов членов ассоциации с другими региональными кластерами в части использования ресурсов и инфраструктуры региона;

- представление интересов туристской отрасли в контактах с зарубежными партнерами;

- организация и поддержание информационных баз и коммуникаций внутри кластера.

Инновационный центр может состоять из научных, исследовательских, консалтинговых организаций, учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров (как правило, по этому пути идут университеты США). Он может являться также

специальным центром при Ассоциации туристских компаний (Германия и ряд других стран Европы) [6].

Основными задачами Инновационного центра кластера являются обеспечение максимально короткого пути по цепочке создания и реализации туристского продукта, его содержательного наполнения, маркетингового, консалтингового и иного сопровождения деятельности ядра и инфраструктуры кластера, поддержка информационной и образовательной инфраструктуры. Таким образом, Инновационный центр туристского кластера Приморского края должен состоять из лидеров отрасли, которые активно генерируют новые проекты, продукты, привлекают и создают новые ресурсы, возможности, иницируют осмысление общих проблем и задач в туристской сфере и поиск путей их совместного решения участниками кластера.

Формы организации инновационного центра кластера могут быть классифицированы по степени и форме участия экономических субъектов кластера. Выбор конкретной формы инновационного центра кластера определяется особенностями конечного продукта, сложившимися формами взаимодействия предприятий внутри кластера, а также особенностями организации самой инфраструктуры.

Как показывает зарубежный и отечественный опыт формирования кластеров, в структуре туристского кластера роль инновационного центра кластера крайне важна, поскольку выступает координатором, без которого предприятия, входящие в ядро кластера, не в состоянии самостоятельно сформировать единую стратегию деятельности.

Координационный центр оказывает воздействие на ядро кластера таким образом, чтобы противоречие между элементами кластерообразующего ядра оставалось продуктивным, способствовало эксцентричному развитию как в отдельности каждого элемента, так и их совокупности.

В указанном механизме изображены связи между элементами: прямые (сплошные линии) и обратные (пунктир), представляют контроль результатов управленческих действий в кластере [7].

Ресурсы в разработанном механизме будут играть важную роль, так как гомеостатическое противоречие между Ассоциацией туристских компаний и Инновационным центром обеспечивается циркулирующим между ними ресурсом. При этом данное противоречие остается продуктивным, пока ресурс перераспределяется между названными элементами в циклическом режиме и способствует развитию каждого из них в отдельности. В рамках управления гомеостатическим противоречием требуется, во-первых, выявить ресурс, который может служить платформой для него; во-вторых, сформировать механизм его циклического перераспределения между элементами кластерообразующего ядра [8].

Таким ресурсом в рассматриваемом кластере могут служить специальные профессиональные знания и информация, необходимые Ассоциации туристических компаний и Инновационному центру кластера для выполнения функций и решения

возложенных задач. Из этого следует, что механизм циклического перераспределения специальных профессиональных знаний и информации между ними имеет объективные основания.

Немаловажную роль в данном механизме играют связи между его элементами, они положительно сказываются на жизнеспособности кластера.

Итак, учитывая приведенные выше положения, конкретные управленческие действия, по нашему мнению, могут быть сформулированы следующим образом:

- 1) создать Ассоциацию туристических компаний;
- 2) сформировать Инновационный центр;
- 3) создать Координационный совет;
- 4) инициировать формирование продуктивного противоречия гомеостатического типа между Инновационным центром кластера и Ассоциацией туристических компаний путем поочередного предоставления им необходимых специальных знаний и информации;
- 5) инициировать и обеспечить постоянное функционирование институтов сотрудничества для участников кластера в форматах форумов, совещаний, конференций, круглых столов и пр.

Результатами реализации управленческих действий станут увеличение числа субъектов кластера, его организационное оформление, формирование кластерообразующего ядра и механизма функционирования, то есть возникновение полноценного работоспособного туристского кластера Приморского края. Предложенная модель организационно-экономического механизма управления региональным кластером, основанная на гомеостатическом подходе, позволит оперативно управлять кластером, проводить его диагностику, быстро выявлять и устранять недостатки, что в целом положительно скажется на результативности работы кластера.

-
1. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: федер. закон РФ № 116-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosez.ru/lawfed.html>.
 2. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011–2018 годы)» // Министерство культуры РФ. Федеральное агентство по туризму: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/>
 3. Боуш Г.Д. Кластеры в экономике: научная теория, методология исследования, концепция управления: монография. Омск: ОмГУ, 2013. 408 с.
 4. Лебединская Ю.С. О политике Приморского края в сфере развития туристского кластера // Извест. Дальневост. федер. ун-та. Экономика и управление. 2013. № 3 (67). С. 43–47.
 5. Лебединская Ю.С., Боуш Г.Д. Региональные туристские кластеры: управление формированием и развитием: монография. Владивосток: Изд-во: ВГУЭС, 2015. 185 с.
 6. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? World Link, 1995, no. 5, pp. 24–25.

7. Jacobs D.A. Man Clusters. Industrial Policy and Firm Strategy: A Menu Approach Technology Analysis & Strategic Management, 1996, vol. 8, no 4, pp. 18–36.
8. Schmitz H. On the clustering of small firms. IDS Bulletin, 1992, vol. 23, no. 3,; a new view on small industry, IDS Bulletin (Special Issue), 1992, no 3, pp. 64-69.

© Ю.С. Лебединская, 2017

Для цитирования: Лебединская Ю.С. Применение метода гомеостатики в разработке организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 78–85.

For citation: Lebedinskaya Yu.S. The application of the method of homeostatic in the development of organizational-economic mechanism of management of the tourist cluster in Primorsky region // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 78–85.

Дата поступления: 06.03.2017.

Е.В. Конвисарова¹
А.А. Семенова²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Особенности методического инструментария анализа финансового состояния субъектов малого бизнеса

Качество выбранной методики анализа финансового состояния существенно влияет на процессы управления организацией и выживаемость фирмы, а также на принятие управленческих решений внешними пользователями экономической информации. Для субъектов малого бизнеса такой выбор имеет особенности, изложенные в статье. Целью работы является обоснование методического инструментария для проведения анализа финансового состояния субъектов малого бизнеса с учетом специфики торговли. Исследование проводилось в несколько этапов. Сначала были сгруппированы и обобщены подходы отечественных и зарубежных авторов к проведению оценки финансового состояния для крупных организаций.

Выявлены максималистские и минималистские варианты проведения оценки. Один из промежуточных выводов заключался в нерациональности использования малыми организациями таких методик в связи с низкой информационной емкостью их отчетности, излишней трудоемкостью проведения анализа по методикам, предназначенным для крупных организаций, специфичностью хозяйственной деятельности малых предприятий разных отраслей. Следующим этапом был проведен сравнительный анализ немногочисленных методик по анализу финансового состояния субъектов малого бизнеса. Проанализированы подходы и методический инструментарий, выявлены их преимущества и недостатки.

Обосновано использование для анализа финансового состояния субъектов малого бизнеса коэффициентного метода с определенным набором показателей ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности, деловой активности, а также применение в анализе для сравнения не общеустановленных нормативов, а пороговых среднеотраслевых значений. Пример использования выбранного методического инструментария в анализе на основе статистических данных малых торговых организаций позволил уточнить состав показателей с учетом выявленных особенностей.

Ключевые слова и словосочетания: анализ, оценка, финансовое состояние, методический инструментарий анализа, субъекты малого бизнеса, малые торговые предприятия.

¹ Конвисарова Елена Викторовна – канд. экон. наук, профессор кафедры экономики; e-mail: Elena.konvisarova@vvsu.ru.

² Семенова Анна Александровна – магистрант кафедры экономики; e-mail: semenova3229@mail.ru.

E.V. Konvisarova
A.A. Semenova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Features methodological tools of analysis of the financial condition of small businesses

The quality of the selected financial condition analysis technique significantly influences the management of the organization and processes of the company survival, as well as on the management decisions by external users of economic information. This choice is particularly justified in the article for small businesses. The aim is to study methodological tools for the analysis of the financial condition of small businesses, taking into account the specifics of trade. The study was conducted in several stages. First there were grouped and summarized the approaches of domestic and foreign authors in the assessment of the financial condition of large organizations. Revealed maximalist and minimalist versions of the assessment. One of the interim conclusion was irrational use of small organizations such methods due to the low information capacity of their reporting, excessive labor-intensive analysis by methods designed for large organizations, the specificity of the economic activity of small enterprises of different industries. The next step was a comparative analysis of the few methods for the analysis of the financial condition of small businesses. approaches and methodological tools, revealed their advantages and disadvantages were analyzed. Reasonable use for the analysis of the financial condition of small businesses coefficient method with a set of liquidity, financial stability, profitability, business activity, as well as application in the analysis for comparison is not generally established standards and threshold values of the industry average. An example of using the selected methodological tools in the analysis based on statistical data of small trade organizations allowed to specify the composition of indicators, taking into account the identified features.

Keywords: analysis, evaluation, financial condition, methodical analysis tools, small businesses, small commercial enterprises.

Одним из способов мобилизации «внутренних резервов» роста экономики России является развитие малого бизнеса. Однако в настоящее время доля этого сектора экономики имеет тенденцию к сокращению, что побуждает власти к разработке мер государственной поддержки. В то же время ни корпорации развития малого и среднего предпринимательства, ни обещанные льготные кредиты, ни специальные налоговые режимы не помогут, если малые предприятия, не успев «набрать обороты», будут банкротиться из-за безграмотного управления финансовым состоянием или усредненного подхода к интерпретации результатов анализа.

Существующие в экономической литературе многочисленные методики анализа финансового состояния предназначены для крупных компаний и корпораций и с успехом в них применяются, но они не пригодны для малого бизнеса из-за особенностей его функционирования. Поэтому целью исследования является совершенствование методик анализа финансового состояния для применения субъектами малого предпринимательства на основе исследования существующих методик и выбора наиболее приемлемой для решения конкретных задач [3, с. 398].

Для того чтобы предложить методику анализа финансового состояния субъектам малого бизнеса, был рассмотрен богатый опыт современных исследователей, имеющих многочисленные публикации в учебной и научной литературе (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение современных методик анализа финансового состояния

Автор	Основные элементы методик анализа финансового состояния	Сильные стороны			Слабые стороны			
		всесторонняя оценка	комплексность	кратковременность, без сложных расчетов	отсутствие анализа вероятности банкротства	отсутствие анализа влияния факторов на финансовое состояние	отсутствие прогноза финансовой деятельности	трудоемкость
Ефимова О.В. [4, с. 28–38]	Предварительный анализ; экспресс-анализ; углубленный анализ; прогнозный анализ основных финансовых показателей			+	+			
Жилкина А.Н. [5, с. 39–96]	Проведение анализа тремя способами: 1) графический; 2) табличный; 3) коэффициентный	+	+			+		+
Ковалев В.В. [7, с. 85–112]	Два вида анализа: 1) экспресс-анализ; 2) углубленный анализ			+	+	+		
Савицкая Г.В. [11, с. 398]	Анализ имущественного состояния, источников формирования и размещения капитала; эффективности и интенсивности использования капитала; диагностика финансовой устойчивости, платежеспособности и риска банкротства	+	+				+	+
Шеремет А.Д. [13, с. 15]	Проведение комплексного анализа на основе всех форм отчетности с использованием горизонтального, вертикального, трендового, коэффициентного и факторного анализа		+		+		+	+

Представленная в табл. 1 подборка методик наиболее авторитетных российских авторов не исчерпывающая, но показательная, поскольку демонстрирует различия в подходах к проведению анализа по количеству этапов, набору показателей, трудоемкости проведения и другим критериям. Одни методики предназначены для кратковременного анализа, быстрого получения результата [4; 7], другие – для комплексной оценки [5; 11; 13].

Зарубежные авторы в структуре анализа финансового состояния «выделяют следующие составные части анализа: платежеспособность, структура активов и пассивов, деловая активность, оборачиваемость, эффективность использования капитала, инвестиции...» [9, с. 22] (Д. Стоун, К. Хитчинг); «Р. Брейли, С. Майерс выделяют финансовую зависимость, ликвидность, рентабельность, рыночную активность...», Дж. К. Ван Хорн – структуру и динамику имущества предприятия, ликвидность, соотношение денежного потока и задолженности, соотношение собственного капитала и задолженности, степень покрытия процентных платежей прибылью» [там же].

Из рассмотренных отечественных и зарубежных методик анализа финансового состояния видно, что они сложны, базируются на показателях разных форм бухгалтерской отчетности, требуют наличия в штате квалифицированных экономистов и аналитиков и непригодны для малых организаций. Поэтому для проведения оценки финансового состояния субъектов малого бизнеса необходима специальная методика, учитывающая особенности функционирования малого бизнеса и его ограниченные возможности, к которым можно отнести следующие:

- низкая информационная емкость показателей форм отчетности малых организаций;
- излишняя трудоемкость проведения анализа по методикам, предназначенным для крупных организаций;
- специфичность хозяйственной деятельности малых предприятий разных отраслей и др.

Учитывая эти особенности, для проведения анализа финансового состояния малых организаций достаточно применения коэффициентного анализа. Преимуществами этого инструмента являются:

- простота,
- возможность использования сокращенных форм отчетности,
- нивелирование влияния инфляции,
- возможность сравнения разных показателей [9, с. 23].

Недостатками в применении коэффициентного метода являются:

- сложность в выборе показателей (коэффициентов) для анализа;
- ошибки в интерпретации результатов.

Обоснованием выбора показателей (коэффициентов) для анализа финансового состояния субъектов малого бизнеса занимались такие исследователи, как Р.Я. Ивасюк, М.П. Козленко, О.Н. Булова (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение показателей анализа финансового состояния малых предприятий

№ п/п	Показатель	Ивасюк Р.Я. [6, с.20–22]	Козленко М.П. [8, с.16–18]	Бурова О.Н. [2, с. 115–119]
1	Коэффициент абсолютной ликвидности	+	-	+
2	Коэффициент ликвидности	+	+	+
3	Коэффициент быстрой ликвидности	-	+	+
4	Коэффициент автономии	+	+	+
5	Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	+	+	+
6	Коэффициент маневренности	-	+	+
7	Коэффициент обеспеченности запасов собственными и приравненными к ним источниками формирования имущества	-	+	+
8	Коэффициент рентабельности продаж	+	+	+
9	Коэффициент рентабельности всего капитала организации (всех активов организации)	+	+	+
10	Коэффициент рентабельности собственного капитала	+	+	+
11	Коэффициент рентабельности перманентного капитала	--	-	+
12	Коэффициент оборачиваемости собственного капитала	-	-	+
13	Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности	-	+	+
14	Степень платежеспособности по текущим обязательствам	+	-	-
15	Показатель отношения объема оказанных услуг к собственным средствам	+	-	-
16	Коэффициент исполнения текущих обязательств перед бюджетом	+	-	-
17	Коэффициент рентабельности продаж	-	+	+
18	Коэффициент накопления собственного капитала	-	+	-
19	Коэффициент общей платежеспособности	-	+	-
20	Фондоотдача основных средств	-	+	+
21	Коэффициент общей оборачиваемости капитала	-	-	+
22	Коэффициент оборачиваемости мобильных средств	-	-	+
23	Коэффициент оборачиваемости оборотных активов	-	+	+
24	Коэффициент оборачиваемости запасов	-	+	-
25	Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности	-	+	-
26	Фондоотдача внеоборотных активов	-	-	+
27	Выручка от оказания услуг, тыс. руб.	+	-	-
28	Валовая прибыль, тыс. руб.	+	-	-
29	Чистая прибыль, тыс. руб.	+	-	-
30	Коэффициент внутренней задолженности	+	-	-
31	Доля денежных средств в составе имущества	+	-	-
32	Доля дебиторской задолженности в составе имущества	+	-	-
33	Доля основных средств во всем имуществе	+	-	-
34	Доля нематериальных активов во всем имуществе	+	-	-
35	Коэффициент прогноза банкротства	-	-	+

Как видно из табл. 2, коэффициенты ликвидности, соотношения заемных и собственных средств, рентабельности продаж, всего капитала предприятия и собственного капитала присутствуют у всех авторов. Коэффициент абсолютной ликвидности отсутствует только у М.П. Козленко. Коэффициенты маневренности, обеспеченности запасов собственными активами, оборачиваемости кредиторской задолженности отсутствуют у Р.Я. Ивасюк. Остальные коэффициенты встречаются по одному разу и не повторяются у авторов.

В методике Р.Я. Ивасюк используются показатели выручки от оказания услуг, валовой прибыли, чистой прибыли, коэффициент внутренней задолженности, доля денежных средств во всем имуществе, доля дебиторской задолженности во всем имуществе, доля основных средств во всем имуществе, доля нематериальных активов во всем имуществе, степень платежеспособности по текущим обязательствам, показатель отношения объема оказанных услуг к собственным средствам и коэффициент исполнения текущих обязательств перед бюджетом.

Только у М.П. Козленко встречаются показатели накопления собственного капитала, общей платежеспособности, фондоотдача основных фондов, коэффициент оборачиваемости запасов, коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности.

Бурова О.Н. использует такие особенные показатели, как рентабельность перманентного капитала, общей оборачиваемости капитала, оборачиваемости мобильных средств, фондоотдачи внеоборотных средств, оборачиваемости собственного капитала, а также прогноза вероятности банкротства.

Из рассмотренных в табл. 2 подходов наиболее приемлемый набор коэффициентов, за небольшим исключением, предложен О.Н. Буровой. Однако они являются только частью методики, включающей графический и табличный методы оценки финансового состояния малых организаций, расчет интегрального показателя влияния факторов [2, с. 111–115]. Применение всей трехкомпонентной методики для малых организаций, на наш взгляд, является трудоемким процессом.

Во избежание ошибок в интерпретации результатов анализа из-за использования некорректных нормативов (усредненных, не учитывающих отраслевых особенностей предприятий) были исследованы мнения таких ученых, как В.В. Бочаров [1, с. 123–134], О.Н. Бурова [2, с. 96–100], О.В. Ефимова [4, с. 20–54], А.Н. Жилкина [5, с. 113–118], В.В. Ковалев [7, с. 45–88], А.П. Латкин [10, с. 194]. Наиболее тщательно разработанный вариант для субъектов малого бизнеса – расчет пороговых значений в разрезе отраслей – предложен О.Н. Буровой на основе группировки и обобщения результатов «обследований малых организаций, проводимых Росстатом и ОАО «МСП Банком» [2, с. 106].

Анализ финансового состояния малых торговых организаций на основе статистических данных за 2013 год в соответствии с выбранным авторами статьи составом коэффициентов в сопоставлении с пороговыми значениями представлен в табл. 3.

Таблица 3

**Анализ финансового состояния малых торговых организаций на основе
статистических данных за 2013 год**

Коэффициент	Значения		Пороговое значение	Тенденция изменения
	на начало периода	на конец периода		
Показатели ликвидности				
Абсолютной ликвидности	0,05	0,06	0,0509	Улучшение
Быстрой ликвидности	0,85	0,86	0,8422	Улучшение
Текущей ликвидности	1,17	1,20	1,1709	Улучшение
Показатели финансовой устойчивости				
Автономии	0,14	0,16	0,1429	Улучшение
Соотношения заемных и собственных средств	6,14	5,27	5,9969	Улучшение
Маневренности	0,92	0,92	Более 0	Без изменений
Обеспеченности запасов собственными и приравненными к ним источниками формирования	0,52	0,59	Более 0	Улучшение
Показатели рентабельности				
Рентабельности продаж	0,017	0,022	Более 0	Улучшение
Рентабельности всего капитала предприятия	0,035	0,040	Более 0	Улучшение
Рентабельности внеоборотных активов	0,348	0,358	Более 0	Улучшение
Рентабельности собственного капитала	0,249	0,249	Более 0	Без изменений
Рентабельности перманентного капитала	0,152	0,154	Более 0	Улучшение
Показатели деловой активности				
Общей оборачиваемости капитала	2,008	1,842	Рост показателя	Ухудшение
Оборачиваемости мобильных средств	2,231	2,072	Рост показателя	Ухудшение
Оборачиваемости кредиторской задолженности	3,184	3,071	Рост показателя	Ухудшение
Фондоотдачи внеоборотных активов	20,059	16,562	Рост показателя	Ухудшение
Оборачиваемости собственного капитала	14,328	11,541	Рост показателя	Ухудшение

Примечание: сост. по [2, с. 115–119]

Из таблицы 3 видно, что коэффициент абсолютной ликвидности увеличился за год, но по сравнению с общепринятым нормативным 0,2 он существенно ниже. Однако, исходя из порогового значения по отрасли, эта тенденция свойственна практически всем малым торговым организациям, для которых характерно вложение свободных денежных средств в оборот для получения выручки, поэтому именно для торговых организаций использование в анализе коэффициента абсолютной ликвидности, на наш взгляд, не обосновано. Коэффициент быстрой ликвидности вырос, то есть платежные возможности торговых организаций несколько

улучшились. По сравнению с нормативом 1 он ниже, что также характерно для торговых организаций, имеющих большое количество запасов. Коэффициент покрытия увеличился и находится в пределах среднеотраслевого значения, но не дотягивает до норматива 2, так как для организаций торговли характерно низкое значение основных фондов и собственного капитала. Судя по коэффициентам ликвидности, у малых торговых организаций наблюдается низкая ликвидность, имеющая тенденцию к улучшению по сравнению с общепринятыми нормативами. В то же время малые торговые организации можно считать ликвидными, если сравнивать со среднеотраслевыми значениями коэффициентов. Коэффициент автономии не соответствует норме 0,5. Незначительное увеличение демонстрирует тенденцию к повышению финансовой самостоятельности. Торговые организации широко используют кредиты, поэтому у них в балансе, как правило, высока доля краткосрочной кредиторской задолженности. Собственные средства при этом могут иметь незначительную величину. При наличии прочных торговых связей организация будет финансово устойчивой. Коэффициент соотношения заемных и собственных средств снизился, то есть достаточность собственных средств для покрытия обязательств повышается. Организации ведут правильную политику по использованию заемного капитала. Существенное превышение норматива (1) допускается в том случае, если скорость обращения дебиторской задолженности выше скорости оборота материальных оборотных средств, что характерно для торговли. Но признать полностью финансовую независимость данных организаций невозможно. Коэффициент маневренности находится в соответствии с пороговым значением, часть собственных средств организаций находится в мобильной форме, позволяющей относительно свободно маневрировать этими средствами. Для коэффициентов рентабельности и деловой активности достаточно или положительных значений, или роста. Коэффициенты рентабельности растут, что свидетельствует о росте спроса на продукцию организаций и эффективности использования финансовых ресурсов. Снижение коэффициентов оборачиваемости свидетельствует об ухудшении деловой активности организаций.

Анализ финансового состояния субъектов малого бизнеса на примере торговых организаций позволил сделать выводы о том, что:

- если сравнивать выбранные для анализа коэффициенты финансовой устойчивости с нормативами, то малые торговые организации находятся в неустойчивом финансовом положении, но если - с пороговыми значениями (средними по отрасли, рассчитанными с учетом отраслевых особенностей), то можно отметить устойчивое финансовое состояние малых торговых организаций;
- отраслевая специфика существенно влияет на выбор коэффициентов для анализа.

Поэтому, подводя итог поэтапного отбора инструментария для анализа финансового состояния субъектов малого бизнеса на примере малых торговых организаций, отметим, что наиболее приемлемым является коэффициентный анализ, включающий коэффициенты быстрой, текущей ликвидности; автономии, соотношения собственных и заемных средств, маневренности, обеспеченности запасов источниками; рентабельности продаж, всего собственного перманентного капитала, внеоборотных активов; оборачиваемости общей, собственного капитала,

внеоборотных активов, мобильных средств, кредиторской задолженности. Использование данной методики позволит малым организациям проводить качественный анализ финансового состояния.

1. Бочаров В.В. Финансовый анализ. Краткий курс. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
2. Бурова О.Н. Совершенствование оценки финансового состояния малых организаций в Российской Федерации. М.: Государственный университет управления. 2015. 170 с.
3. Даниловских А.А., Конвисарова Е.В. Финансовые аспекты обеспечения информационной безопасности предприятия // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 4–3. С. 398–399.
4. Ефимова О.В. Финансовый анализ – современный инструментарий для принятия экономических решений: учебник. 5-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2014. 348 с.
5. Жилкина А.Н. Финансовый анализ: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 285 с.
6. Ивасюк Р.Я. Развитие информационно-методического обеспечения анализа финансового состояния субъектов малого предпринимательства. 2010. 24 с.
7. Ковалев В.В. Корпоративные финансы и учет: понятия, алгоритмы, показатели: учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2015. 992 с.
8. Козленко М.П. Совершенствование методических подходов к анализу финансового состояния субъектов малого предпринимательства. Диссертация. 2006. 235 с.
9. Конвисарова Е.В., Непрокин А.В., Конвисаров А.Г. Пути улучшения финансового состояния малого строительного предприятия // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2016. № 2 (25). С. 22–27.
10. Латкин А.П., Иванова И.В. Методы оценки конкурентоспособности // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2012. № 5. С. 192–196.
11. Савицкая Г.В. Экономический анализ: учебник. 14-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 649 с.
12. Шеремет А.Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. М.: ИНФРА-М, 2013. 208 с.
13. Konvisarova E., Samsonova I., Vorozhbit O. The nature and problems of tax administration in the Russian Federation // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6, № 5. S3. P. 78–83.

© Е.В. Конвисарова, 2017

© А.А. Семенова, 2017

Для цитирования: Конвисарова Е.В., Семенова А.А. Особенности методического инструментария анализа финансового состояния субъектов малого бизнеса // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 86–94.

For citation: Konvisarova E.V., Semenova A.A. Features methodological tools of analysis of the financial condition of small businesses // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 86–94.

Дата поступления: 03.03.2017.

УДК 340.115

Е.А. Апольский

Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Ростов-на-Дону, Россия

Метатеория диссертационных государственно-правовых учений: актуализация проблемы

Статья посвящена определению проблем и перспектив общетеоретической научной разработки диссертационных государственно-правовых учений XIX – начала XX в. и формирования метатеории указанных учений. В качестве объекта исследования выбраны диссертации по государственному праву, защищенные на юридических факультетах императорских российских университетов до 1917 г. Методологической основой служит метатеоретический подход, рассматривающий теорию диссертационных государственно-правовых учений в качестве предметной теории. В статье характеризуется существующая сегодня проблема недооценки значимости диссертационных государственно-правовых учений для развития юридической науки в целом и истории политических и правовых учений в частности.

Обосновывается необходимость анализа тематики и содержания магистерских и докторских работ дореволюционных ученых, который позволит определить приоритетные и слабо разработанные области дореволюционной юридической науки, раскрыть закономерности становления и развития государственно-правовых учений, представленных в юридических диссертационных исследованиях Российской империи, выявить результаты исследований, сформулированные в виде форм научного знания, осуществить их классификацию. Приводятся доводы в пользу необходимости дальнейшей метатеоретической разработки государственно-правовых учений, представленных в магистерских и докторских диссертациях по юридическим наукам университетов Российской империи.

Отдельно обозначается проблема отсутствия объективных критериев оценки результатов современных диссертационных исследований в Российской Федерации, решением которой может служить создание электронной базы форм научного знания, полученных в диссертациях дореволюционного, советского и постсоветского периода. Подобная база позволит успешно проводить сравнение имеющихся и вновь полученных результатов диссертационных исследований, объективно оценивая их новизну и оригинальность.

Ключевые слова и словосочетания: диссертация, метатеоретический подход, Российская империя, университет, форма научного знания, критерий определения новизны.

E.A. Apolsky

Rostov Institute (branch) of the All-Russian State Justice University
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Rostov-on-Don, Russia

Metatheory of the state and legal theses doctrines: the actualization of the problem

Article is devoted to definition of problems and the prospects of general-theoretical scientific development of dissertation state and legal theses of the XIX – the beginnings of the 20th centuries and formation of a metatheory of the specified doctrines. As an object of a research the dissertations on state law defended at law departments of imperial Russian universities until 1917 are chosen. The metatheoretical approach is a base for considering the theory of state and legal theses doctrines. The article describes the problem of underestimation of the importance of state and legal theses doctrines existing today for development of jurisprudence in general and history of political and legal doctrines, in particular. The necessity of the analysis of subject and content of master's and doctor's theses of the pre-revolutionary scientists which will allow to define the priority and poorly developed fields of pre-revolutionary jurisprudence, to disclose regularities of formation and development of the state and legal doctrines submitted in legal dissertation researches of the Russian Empire, to reveal the results of researches formulated in the form of forms of scientific knowledge, to carry out their classification is proved. Arguments in favor of the necessity of further metatheoretical development of the state and legal doctrines presented in master and doctoral dissertations on jurisprudence of universities of the Russian Empire are given.

The problem of the lack of objective criteria for evaluating the results of modern dissertational research in the Russian Federation, whose solution can be the creation of an electronic database of forms of scientific knowledge, obtained in dissertations of the pre-revolutionary, soviet and post-soviet period, is separately indicated. Such a base will make it possible to successfully compare the available and newly obtained results of dissertational research, objectively assessing their novelty and originality.

Keywords: thesis, metatheoretical approach, the Russian empire, the university, the form of scientific knowledge, the criterion for determining the novelty.

История учений о праве и государстве привлекает к себе внимание ученых независимо от политической конъюнктуры и времени, поскольку именно концепции, теории, гипотезы, содержащиеся в них, интересны как с точки зрения перспектив их применения в правотворческой деятельности того или иного государства, так и с позиции отрицания самой возможности следовать предложенным принципам либо идеям.

В силу этого в юридической науке накопился достаточно большой объем исследований относительно разнообразных государственно-правовых явлений, требующих систематизации. И хотя это весьма трудоемкий процесс, а критерии зачастую субъективны, работу в данном направлении следует осуществлять.

С целью дальнейшей систематизации учений о праве и государстве нами выбран дореволюционный период развития отечественной юридической мысли. При этом среди научных исследований в дооктябрьский период развития отечественного права особое место и значение имеют магистерские и докторские диссертации по государственному праву, защищенные в ведущих университетах Российской империи выдающимися учеными-юристами. Как продукт высшей научной деятельности они являют собой бесценный материал для истории учений о праве вообще и для науки конституционного права в частности. Изучение содержания и результатов дореволюционных диссертаций по государственному праву даст нам знание об основных и приоритетных направлениях исследований в указанной области юридической науки, откроет отрасли и институты государственно-правовой науки, слабо изученные или не затронутые вовсе. Наконец, большое значение имеют непосредственные результаты диссертационных исследований, выраженные в форме научного теоретического знания, анализ которых может помочь в выработке концепции современного конституционного права.

Работа с дореволюционными отечественными магистерскими и докторскими диссертациями по юридическим наукам в целом и по государственному праву в частности привела автора к выводу о слабой разработанности учений о праве и государстве, содержащихся в указанных трудах. Благодаря разработкам Г.Г. Кричевского сегодня имеется довольно обширная информация о количествах защищенных магистерских и докторских диссертаций по юридическим наукам в Московском, Санкт-Петербургском, Харьковском, Казанском, Киевском им. Св. Владимира, Томском, Варшавском, Дерптском университетах [4; 5]. Проводимые в рамках научной школы «История учёных степеней в России» под руководством профессора А.Н. Якушева исследования также заложили прочную основу для дальнейшего анализа научного материала, оставленного выдающимися российскими юристами-государствоведами [6].

Собственно говоря, неординарные, самобытные, глубоко проработанные научные концепции и теории, представленные в магистерских и докторских дореволюционных отечественных диссертациях, и подвигли нас к анализу полученных в них результатов, классификации последних, выявлению приоритетных направлений исследований, а также неразработанных областей юридической науки. Так, например, уже изучены направления цивилистических исследований в диссертациях по гражданскому праву и гражданскому процессу, проводимых на протяжении XIX – начала XX в., создан классификатор науки гражданского права, систематизированы формы научного знания, полученные авторами в своих работах (гипотезы, научные идеи, концепции, понятия, классификации и др.) [2; 3].

В свою очередь, работа с дореволюционными отечественными диссертациями показала, что, во-первых, в результате эмпирического и теоретического анализа представленных в них правовых учений можно и нужно выявлять закономерности их возникновения и развития, а также применять полученные знания в качестве

методологической основы для проведения дальнейших исследований в области истории права и правовой мысли. Во-вторых, теоретические знания о закономерностях развития правовых учений помогут повысить эффективность действующей сегодня в Российской Федерации системы аттестации научных кадров. В сжатом виде практические результаты проведенной нами работы в указанной области могут быть выражены в следующем.

Сегодня российское законодательство в области присуждения ученых степеней не содержит четких критериев определения новизны результата научного исследования. Так, Положение о присуждении ученых степеней, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в ред. от 24.09.2013), закрепляя критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, устанавливает в п. 10 правило о том, что диссертация должна содержать новые научные результаты и положения; предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями [1].

Других критериев нет, и по сути в России не регламентируется, что именно считать научным достижением, научно обоснованными решениями и разработками, как определять, какие результаты новые, а какие нет. При этом, если мы говорим о необходимости определить новизну научного результата, полученного в диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора наук (например, юридических), то предложенный автором научный результат следует сравнить с предыдущим результатом, полученным ранее по данной специальности, институту, узкой области знаний. Указанная процедура осуществляется сегодня, как правило, официальными оппонентами и отражается в письменном отзыве на диссертацию. Представляется также, что под научным результатом следует понимать формы научного знания (теоретического либо эмпирического), представленные в положениях к диссертации (гипотезы, научные идеи, закономерности, концепции, понятия, теории и др.).

Но если представить себе, какое количество диссертаций защищается ежегодно по любой отраслевой юридической науке, то оппоненту либо иному лицу, оценивающему новизну полученных автором результатов, нужно изучить и осмыслить огромный объем научной информации дореволюционного, советского и постсоветского периода, что практически невозможно, даже учитывая имеющиеся сегодня технические возможности. Следствием этого является зачастую субъективная оценка оппонентом предложенного в диссертации результата, объявление его новым и актуальным либо же не обладающим такими признаками.

По нашему мнению, чтобы исключить подобную (субъективную) оценку при определении новизны результата, нужен некий определенный банк данных научных результатов, полученных ранее (идеально – за весь предшествующий период). Он позволит сравнивать получаемые сегодня результаты с предыдущими и определять их новизну, оригинальность и актуальность.

Остается, таким образом, один важный вопрос: где и как сформировать указанный выше банк данных научных результатов? Базой для подобной систематизации могут служить защищенные диссертации по отдельно взятой отраслевой юридической науке, которые нужно выявить, а также классифицировать представленные в них формы научного знания.

Именно таким образом можно использовать потенциал правовых учений, представленных в диссертациях российских ученых, на благо современной юридической науки: снабдить аспирантов и докторантов обширным каталогом научных достижений прошлого. В таком случае существенно упростится процедура оценки новизны и актуальности современных результатов.

Указанная задача крайне сложна, решение ее затрудняется отсутствием единых критериев в процессе выявления и систематизации форм научного знания, а также огромным количеством защищенных диссертаций, особенно в последние двадцать лет в Российской Федерации. Вместе с тем, с учетом того, что в Российской империи было защищено всего около полутысячи диссертаций по праву, представляется целесообразно начинать систематизацию именно с этих работ.

Важно также подобрать правильный инструментарий для оценки учений, содержащихся в диссертационных исследованиях. На наш взгляд, одним из ключевых методов здесь должен быть метатеоретический подход, обусловленный расширением рефлексии научно-теоретического знания в юриспруденции и появлением т.н. правовой метатеории. Основоположник учения о правовой метатеории, проф. В.Н. Протасов подчеркивает, что «следствием прогрессирующей теоретизации науки является формирование в ней нового «этажа» – метатеоретического уровня исследований, на котором происходит самоотражение науки, ее самопознание» [7, с. 8]. Результатом применения метатеоретического уровня исследований в праве стала разработка и появление в российской юридической науке метатеоретического подхода как системы средств познания наукой самой себя. В итоге формируется некая научная надстройка – метатеория науки, предметом исследования которой является сама искомая (или содержательная, предметная) теория.

Предмет правовой метатеории, по мнению В.Н. Протасова, составляют «цели и задачи содержательной теории, ее функции, предмет, границы применимости, строение (состав и структура), методологические особенности, внешние связи (место в системе юридических наук и теорий, закономерности становления и развития)» [7, с. 8].

Итак, именно метатеоретический подход позволит теории диссертационных правовых учений достичь системного и достоверного знания, раскрывающего ключевые закономерности развития правовых учений дореволюционных российских юристов, представленных ими в своих магистерских и докторских диссертациях. Кроме того, систематизированные данные о формах научного знания, полученных авторами в своих диссертациях по юридическим наукам на протяжении XIX – начала XX в., в будущем должны лечь в основу электронной базы данных новых научных диссертационных результатов. Дальнейшая задача – разработка

диссертаций советского и постсоветского периода. Решение ее открывает путь к созданию нормативной базы, определяющей объективные критерии оценки новизны и актуальности диссертационных исследований, в чем отчаянно нуждается сегодня современная юридическая наука.

1. О порядке присуждения ученых степеней (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»): Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 02.08.2016) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru
2. Апольский Е.А. Гражданский процесс и римское право в диссертациях дореволюционной России. Ставрополь, 2008.
3. Апольский Е.А. История учений о гражданском праве в диссертационных исследованиях университетов Российской империи. Ставрополь, 2007.
4. Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Библиографический указатель / сост., предисл. и науч. ред. А.Н. Якушева. Ставрополь: Сан-Сан, 1998. 201 с.
5. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. №2. С. 141–153.
6. Присуждение учёных степеней в Российской империи: полное собрание правовых актов (1724–1917) / сост. А.Н. Якушев. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во «Ставропольсервисшкола», 2006.
7. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
8. Якушев А.Н. Развитие государственной системы аттестации научных кадров в Российской империи: монография. Сочи: Черноморская гуманитарная академия, 2009.

© Е.А. Апольский, 2017

Для цитирования: Апольский Е.А. Метатеория диссертационных государственно-правовых учений: актуализация проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 95–100.

For citation: Apolsky E.A. Metatheory of the state and legal theses doctrines: the actualization of the problem // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 95–100.

Дата поступления: 06.03.2017.

Г.М. Шаповалова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: цифровая культура как новый культурный феномен в предотвращении информационных вызовов и угроз

Рассматривается проблема национальной безопасности как одна из стратегических целей и задач государства. В декабре 2015 г. под № 683 в целях эффективного комплексного решения проблем Президентом утверждается Стратегия национальной безопасности, в которой подчеркивается, что наиболее опасным вызовам и угрозам в современном мире подвергается сфера культуры. Культура во всем многообразии ее форм способна оказывать кардинальное положительное или отрицательное влияние как на общество, так и на отдельно взятую личность. Опасность для общества скрывается в попытках разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также воздействию на сознание людей и манипулировании им через информационную среду глобальной сети Интернет, социальные сети, мобильную связь, что, в свою очередь, может создавать прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам государства.

Для решения данной проблемы предлагается рассмотреть возможность использования современных информационных технологий, которые способны благодаря новой форме «цифровой культуры», «цифрового культурного наследия» противостоять информационным вызовам и угрозам, оказывать содействие в подавлении гуманитарного кризиса через повышение интеллектуального и культурного уровня общества. Подтверждение этому существование цифровой культуры как части информационной сферы Интернет, уверенно развивающейся как компонент традиционной культурной среды, активизирующий инновационные процессы в телекоммуникации и оказывающий огромное влияние на образование, науку, экономику и общечеловеческое развитие.

Автор приходит к выводу, что обязанность государства при активном участии общества перехватить инициативу по возрождению исконно национальных идеалов, духовности, гуманизма, уважения семейных ценностей, патриотизма, межнационального мира через культуру в любых ее формах. Общество обязано в этом принимать самое активное участие.

Ключевые слова и словосочетания: национальная безопасность, стратегия, вызовы, угрозы, культура, цифровая культура, законодательство, международное право, общество, глобальное информационное общество, Хартия.

G.M. Shapovalova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

The national security strategy of the Russian Federation: digital culture as a new cultural phenomenon in the prevention of information threats and challenges

The author discusses the problem of national security as one of the strategic goals and objectives of the state. In December 2015 under No. 683 the President approves the national security Strategy for efficient and comprehensive solutions to the problems, emphasizing that the most dangerous challenges and threats in the modern world is in the sphere of culture. Culture today in all its diversity regardless of the shape capable of exerting cardinal influence both positive and negative on society and on individual identity. Danger lurks in the attempt of destruction of traditional Russian spiritual and moral values, and the effect on people's minds and manipulate them through the information environment of the global Internet, social networking, mobile communications, which, in turn, can create direct or indirect possibility of damage to the national interests of the state.

To solve this problem, the author proposes to consider the use of modern information technologies in the sphere of culture has long taken its place of honor and is able, thanks to a new form of "digital culture," "digital cultural heritage" to meet information challenges and threats to assist in the suppression of the humanitarian crisis through higher intellectual and cultural level of society. Proof of this is the existence of digital culture as part of the information sector in the global Internet, which is increasingly growing, and along with the traditional cultural environment (as a component) activates innovation processes in telecommunication and has huge importance to education, science, the economy and human development. The author comes to the conclusion that the duty of the state to seize the initiative in the revival of native national ideals, spirituality, humanism, respect for family values, patriotism, international peace through culture in all its forms. Society must actively participate.

Keywords: national security, strategy, challenge, threat, culture, digital culture, laws, international rights, societies, and the global information society, Charter.

«Культура и Мир являются священным оплотом человечества. В дни больших потрясений, и материальных, и духовных, именно к этим светлым прибежищам устремляется дух смущенный».

Н.К. Перих

Сегодня в сознании каждого гражданина России должно быть четкое понимание того, что возрождение духовно-нравственных ценностей: сострадание, милосердие, духовность, гуманизм, патриотизм нашего народа – является исторической необходимостью в концепции информационного общества [10; 14; 15] и законодательства в сфере культуры [9; 11]. Достойное и осознанное отношение к исторической памяти, национальной идентичности прошлого возможно в образе культуры и единства культур многонационального народа Российской Федерации.

Вызовы глобального информационного общества миру – это внедрение во все сферы жизни общества IT-технологий, способных оказывать влияние не только на развитие науки, мировой экономики, геополитики, культуры, но и на отдельно взятую личность и ее социальную трансформацию [1, с. 27–36].

Учитывая, что развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, отличаясь при этом высоким динамизмом и взаимозависимостью событий, проявляются новые вызовы и угрозы, препятствующие развитию гармонически развитой (соборной) личности, общества и государства [13].

Противостоянием этому, в первую очередь, может быть государство, выступая в качестве основного регулятора и гаранта эффективной социально-культурной политики и ее правового обеспечения. Но для этого необходим переход к новой государственной политике в области национальной безопасности путем реформирования концепции модели старого мира и эффективной и своевременной мобилизации всех обеспечительных сил.

Основополагающие принципы закреплены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где представлена система стратегических направлений, приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу [7].

Остановимся на вопросах национальной безопасности в области культуры. В документе, в части сферы культуры, в качестве главных угроз национальной безопасности отмечаются: деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций; засилье информационной продукции массовой культуры низкого качества, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посягательства на объекты культуры. Если эту информационную экспансию не остановить, то в результате процесс влияния на сознание людей будет способствовать пересмотру взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, пропаганду образа жизни, в основе которого – вседозволенность и насилие, расовая, национальная и религиозная нетерпимость, агрессия и терроризм.

Например, сегодня мы являемся свидетелями наметившейся тенденции пересмотра итогов Второй мировой войны и роли Советского Союза в достижении трудной победы над фашистской Германией в контексте современной геополитики. На Западе в странах членов блока НАТО фальсификаторами истории выдвигаются псевдоисторические концепции, мифы, разнообразные домыслы с целью преуменьшить роль и значение Великой Отечественной войны, принизить подвиг великого советского народа в разгроме фашистских войск, запятнать освободительную миссию Советской Армии в странах Европы, осквернить нашу Память.

Россия в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества способна отразить информационные вызовы и угрозы США и других стран, которые стремятся представить свою современную политическую конъюнктуру в изучении истории Второй мировой войны.

На государственном уровне противодействия угрозам в сфере культуры можно рассматривать через систему показателей оценки эффективности, в которой будут отражаться: увеличение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной, зарубежной культуры и искусства как в классическом, так и цифровом форматах, благодаря последней научно-технической революции, которая полностью изменила наш образ жизни, работу, коммуникации и сферу культуры, обогатив ее эффективными технологиями по созданию и сохранению культурного наследия; создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации всех возрастных категорий путем построения информационного общества и внедрения информационных и телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет во все сферы жизни граждан; содействие развитию культурного потенциала на всей территории страны с правом предоставления учреждениями культуры имеющихся информационных ресурсов общедоступных электронных библиотек, виртуальных музеев, оцифрованных архивов федерального и регионального значения в сети Интернет. Безусловно, поставленные цели и задачи невозможно решить без участия государства по обеспечению сохранения культурного и духовного наследия в любых формах его выражения, особенно сегодня, когда идут процессы оцифровки, виртуализации, внедрения технологий 3D или 360° в контексте культурного генезиса цифровой культуры.

Для укрепления национальной безопасности в сфере культуры важно использовать накопленный многонациональным народом Российской Федерации огромный культурный потенциал, культурное наследие, многовековые культурные традиции; признание доминирующей роли культуры для возрождения России и повышать ее международный имидж в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся классической, инновационной, основанной на базе цифровых технологий, культурой в интересах многостороннего международного сотрудничества.

При этом в контексте укрепления национальной безопасности необходимо уделить особое внимание самой незащищенной категории граждан: это дети и молодежь, которую необходимо защитить от вредного информационного воздействия на сознание, мышление, чувства, волю.

В рамках этой проблемы на государственном уровне была подготовлена и утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации за №996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [8]. В данном правительственном документе уделяется особое внимание воспитанию и развитию детей как разносторонней, высоконравственной личности, осознающей и разделяющей российские национальные традиционные духовно-нравственные ценности, личности, обладающей актуальными умениями и навыками, опирающейся на фундаментальные знания, способной реализовать свой накопленный интеллектуальный и духовный потенциал в условиях современного информационного общества, современного миропорядка, готовой противостоять вызовам и угрозам, а также способной к мирному созиданию и защите Отечества [8].

Результаты не заставят себя ждать, если правильно будут расставлены приоритеты и по праву один из ведущих приоритетов будет отдан созданию информационной инфраструктуры духовного и патриотического воспитания, полезной ин-

формации и необходимых знаний в информационной сфере в качестве территории молодого поколения граждан России; а также развитию и гуманизации благодаря цифровым СМИ, учреждениям культуры в сети Интернет. Последние три десятилетия на территории виртуальной реальности, а Интернет можно считать такой территорией, большая часть сайтов, наполненных информационным контентом, имеет в основе своей концепции в сфере науки, образования, культуры.

В эпоху информационного общества и процессов глобализации мира библиотеки, архивы, музеи, интернет-медиакомпании [6, с. 311–312] предоставляют ресурсы в электронных форматах [17; 18; 19; 2]; накоплены гигантские объемы оцифрованных и цифровых объектов культурного значения, в связи с чем формируется «цифровой» компонент деятельности учреждений культуры благодаря информатизации и виртуализации [3]. Параллельно этим социально-культурным процессам формируется сфера цифрового культурного наследия. Наряду с традиционной культурной средой (как её компонент) активизируются ресурсы цифровой культуры, которые оказывают огромное влияние на образование и его качественные показатели [20], науку и наукометрические показатели [4], экономику и критерии эффективности и, несомненно, на формирование личности будущего.

В качестве примера отрицательного влияния на личность можно привести деятельность ИГИЛ, запрещенного в России самопровозглашенного государства, ярко демонстрирующего поведение людей, в котором наблюдается отсутствие нравственных норм и общечеловеческих ценностей: добро, справедливость, любовь, красота, бережное отношение к великому мировому культурному наследию. Напротив, пропагандируются фанатизм, нетерпимость и безумие в слепой убежденности, безоговорочном следовании за лидерами отрядов боевиков.

На уровне международного права Совет Безопасности ООН 22 мая 2009 г. принял заявление с осуждением варварских действий боевиков-террористов государства ИГИЛ в Сирии, включая захват города Пальмиры и его уникальных, невосполнимых объектов архитектуры – античные памятники Пальмиры, которые признаны Организацией объединенных наций и ЮНЕСКО и занимают почетное место в списке Всемирного наследия. ЮНЕСКО создавалась на результатах тяжелых испытаний Второй мировой войны и принимает активное участие в вопросах укрепления мира и его безопасности за счёт расширения сотрудничества в сфере образования и культуры, которые, в свою очередь, способствуют достижению «интеллектуальной и нравственной солидарности человечества» и, тем самым, являются препятствием для новой мировой войны, меняя соотношение сил в пользу мира [22].

Главной отправной точкой для признания культурного наследия в цифровой форме являются международные акты ЮНЕСКО. Хартия (2003) о «сохранении и охране мирового цифрового наследия человечества – книг, произведений искусства и памятников исторического и научного значения» закрепляет на законодательном уровне новую форму объектов наследия — «цифровое наследие» [16, с. 40–43].

Современная культура и ее наследие сегодня формируются в цифровом формате как цифровая культура, цифровое культурное наследие, а научно-технические достижения и связанные с ними информационные технологии, информационные

системы и информационно-телекоммуникационные сети, в том числе и сеть Интернет, оказывают огромное влияние на общество и повышение его культурного уровня. Для российских учреждений культуры ресурсы цифровой культуры, цифрового культурного наследия, несомненно, позволяют решить ряд очень важных для государства проблем. В частности, важное значение приобретает вопрос о месте Российской Федерации в процессах интеграции в мировое информационное пространство национальной культуры и обеспечение всеобщего доступа к российскому цифровому наследию [5]. Следовательно, концепция развития, направленная на сохранение и повышение доступности цифровых объектов культуры, культурного наследия [12], должна объединять законодательные, организационные и программно-технические мероприятия на национальном и международном уровнях. Результат реализации вышеперечисленных мер – это качественный показатель, определяющий состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу, а также основа безопасности Стратегии Российской Федерации.

1. Жеребин В.М., Махрова О.Н. Информатизация общества и развитие новых форм социальных отношений // Народонаселение. 2015. № 1 (67). С. 27–36.
2. Каранец С.М. Фонды библиотек в цифровую эпоху: традиционные и электронные ресурсы, комплектование, использование. Обзор материалов V Всероссийской научно-практической конференции // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 2 (54). С. 247.
3. Карклиньш Я. Позитивные последствия использования ИКТ становятся все более очевидными // Информационное общество. 2011. № 1. С. 4–10.
4. Кузьмин Е.И., Куйбышев Л.А. Оцифровка культурного и научного наследия России. Состояние дел, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosbook.ru/node/21458>.
5. Министерство культуры поддерживает идею сделать доступным и использовать цифровое наследие. 11 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kul.ee/ru/novosti/ministerstvo-kultury-podderzhivaet-ideyu-sdelat-dostupnym-i-ispolzovat-cifrovoe-nasledie>
6. Непомнящий К.Л., Городищева А.Н. Стандарты цифрового аудиовизуального архивирования культурного наследия // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т. 2, № 8. С. 311–312.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. №1 (часть II). Ст. 212.
8. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.05. 2015 №996-р // Собрание законодательства РФ. 08.06.2015. №23. Ст. 3357.
9. О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)»: постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2012 № 186 (ред. от 10.04.2015) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=127422;dst=110581>.

10. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.06.2015) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/
11. Основы государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // БД «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70828330>
12. Отчет по научно-исследовательской работе «Анализ существующего уровня доступности культурного наследия, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий, основные направления повышения информационной безопасности». Кн. 2. М., 2012. – 143 с.
13. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 39 с.
14. Ронки А. Сотрудничество в сфере обмена цифровыми коллекциями и культурным контентом // Информационное общество. 2010. № 3. С. 50–64.
15. Химченко А.И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.
16. Хартия о сохранении цифрового наследия // Библиотекосведение. 2004. № 6. С. 40–43.
17. Calhoun K. Exploring Digital Libraries: Foundations, Practice, Prospects. London: Facet, 2014. 224 p.
18. McKenna G., De Loof C. Оцифровка: ландшафт стандартов для европейских музеев, архивов, библиотек // Публикация Рабочей группы «Исследование стандартов и подготовка рекомендаций» проекта ATHENA. Электронное издание. ATHENA EC Project, ЦентрПИК, 2010. 52 с.
19. Technical Guidelines for Digital Cultural Content Creation Programmes. URL: <http://www.minervaeurope.org/interoperability/technicalguidelines.htm> (дата обращения: 22.01.2016).
20. Ukachi Ngozi Blessing. Information literacy of students as a correlate of their use of electronic resources in university libraries in Nigeria // Electronic library. 2015. Vol. 33, Iss. 3. P. 486–501.
21. История ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/history>.

© Г.М. Шаповалова, 2017

Для цитирования: Шаповалова Г.М. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: цифровая культура как новый культурный феномен в предотвращении информационных вызовов и угроз // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 101–107.

For citation: Shapovalova G.M. The national security strategy of the Russian Federation: digital culture as a new cultural phenomenon in the prevention of information threats and challenges // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 101–107.

Дата поступления: 20.02.2017.

С.А. Лаптев¹
Д.В. Тюкина²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Уголовная ответственность за невыплату заработной платы

Предметом данной статьи являются имеющие место незаконные задержки своевременной и в полном размере выдачи заработной платы работникам, что образует состав преступления. Привлечение виновных к дисциплинарной, административной и материальной ответственности также имеет место в данной области, но выходит за рамки этой работы. Актуальность выбранной темы обуславливается самыми высокими показателями преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ в структуре составов, посягающих на трудовые права граждан. Усиление уголовной ответственности законодателем коррелирует с приведенной статистикой по стремительному увеличению количества данных преступлений, но одних репрессивных мер недостаточно. Судебная практика по данному составу преступления противоречива и требует поиска путей ее унификации.

Благодаря диалектическому методу, сравнительному методу оценки взаимосвязей, анализу и синтезу объективной действительности делается обоснованный вывод, в котором предлагается выработать единые критерии привлечения к уголовной ответственности виновных лиц.

Значимость работы заключается в анализе теоретических данных и судебной практики, что поможет студентам глубже усвоить влияние тех или иных признаков на квалификацию не только преступления, предусмотренного ст.145.1 УК РФ, но и преступлений в целом, обращая внимание на различные обстоятельства объективного и субъективного характера, добиваться всесторонности и полноты их исследования в будущей правоприменительной деятельности. Для обычных граждан данная информация будет полезна в целях защиты своих трудовых прав на своевременную и полную выплату заработной платы.

Учитывая значимость заработной платы в жизни каждого работающего, на основе анализа рассмотренных дел данной категории в Российской Федерации за последние годы и в целях единообразного применения составов, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, предлагается унифицировать правоприменительную практику путем принятия специального постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: невыплата заработной платы, корыстная заинтересованность, иная личная заинтересованность, руководитель организации, уголовная ответственность, административная ответственность, состав преступления.

¹ Лаптев Сергей Артемьевич – канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры публичного права Института права ВГУЭС; e-mail: s.laptev1954@mail.ru.

² Тюкина Дарья Владимировна – студент 4 курса Института права; e-mail: tyukina_1994@mail.ru.

S.A. Laptev
D.V. Tyukina

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Criminal liability for non-payment of wages

The subject of this article are committed illegal delays in the timely and full payment of salary to employees who form the elements of the offence. Perpetrators brought to disciplinary, administrative and liability also takes place in this area, but is beyond the scope of this work. The relevance of the chosen theme is determined by the highest of the crimes set out in article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the structure of formulations, which impinge on the labour rights of citizens. Strengthening criminal liability legislator correlates with the given statistics on the rapid increase in the number of such crimes, but some of the repressive measures are not enough. Jurisprudence on this offence is controversial and requires finding ways for its unification.

Using the dialectic method, comparative method assessment of interlinkages, analysis and synthesis of objective reality, it is a valid conclusion, which proposes to unify the criteria of criminal responsibility of the perpetrators.

The significance of the work consists in the analysis of the theoretical data and jurisprudence that will help students gain a deeper grasp not only the influence of those or other signs on the qualification of crimes under article 145.1. The Criminal Code of the Russian Federation, but also the qualification of crimes as a whole, paying attention to the different circumstances of objective and subjective nature, strive for comprehensiveness and completeness of their research in the future enforcement. And for ordinary citizens, this information will be useful in self-defence labour rights on the timely and full payment of wages.

Given the importance of the wage in the life of every working, on the basis of the analysis of this category of cases in the Russian Federation in recent years and with a view to uniform application of formulations under art. 145.1 of the criminal code, it is proposed to unify law enforcement practices through the adoption of a special resolution of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: non-payment of wages, selfish interest, other personal interest, the head of the organization, criminal liability, corpus delict.

Действующим Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрен ряд норм, устанавливающих ответственность за нарушение российского трудового законодательства. Несоблюдение норм трудового законодательства и других актов, которые содержат нормы трудового права, влечёт за собой привлечение к уголовной ответственности согласно следующим статьям УК РФ:
ст. 136. Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина;
ст. 143. Нарушение требований охраны труда;
ст. 145. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет;

ст. 145.1. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат [1].

Предметом нашего исследования являются статья 145.1 УК РФ, проблемы и практика ее применения.

В отличие от норм, которые нацелены на уголовно-правовое преследование за нарушение таких трудовых прав, как соблюдение техники безопасности, запрет на необоснованное увольнение беременных женщин или женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, нормы, подобные ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ («Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат»), не получили всеобщего признания в мире. Видимо, это взаимосвязано в первую очередь со стабильной экономической ситуацией в развитых государствах, где не существует необходимости в закреплении прав на своевременную выплату заработной платы статьями Уголовного кодекса. Другими словами, применение самых крайних уголовно-правовых рычагов в решении данного вопроса не порождено напряженной социальной потребностью и успешно разрешается с помощью прочих экономико-правовых инструментов [2, с. 43]. Другая ситуация наблюдается в государствах с развивающейся или неустойчивой рыночной экономикой, потому такие уголовно-правовые запреты присущи именно последним. Речь идет о криминализации деяния, предусмотренного ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ. Полагается, исследованная ситуация, сложившаяся за последнее десятилетие в Российской Федерации, не позволяет сомневаться в верности подобного решения, вероятно, похожим образом она обстоит и в ряде остальных государств, поэтому они избрали данный путь, испытывая социальную необходимость в уголовной охране этого трудового права. В случае, когда заработная плата является главным источником доходов, работающие люди не готовы терпеть нарушений со стороны работодателей в данном вопросе. Кроме того, своевременность выплаты заработной платы в полном размере представляет собой одно из приоритетных направлений федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства, которое реализуется трудовой инспекцией.

До сих пор не решенным остается вопрос о том, почему минимальный размер оплаты труда не достиг уровня размера прожиточного минимума трудоспособного населения. Как при подобном состоянии дел соблюдается принцип трудового права, закрепленный в ст. 2 Трудового кодекса РФ и нацеленный на обеспечение каждого работающего гражданина государства справедливой заработной платой, которая обеспечивает достойное существование для него самого и его семьи?

При этом является спорным утверждение о том, что работающие граждане не могут пользоваться правом на индексацию заработной платы, поскольку из содержания статьи 134 Трудового кодекса РФ Конституционным Судом РФ рассматривалась эта проблема на предмет того, является это правом или обязанностью работодателей. 18 декабря 2015 г. Конституционный Суд Российской Федерации в очередной раз напомнил всем работодателям, что индексация заработной платы на размер инфляции является обязанностью и не зависит от формы собственности и вида управления. Поддерживаем данную точку зрения, т.к. существующая

в стране инфляция существенно снижает потребительские возможности работника. С учетом позиции Конституционного Суда РФ законодателю следует сделать императивной данную норму.

С помощью мер прокурорского реагирования лишь за 9 месяцев 2012 г. получилось погасить задолженность по заработной плате на сумму свыше 8,4 млрд руб. В интересах работающего населения прокурорами в суды было направлено более 360 тыс. заявлений, по их постановлениям к административной ответственности привлечены 16 тыс. человек, свыше 460 руководителей дисквалифицированы. По материалам прокурорских проверок возбуждалось 325 уголовных дел по ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и прочих выплат).

Наиболее сложной остается ситуация с выплатами заработной платы работающим на предприятиях, которые находятся на различных стадиях банкротства. По некоторым оценкам задолженность по заработной плате в данных предприятиях составляет 778 млн руб., или 34% от общей суммы.

На современном этапе наблюдается рост преступлений, которые квалифицируются по ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ: если в 1999 г. было зарегистрировано 12 таких преступлений, то в 2013 г. число направленных в суд уголовных дел данной категории составило 397. Приведенные цифры свидетельствуют не только об увеличении числа совершаемых преступлений, но и о снижении латентности в исследуемой сфере [3, с. 154].

В соответствии с определением, которое содержится в ст. 129 Трудового кодекса РФ, заработная плата является вознаграждением за труд. Каждый работник имеет право на своевременное получение заработной платы, урегулированное в статье 2 Трудового кодекса РФ [4]. Один из главных принципов регламентирования трудовых отношений представляет собой обеспечение прав всех работающих людей на своевременную выплату заработной платы в полном размере, которая должна обеспечивать достойное существование для них самих и их семьи, и не ниже определенного Федеральным законом №82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» от 19 июня 2000 г. в (ред. от 14.12.2015 г.) минимального размера оплаты труда.

Заработная плата является необходимой для существования каждого человека. Общественная опасность преступлений, связанных с невыплатой заработной платы, состоит в нарушениях конституционных прав на вознаграждение за труд. Нарушения своевременности выплаты заработной платы представляют собой преступления против интересов работников.

Руководство предприятия, оставляя работников без средств к существованию путем невыплаты заработной платы, совершает преступление против личности и против российского законодательства. Необходимо подчеркнуть, что частые случаи невыплаты заработной платы встречаются в коммерческих предприятиях. Это обстоятельство связано в основном со следующими причинами: разрешение текущих финансовых проблем за счет заработной платы сотрудников, извлечение прибыли от временного вложения денежных средств и т.д. [5]. Это необходимо учитывать сотрудникам контролирующих органов.

Невыплата представляет собой как задержку в выплатах заработной платы по причинам, не зависящим от работодателей, так и непосредственный умысел работодателей на оставление работников без вознаграждения за труд под разнообразными предложениями. Для руководства предприятий, которые нарушают нормы трудового законодательства по невыплатам заработной платы сотрудникам, предусматривается привлечение к административной, уголовной и материальной ответственности. По нашему мнению, проблема уголовной ответственности за невыплаты заработной платы является весьма актуальной, поскольку неполучение работником денежных средств, которые он честно заслужил, представляет собой вопиющее нарушение трудовых прав работающих.

Регламентирование уголовной ответственности за неуплату заработной платы возлагается на ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ. Субъектом преступления, которое предусмотрено ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ, может быть лишь строго назначенное лицо – руководитель предприятия, филиала, представительства, прочего обособленного структурного подразделения предприятия или работодатель – физическое лицо.

В качестве примера приведем следующее уголовное дело. Так, г-на К.М. приговором мирового судьи судебного участка №123 района Рязанский, в дальнейшем оставленным без изменений постановлением судьи Кузьминского районного суда г. Москвы, осудили по части 1 статьи 145.1 Уголовного кодекса РФ к штрафу в размере 80 000 руб. в доход государства. Суть данного уголовного дела заключается в том, что К.М., исполняя обязанности на основании трудового договора заместителя генерального директора предприятия, осуществлял руководство по предприятию в соответствии с доверенностью 99 ИП 7036016 и не осуществил выплат заработной платы сотрудникам предприятия.

Защитником К.М. была подана кассационная жалоба. Судебной коллегией кассационной инстанции было высказано несогласие с обвинительным приговором и прекращено уголовное дело в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с отсутствием состава преступления. В соответствии с уставом предприятия (пункт 7.7) в редакции, которая действовала в период предъявленных К.М. деяний, единоличным исполнительным органом данного предприятия является генеральный директор предприятия. При подобных условиях к уголовной ответственности за действия, которые указаны в фабуле инкриминируемого К.М. обвинения, можно привлекать к ответственности лишь лицо, которое является генеральным директором предприятия, либо лицо, исполняющее его обязанности. Сведений о том, что К.М. являлся генеральным директором предприятия либо исполнял его обязанности, в приговоре мирового судьи и в постановлении суда апелляционной инстанции не приводилось. Свидетельство в судебных актах о том, что К.М. исполнял руководство по предприятию в соответствии с уставом и доверенностью 99 ИП 7036016, не только не доказывалось какими-либо из указанных в приговоре подтверждениями, но по факту опровергалось уставом общества, в соответствии с которым, как подмечено выше, руководителем предприятия являлся лишь его генеральный директор, а также текстом

доверенности, в которой нет каких-либо сведений о назначении К.М. исполняющим обязанности генерального директора [6]. С этими выводами суда кассационной инстанции можно согласиться, поскольку согласно ст. 273 Трудового кодекса РФ руководителем предприятия признано физическое лицо, которое согласно Трудовому кодексу РФ, другим федеральным законам и нормативным правовым актам РФ, законам и иным нормативным правовым актам субъектов РФ, нормативным правовым актам органов местного самоуправления, учредительным документам юридического лица (предприятия) и локальным нормативным актам осуществляет руководство этим предприятием, в том числе исполняет функции ее единоличного исполнительного органа [4]. Потому при вышеизложенных обстоятельствах К.М. не может признаваться субъектом преступления.

Сложнее ситуация, когда руководитель предприятия не осуществляет погашения задолженности по заработной плате перед работающими за счет денежных средств, которые поступают в организацию, а обращает данные средства на удовлетворение хозяйственных нужд, в таком случае руководителя предприятия можно признать субъектом преступления и привлечь к уголовной ответственности.

Так, К.Г. признали виновным в том, что он, исполняя обязанности руководителя предприятия, из корыстной и другой личной заинтересованности осуществил невыплату заработной платы более двух месяцев, и присудили ему по части 1 ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ штраф в размере 12 тыс. руб. Суть данного уголовного дела заключается в том, что гражданин К.Г., исполняя обязанности руководителя предприятия и имея сведения о наличии задолженности перед работающими по выплатам заработной платы более двух месяцев, намеренно не осуществлял выплаты им заработной платы, хотя имел для того реальную возможность, эти обстоятельства уголовного дела не отрицались осужденным, утверждавшим, что он вынужден был не осуществлять выплаты заработной платы работающим на данном предприятии, а направлять денежные средства на удовлетворение хозяйственных нужд, чтобы у предприятия имелись возможности продолжить осуществление хозяйственной деятельности в целях извлечения прибыли в дальнейшем.

К.Г. не согласился с приговором, поскольку посчитал, что в его деяниях нет обязательного признака преступления — корыстной или иной личной заинтересованности, а также полагал, что судом необоснованно не приняты во внимание его показания о том, что невыплаты заработной платы работающим явились временным явлением, которое обусловлено экономическим кризисом, а также то, что он принимал действия в интересах предприятия и не использовал положенные ему по трудовому договору дополнительные льготы, сам также получал заработную плату с задержками и не в полном объеме.

Суд отказал в удовлетворении данной кассационной жалобы, объясняя это следующим: гражданин К.Г. в нарушение очередности, которая установлена пунктом 2 ст. 855 Гражданского кодекса РФ, минуя расчетные счета своего предприятия, осуществлял направление денежных средств из дебиторской задолженности на расчеты с кредиторами, а также осуществлял инициирование вексельных расчетов дебиторов с предприятием. Не отрицалось самим К.Г., что при невыплатах

заработной платы работающим сам он получал заработную плату и доходы от участия в ОАО, что подтверждено выписками о движении денежных средств по его личным счетам [7].

В случае если отношения были не трудовые, а прочие гражданско-правовые, руководитель предприятия не должен привлекаться к уголовной ответственности по ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ. По этой правовой позиции, по нашему мнению, интересно следующее уголовное дело.

Так, А.А. и Р.И. обратились в Измайловский районный суд г. Москвы с жалобой, в которой просили в порядке признать незаконным и необоснованным постановление следователя, в котором заявителям отказали в возбуждении уголовного дела применительно к гражданину О. по ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ. Постановлением судьи Измайловского районного суда г. Москвы жалоба А.А. и Р.И. осталась без удовлетворения, после чего заявителями была подана кассационная жалоба. Судом кассационной инстанции было отказано в удовлетворении жалобы, что объяснялось следующим: следователь вследствие проверки определил, что А.А. и Р.И. не состояли в штате сотрудников предприятия, возглавляемого О., поэтому вопросы о взимании сумм вознаграждения за труд или услуги, которые выполнены ими согласно условиям соответствующих гражданско-правовых отношений, подлежат решению в порядке гражданско-правового судопроизводства [8].

Привлечение руководителя предприятия к административной ответственности за невыплату заработной платы не является препятствием для привлечения его к уголовной ответственности по ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ. Так, следователь в результате проверки вынес постановление о возбуждении уголовного дела применительно к С.А. по признакам состава преступления, предусмотренного частью 1 ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ. В качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела выступили сведения, которые были получены в процессе документальной проверки и были признаны следователем достаточными для возбуждения уголовного дела. Заявитель С.А. с этим постановлением не согласился и обжаловал его в судебном порядке в соответствии с тем, что заявитель ранее привлекался к административной ответственности за несвоевременную выплату заработной платы, также посчитал незначительным совершенное деяние. Тем не менее, доводы, которые были изложены заявителем, судом были признаны необоснованными [9].

Диспозицией ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность при наличии определенного срока, в который должна быть осуществлена выплата заработной платы.

Органом предварительного следствия А.В. обвинен в том, что из прочей личной заинтересованности он не осуществлял выплаты каждому из 78 работников предприятия заработной платы более двух месяцев, а конкретно за сентябрь, октябрь, ноябрь 2008 года. Мировой судья возвратил в порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ прокурору уголовное дело применительно к А.В., поскольку обвинение не содержит указания на определенные дни, в которые должны были осуществиться выплаты заработной платы.

Заместитель прокурора ЮВАО г. Москвы на постановление мирового судьи принес апелляционное представление. В нем был поставлен вопрос об отмене постановления мирового судьи в силу ошибочности его вывода о наличии препятствий для рассмотрения судом уголовного дела.

Судом апелляционной инстанции было рассмотрено представление и отказано в его удовлетворении. Суд указал, что диспозицией ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за невыплату заработной платы, к тому же преступление является завершенным по истечении двух месяцев с момента невыплаты заработной платы. Отсутствие в обвинении А.В. определенного срока, в который тот должен осуществить выплаты заработной платы, лишает суд возможности проверить обоснованность обвинения и постановить законный и обоснованный приговор.

Государственным обвинителем в кассационном представлении высказывалась просьба об отмене постановления суда апелляционной инстанции. В представлении указывалось на ошибочность его вывода о наличии препятствия для рассмотрения дела судом, так как А.В. обвинялся в совершении единого продолжающегося преступления.

Тем не менее, суд кассационной инстанции поддержал позицию суда апелляционной инстанции, оставив постановление последнего без изменения, дополнительно отметив, что отсутствие определенного срока, в который должна быть осуществлена выплата заработной платы при описании преступного деяния, предусмотренного частью 1 ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ, в совершении которого обвинялся А.В., обоснованно расценивалось мировым судьей и судом апелляционной инстанции в виде препятствия для рассмотрения уголовного дела в силу неконкретности обвинения [10].

С этими выводами суда следует согласиться, поскольку без определенного срока выплаты заработной платы невозможно понять, в какой день у работодателя появилась обязанность по уплате заработной платы и в какой срок истекли два месяца, в течение которых инкриминируется невыплата заработной платы.

Федеральным законом от 23 декабря 2010 г. №382-ФЗ диспозиция ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ была дополнена нормой, которая предусматривает ответственность за частичную невыплату заработной платы, но обратную силу уголовный закон, который ухудшает положение виновного, не имеет, и работодатели, которые частично не выплачивают свыше трех месяцев заработную плату, не подлежат уголовному преследованию [11].

Так, приговором Пуровского районного суда от 7 февраля 2011 г. К. осужден по части 1 ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 г. №203-ФЗ) к штрафу в размере 100 тыс. руб. Однако судебная коллегия сделала вывод о необходимости отмены приговора по части 1 статьи 145.1 Уголовного кодекса РФ по следующим основаниям. К. признан виновным и осужден за частичную невыплату заработной платы, то есть за действия, которые не являлись преступными в период совершения инкриминируемого К. преступления. Изложенное противоречит статьям 9 и 10 Уголовного кодекса РФ, поэтому кассацион-

ным определением от 28 апреля 2011 г. приговор в части осуждения К. по части 1 статьям 145.1 Уголовного кодекса РФ отменили, уголовное дело по этому факту направили на новое рассмотрение.

С данными выводами суда следует согласиться полностью, поскольку в соответствии со статьями 9 и 10 Уголовного кодекса РФ преступность и наказуемость деяния устанавливаются уголовным законодательством, которое действовало в момент совершения данного деяния, а уголовное законодательство, определяющее преступность деяния, увеличивающее наказание или другим образом ухудшающее положение лица, обратной силы не имеет.

В дополнение следует отметить, что уголовным законодательством не предусмотрена возможность квалифицировать действия виновного по диспозиции одной редакции статьи Уголовного кодекса РФ, а наказание определять, отталкиваясь от санкции той же статьи Уголовного кодекса РФ в иной редакции.

Выводы

Сложностью привлечения к уголовной ответственности работодателей, которые не выплачивают заработную плату, является доказывание обязательных признаков, которые содержит диспозиция статьи 145.1 Уголовного кодекса РФ, – корыстный мотив или личная заинтересованность, без которых возбуждение уголовного дела по статье 145.1 Уголовного кодекса РФ невозможно. Из теории уголовного права личная заинтересованность представляет собой стремление к карьерному росту и освобождение от неудобных работников. Корыстный мотив является стремлением лица к имущественным выгодам, решение текущих финансовых проблем за счет заработной платы, извлечение прибыли от временного вложения указанных денежных средств. Если же генеральным директором предприятия денежные средства, полученные предприятием, отправляются на его же счет, и при этом не выплачена заработная плата сотрудникам, – состав преступления налицо.

Однако, что делать в случае, если руководитель предприятия не осуществляет выплаты заработной платы, а зачисляющиеся в организацию денежные средства направляет на исполнение договоров или государственных контрактов, закупку товаров для перепродажи с наценкой, закупку оборудования с целью удержания предприятия на плаву, избежания экономического крушения предприятия, а после полученные от хозяйственной деятельности денежные средства намеревается направить не только на погашение задолженности по заработной плате, но и на развитие предприятия?

На наш взгляд, подобные действия руководителя предприятия являются уголовно наказуемыми, поскольку руководитель, как отмечено ранее, оставляет своих работников без средств к существованию, а у них могут быть свои проблемы: ипотека, автокредит, многодетная семья и другие финансовые обязательства. В подобном случае, по нашему мнению, руководителю для решения появившейся проблемы следует иметь неприкосновенный запас в виде отдельных фондов, за счет которых он сможет и удовлетворить работников, и удержать предприятие на плаву, уберегая от экономического провала, не ущемляя при этом интересы работников.

Проблема задолженности по заработной плате пока остается актуальной. По оценке Правительства РФ, сам факт возможности привлечения руководителей к уголовной ответственности за задержку выплат сотрудникам носит профилактический и стимулирующий характер.

По рассматриваемой статье Уголовного кодекса РФ ведётся активное возбуждение уголовных дел, и в некоторых случаях ответственность налагается самая строгая — лишение свободы. Потому руководителям предприятий к срокам выплаты заработной платы следует относиться серьезно.

Необходимо отметить, что в соответствии с нововведениями, внесенными Федеральным законом от 23 декабря 2010 г. №382-ФЗ в статью 145.1 Уголовного кодекса РФ [12]:

1) расширился перечень виновных лиц – в настоящее время ими могут признаваться руководители филиалов, представительств или иных обособленных структурных подразделений предприятия;

2) изменился состав преступления – преступной теперь признается не только полная невыплата, но и частичная невыплата заработной платы, а также выплата в размере ниже определенного минимального размера оплаты труда;

3) ужесточились меры наказания по сопоставлению с ранее действующей редакцией [12].

Названные ужесточения уголовной ответственности за невыплату заработной платы абсолютно справедливы, своевременны и обоснованы, но поле деятельности в данном направлении еще далеко не исчерпано.

Можно сказать, что приведенные в работе теоретические данные и анализ судебной практики помогут студентам глубже усвоить влияние тех или иных признаков не только на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, но и на квалификацию преступлений в целом, обращая внимание на различные обстоятельства объективного и субъективного характера, добиваться всесторонности и полноты их исследования в будущей правоприменительной деятельности. Для обычных граждан данная информация будет полезна в целях защиты своих трудовых прав на своевременную и полную выплату заработной платы.

Учитывая значимость заработной платы в жизни каждого работающего, на основе анализа рассмотренных дел данной категории в Российской Федерации за последние годы и в целях единообразного применения составов, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, следует унифицировать правоприменительную практику путем принятия специального постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

-
1. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ №63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Смирнов В.Т. О соотношении материальной ответственности рабочих и служащих по советскому трудовому праву и имущественной ответственности по гражданскому праву // Вестник ЛГУ. 2011. №17, вып. 3. С. 40–48.
3. Колосовский А.В. Эффективность правового регулирования дисциплинарной и материальной ответственности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 275 с.
4. Трудовой Кодекс Российской Федерации: ФЗ №197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
5. Ковалев В.А. Ответственность в трудовом праве: теоретические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 45 с.
6. Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 27 декабря 2010 г. № 22-16358 [Электронный ресурс] // Судебные решения.рф. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/3999156>.
7. Кассационное определение Мурманского областного суда от 15 мая 2012 г. № 22-1178 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=307993>.
8. Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 2 апреля 2012 г. № 22-4335/12 [Электронный ресурс] // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/57880781/>.
9. Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 10 ноября 2010 года №22-14454/10 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=564761>.
10. Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 22 ноября 2010 года №22-14951/10 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/59611337/>.
11. Кузнецов Ю.А. Трудоправовая ответственность: понятие; виды: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2015. 24 с.
12. «О внесении изменения в статью 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»: ФЗ РФ от 23.12.2010 N382-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108334/.

© С.А. Лаптев, 2017

© Д.В. Тюкина, 2017

Для цитирования: Лаптев С.А., Тюкина Д.В. Уголовная ответственность за невыплату заработной платы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 108–118.

For citation: Laptev S.A., Tyukina D.V. Criminal liability for non-payment of wages // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 108–118.

Дата поступления: 22.02.2017.

Педагогика. Образование

УДК: 316.34

А.Н. Яковлев

Полесский государственный университет
Пинск. Беларусь

Инновационная педагогическая система здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий

Раскрываются особенности инновационной педагогической системы с учетом морфо-функциональных, генетических маркеров и особенностей физического развития и физической подготовленности школьников, студентов в образовательном пространстве Российской Федерации (г. Владивосток, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса), Республики Беларусь (г. Пинск, Полесский государственный университет). Интегративный характер педагогической деятельности может обеспечить комплексный подход в процессе сокращения сроков адаптации исследуемого контингента к факторам внешней среды, что способствует укреплению телесного здоровья и эффективному применению модели спортивного отбора в базовых видах физкультурно-спортивной деятельности.

В исследованиях учтены социально-философские и психолого-педагогические аспекты формирования личности и понимание соотносимости телесного и духовного, что очень важно в условиях социально-экономического и финансового кризиса с позиций междисциплинарной интеграции педагогики, спортивной психологии и т.д.

Создание межкафедральной научно-исследовательской лаборатории может в какой-то степени осуществлять адаптацию научно-методического материала, практики к условиям функционирования высшей школы. Интеграция полученных данных видится через развитие следующих направлений: мобилизация ресурсов организма в условиях сбалансированного физического и духовного проявления; актуальные проблемы оздоровительной и адаптивной физической культуры и их практическая реализация в условиях университетского образования; антропологические и морфо-функциональные показатели спортсменов в различных видах спорта.

Ключевые слова и словосочетания: здоровьесберегающие и телесноформирующие технологии, социум, внешние условия, рейтинговая оценка, телесное здоровье, образовательное пространство, тело, телесность.

A.N. Yakovlev

Polesky State University
Pinsk. Belarus

Innovative educational system and health-saving and bodyforming technology

The article reveals the peculiarities of innovative pedagogical system based on morphological and functional genetic markers and features of physical development and physical fitness of students, students in the educational space of the Russian Federation (Vladivostok, VSUES), Belarus (Pinsk, Polesky State University). The integrative nature of the pedagogical activity can provide an integrated approach to the reduction in terms of adaptation to the studied contingent environmental factors that contributes to physical health and effective application of the model of sports selection in the basic kinds of sports activity.

The research takes into account the socio-philosophical, psychological and pedagogical aspects of the formation of personality and understanding of correlates of physical and spiritual, that is very important in terms of socio-economic and financial crisis from the point of interdisciplinary integration of pedagogy, sports psychology, etc.

In this case, the establishment of interdepartmental research laboratory, can to some extent to carry out the adaptation of scientific and methodological materials, the practice to the conditions of high school functioning. Integration of the data is seen through the development of the following areas: "mobilize the body's resources in a balanced physical and spiritual manifestations"; "Actual problems of improving and adaptive physical training and their implementation in terms of university education"; "Anthropological and morpho-functional characteristics of athletes in various sports."

Keywords: Health-saving and bodyforming technology, society, external conditions, rating evaluation, physical health, educational space, "body", "physicality".

Введение

В рамках психолого-педагогической рефлексии телесность целесообразно трактовать как феноменологический тип целостности человека, имеющей особое бытие и пространственные измерения в системе физического воспитания.

В последнее десятилетие отмечены устойчивая отрицательная динамика функциональных возможностей, уровня здоровья школьников и студентов, рост заболеваемости и снижение функциональных резервов организма, работоспособности (35% студентов при поступлении в высшее учебное заведение имеют различные заболевания, гиподинамия среди студентов достигла 80%, доминируют болезни опорно-двигательного аппарата, органов зрения, центральной нервной системы, эндокринной системы, сердечно-сосудистой, мочевыделительной систем) [2].

В образовательный процесс крайне мало внедряют современные педагогические технологии (пилатес, шейпинг, аэробика, стретчинг, бодифитнес, калланетика, гимнастика, йога, акваэробика и т.д.), способствующие формированию мотивации молодежи на физическое совершенствование, профилактике и укреплению психофизического здоровья [3].

Исследования проведены (2010–2016 гг.) в Полесском государственном университете (Пинск, Беларусь) и Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (Приморский край, Владивосток) и были посвящены вопросам модернизации педагогической системы в социальных институтах (общеобразовательная школа – средние специальные учебные заведения – высшие учебные заведения).

Впервые предстояло теоретически обосновать и экспериментально доказать эффективность здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий с позиций качественных и количественных характеристик «телесного здоровья», выявить причинно-следственную связь возможных влияний внешних факторов на социокультурные трансформации в процессе занятий физкультурно-спортивной деятельностью школьников и студентов.

С этой целью были выполнены комплексные социально-философские, психолого-педагогические, медико-биологические исследования по выявлению морфологических и генетических маркеров, определению уровня физического развития и физической подготовленности в условиях избирательного воздействия телесноориентированных физических упражнений на организм школьников и студентов, влияющих на успешную жизнедеятельность, спортивный отбор в олимпийских видах спорта.

В совокупности эти результаты позволили подтвердить рабочую гипотезу исследований, разработать теоретико-методологический инструментарий. Настоящая статья содержит и результаты исследований, отражающих интеграционные процессы по разработке инновационной педагогической системы здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий физкультурно-спортивной деятельности в образовательном пространстве Республики Беларусь и Российской Федерации.

Состояние вопроса. Интеграция инновационной педагогической системы на территории постсоветского пространства направлена на преодоление влияния внешних факторов, оказывающих негативное влияние на деятельность учебных заведений, администрация и педагогический коллектив которых не могут своевременно включиться в реализацию нормативных документов, принятых на территории Республики Беларусь (РБ) и Российской Федерации (РФ).

Разработанные российскими и белорусскими учеными концепции улучшения физического воспитания в учебных заведениях привели к некоторому улучшению показателей но проблемы не решены с позиций эффективного внедрения здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий и гуманизации социокультурных ориентаций (акцент на урочную, внеурочную и внешкольную деятельность, программы воспитания ценностных ориентаций в условиях особенностей этнических и климатогеографических – это среда решения региональных проблем повышения эффективности физического воспитания исследуемого контингента).

Актуальность проблемы подтверждается данными, характеризующими приоритеты спортивных практик, которые могут быть реализованы в условиях вуза как предоставление услуг оздоровительной и спортивной направленности с использованием при этом потенциала имеющихся спортивных сооружений.

Исследовательская работа выполнена в соответствии с приоритетами физического воспитания и спорта в аспекте мирового научного поиска в данной сфере, государственным заказчиком которых выступало Министерство образования Республики Беларусь (основные результаты НИР, выполняемые факультетом организации здорового образа жизни).

В рамках НИР «Разработка диагностических панелей молекулярных маркеров для профессионального отбора» (договор № Б12М-124 от 15.04.2012) собраны информированные согласия и ДНК-содержащий материал (буккальный эпителий), внесены дополнения в базу данных согласно первичной информации, проведены скрининговые исследования на частоту встречаемости полиморфизмов по единичным нуклеотидам, ассоциированным с выносливостью (I/D гена ACE, Thr174Met гена AGT, G/C гена PPARA, +294 T/C гена PPARD, Gly482Ser гена PPARGC1A), ассоциированным с психоэмоциональным состоянием (5HT2A C102T, COMT Val158Met, 5HTT L/S) [1].

Работа подтверждается актами внедрения результатов научных исследований в практику ГАУЗ «ККЦСВМП» Центра восстановительной медицины и реабилитации (г. Владивосток, ул. Кирова, 66 от 16.10.2013 г. «Реабилитация различных групп населения средствами телесно-ориентированных упражнений, имеющих травмы ОДА»; выполнена опытно-экспериментальная работа по теме научного исследования «Инновационные здоровьесберегающие и телесноформирующие технологии физкультурно-спортивной деятельности в системе многоуровневого образования в вузе» – 14 актов о внедрении результатов диссертации, из них 12 актов внедрения в учебный процесс и 6 в учебно-тренировочный процесс.

Цель исследования. Теоретико-методологическое обоснование интегрированной инновационной педагогической системы здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий физкультурно-спортивной деятельности.

Предмет исследования. Процесс организации интегрированной физкультурно-спортивной деятельности в условиях модернизации физического воспитания школьников и студентов, при котором телесно-двигательные характеристики человека обеспечивают успешность личности в процессе жизнедеятельности и решают ряд задач, направленных на «встраивание» её в образовательное пространство социума в аспекте общественнозначимых ценностей.

Материал и методы исследования. Анализ научной и специальной литературы; анкетный опрос; генетическое тестирование; методы математической статистики (статистическая обработка результатов полученных исследований проводилась с применением пакета прикладных программ «STATISTICA» Version 6-Index, StatSoft Inc., лицензионный номер AXXR012E829129FA) и Microsoft Office: mac2011 (лицензионный номер X18-08827(MO4W)5).

Результаты исследований и их обсуждение. Научный поиск формирования здоровьесберегающего потенциала школьников и студентов видится наиболее значимым в аспекте условий экономических и социальных потрясений, которые требуют адаптации человека за счет применения инструментария: организационно-экономического механизма физкультурно-спортивной деятельности; интеграции-

онных процессов, включающих моделирование в структурных подразделениях на основе интеграции образовательных и физкультурно-оздоровительных, спортивных технологий, отражающих количественные и качественные показатели сервисных услуг.

Необходимость научных исследований объясняется неразработанностью компетентностной парадигмы, «встроенной» в процесс непрерывного образования, критериями её эффективности, практикоориентированностью, вызванной влиянием внешней среды и запросами рынка труда, который формируется под влиянием науки, социокультурных трансформаций.

Путем применения метода социологических исследований выявлено, что студентки вузов Республики Беларусь имеют общие представления о физкультурно-спортивной деятельности, которые выявлены профессорско-преподавательским составом вузов: Брест – В.И. Стадник, С.В. Менцлер; Витебск – П.К. Гулидин, Д.А. Барановский, Н.Т. Станский; Гомель – В.А. Коледа, В. А. Медведев; Гродно – А.Р. Бардин; Минск – В.А. Хижевская, О.Е. Масловский, Ю.П. Гайдамак, О.В. Хижевский; Могилев – В.И. Перец; Пинск – А.Н. Яковлев, А.А. Кравчинин, А.Ю. Журавский.

Полученные данные подтверждают, что студентки Полесского государственного университета имеют общие тенденции формирования ценностных ориентаций в аспекте значимости базовых видов физкультурно-спортивной деятельности со студентками Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Исследования проведены А.Н. Яковлевым, Б.И. Гельцером, С.А. Борщенко (2014–2015 гг.).

Установлено, что потребности девушек в занятиях по физическому воспитанию в группах ОФП с силовой направленностью реализуются в первую очередь с помощью средств ритмической гимнастики (РГ) – 24,1–35,9%, за исключением Минска, где средства гидроаэробики (ГАР) доминируют перед средствами РГ – соответственно 36 против 27,9%.

Следует также отметить, что и средствам круговой тренировки (КТ) придается большое значение – 26–29,3%, во ВГУЭС – 35–50%.

Среди регионов наибольшей популярностью у студенток пользуются следующие средства комплексного воздействия: РГ – Витебск, Гродно, Могилев соответственно 35,9, 34,9 и 32,1%; ГАР Минск (36%); КТ – Гомель 26%.

Наивысшая мотивационная потребность в средствах комплексного воздействия обнаружена у студенток Витебска и Гродно (РГ – соответственно 35,9 и 34,9%; ГАР – 33,8 и 30,6%; КТ – 28,8 и 28,1%). Наименьшими значениями отмечены интересы студенток Гомеля (24,1; 23,% и 26% соответственно). К средствам избирательного воздействия были отнесены такие виды физических упражнений, как 1) легкая атлетика; 2) гимнастика и акробатика; 3) спортивные и подвижные игры; 4) плавание; 5) кроссовая и лыжная подготовка.

Наиболее популярные виды физкультурно-спортивной деятельности: легкая атлетика – в Гомеле, Могилеве и Витебске, Владивостоке (28,3; 27,9 и 27,9, 31,2% соответственно); гимнастика и акробатика – в Гродно (24,8%); спортивные и под-

вижные игры – в Бресте, Минске, Владивостоке (30,2, 26, 31% соответственно); плавание – в Гомеле и Могилеве, Владивостоке (28,5 и 27,8, 33,0% соответственно); кроссовая и лыжная подготовка – в Витебске и Могилеве, Владивостоке (28,2 и 27,8, 23,0% соответственно).

Интересы студенток вузов в желании развивать свои силовые качества средствами атлетической гимнастики существенно выше, чем аналогичные интересы относительно шейпинга и особенно гиревого спорта.

В качестве фрагмента исследований по определению уровня физической подготовленности студенток нами приводятся адаптированные данные, характеризующие алгоритм здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий (рисунки 1–2).

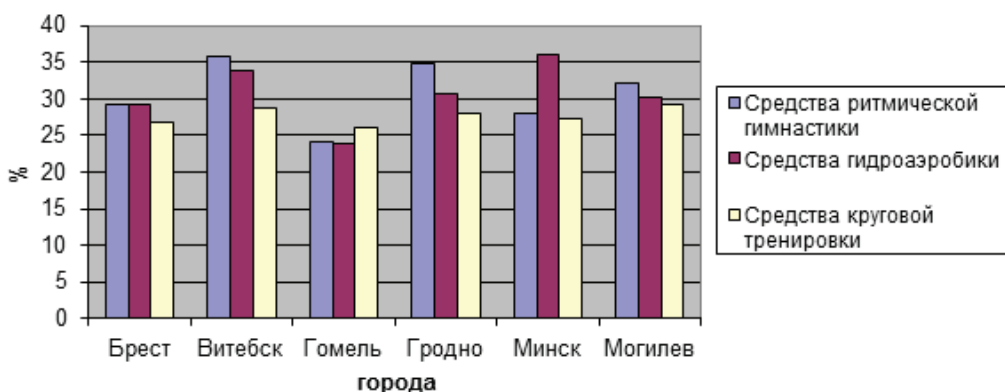

Рис. 1. Структура физкультурно-оздоровительных интересов студенток вузов в выборе средств силовой подготовки комплексного воздействия с учетом их учебы

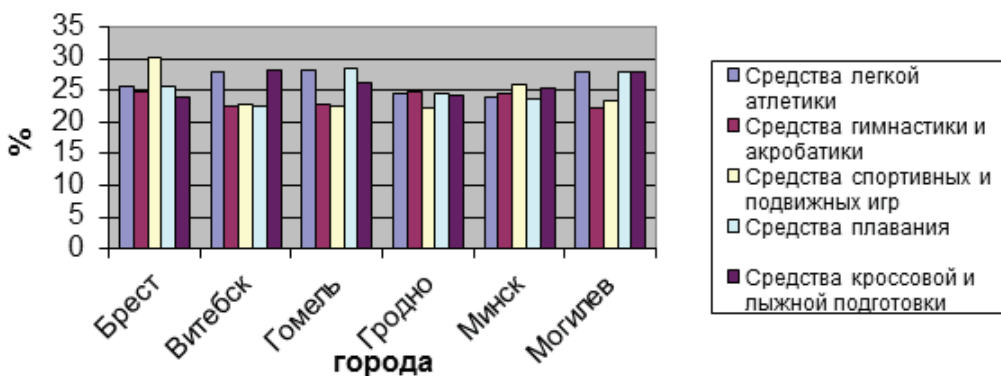

Рис. 2. Структура физкультурно-оздоровительных интересов студенток вузов в выборе средств силовой подготовки избирательного воздействия с учетом места их учебы

Выявлены средства избирательного воздействия: 1) легкая атлетика; 2) гимнастика и акробатика; 3) спортивные и подвижные игры; 4) плавание; 5) кроссовая и лыжная подготовка. Вышеназванные средства способствуют развитию специфических мышечных групп, ответственных за рабочие движения конкретного вида спортивной деятельности.

В таких условиях наблюдается острая необходимость инновационных (экономически обоснованных) научно-методических разработок и эффективных интегрированных образовательных систем, обеспечивающих синергетический эффект (качество образовательных услуг, экономические показатели деятельности учебных заведений).

Необходимо инновационное развитие, которое невозможно без переосмысления образовательной теории и практики (образовательной парадигмы). Разработка здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий физкультурно-спортивной деятельности неразрывно связана с развитием самостоятельных направлений в спортивной науке, «отпочковываясь» от основных наук о природе и человеке, например, психология – спортивная психология; медицина – спортивная медицина, анатомия – спортивная антропология, генетика – генетика спорта и т.д., происходит формирование новых направлений в научном пространстве, которые расширяют границы познания цивилизации (рис. 3).

Рис. 3. Схема разработки здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий физкультурно-спортивной деятельности (авторская редакция)

Формирование телесно-двигательных характеристик человека связано с определенными трудностями педагогического процесса, что объясняется потребностью разработки педагогических технологий здоровьесбережения и предполагает наличие определенной систематизации базовых телесно-ориентированных упражнений.

Моделирование биологических систем обеспечивается терминами, которые характеризуют результат и сравнительные характеристики сущности человека, а ценностные ориентации в системе физического воспитания находятся в тесной взаимосвязи с потребностями.

Практическая реализация возможна в условиях интеграции: процесса осознания потребностей в занятиях физическими упражнениями (идеально-преобразовательская деятельность) и процесса реализации потребностей (реально-преобразовательская).

На основании проведенных исследований в 2003–2016 гг. впервые апробирована предложенная инновационная педагогическая система здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий физкультурно-спортивной деятельности непосредственно через концепты и параметры образовательных систем в условиях вуза (табл.).

Таблица

**Концепты и параметры образовательных систем
(физкультурно-спортивная деятельность)**

Основные концептуальные параметры и ориентиры	Методологическое обоснование		
Продукт	Телеологическая (аксиологическая)	Актологическая (прагматическая)	Онтологическая (генетическая)
	Всесторонне и гармонически развитая личность	Человек преуспевающий (деловой)	Человек цивилизованный (культурный)
Предмет	Моральная, духовная чистота и богатство	Интеллектуальное Эмоциональное Нейромышечное Органическое	Социогенез Ноогенез Биогенез
	Формирование личности в социокультурном пространстве общества	Развитие способностей, в том числе и двигательных	Воспитание физической культуры личности (становление)
Предметная область исследования	Межличностные отношения Знания Умения Суперумения Навыки	Управленческая Коммуникативная Конструктивная Репродуктивная Когнитивная	Эргогенез (адаптация) Системогенез (образование) Морфогенез (развитие)
	Формирование Физическое развитие Обучение Воспитание	Освоение Адаптационные процессы Отбор Обучение Ориентация	Становление Формирование мотивационных потребностей Воспитание Обучение
Содержание физкультурного образования	Умственное Нравственное Эстетическое Физическое	Общее Профессиональное Специальное Элитарное	Формирование мотивов Противодействие вредным привычкам
Основание	Социальный заказ	Личностные интересы	Культура человечества
	Традиционная цивилизация	Либеральная цивилизация	Глобальная цивилизация

В процессе решения проблемы формирования телесно-двигательных характеристик на уровне региональной политики определены методология здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий, а также оптимальный количественный уровень физической нагрузки. В этой связи рекомендованы базовые виды спорта физкультурно-спортивной деятельности, которые отвечают в большей степени вариативному компоненту в системе физического воспитания. Анализ особенностей физкультурно-спортивной деятельности необходимо осуществлять с учетом половозрастного состава и впервые рекомендуемых коэффициентов корректировки нормативной физической нагрузки.

Выводы. Брестская область находится в условиях особого статуса, где реализация концепции системы образования зависит от инновационных решений, сформированных в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Систематизирована и представлена совокупность зависимости, первичности и производности понятий «тело» и «телесность», где под первым автор понимает результат природной системы (задатки), а под вторым – процесс по достижению этого результата. Авторские исследования проблемы телесности привели к обоснованию здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий в регионах (на примере Республики Беларусь, Брестской области, Приморского края, Владивостока) за счет применения принципиально новых экономически обоснованных оздоровительных технологий и сервисных услуг, в том числе спортивной направленности.

Здоровьесберегающие и телесноформирующие технологии позволяют сконцентрировать в себе ряд элементов, позволяющих определить факторы и условия, обуславливающие необходимость формирования и использования широкого спектра спортивных практик в социальных институтах системы образования Республики Беларусь и Российской Федерации: материально-техническая база; состояние сферы физической культуры и спорта по обеспечению безопасности в регионе; ассортимент и объем оказываемых сервисных услуг в сфере физической культуры и спорта; оценка функционирования системы образования Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях процессов интеграции; осуществление процессов по установлению регионального приоритета развития видов спорта; выявление новых, приемлемых путей реализации механизма управления системой образования в контексте воспитания физической культуры личности и управления процессом «спортизации»; проведение прогноза развития ФКиС с дальнейшим учетом и контролем по расходованию бюджетных ассигнований, использованием и своевременным восполнением финансовых ресурсов.

Формирование двигательных характеристик школьников и студентов в процессе занятий физкультурно-спортивной деятельностью происходит в соответствии с концепцией моторно-функциональных свойств или качеств:

1. Соматические свойства – длина тела, масса тела, опорно-двигательный аппарат и его характеристики, гибкость.

2. Соматомоторные свойства – сила – абсолютная, относительная, быстрота; работоспособность – аэробная относительная, анаэробная абсолютная, в смешанном режиме, восстанавливаемость.

Следует отметить, что интегративный характер свойств (качеств) неразрывно связан с локальным либо отдельным (самостоятельным) свойством (качеством).

3. Психосоматомоторные свойства – реактивность, динамическая и кинематическая координированность; «дифференцированность» – общая, исполнительская, различительная; моторная стабильность.

4. Психомоторные свойства – реактивность, оперативность, смелость, решительность, рискофильность, рассудительность, ситуативная адекватность, таймерность (чувство времени), психостойчивость, «сила воли», идентичность.

Методика проектирования инновационного педагогического процесса и учебно-тренировочной деятельности, организационно-методические предписания к исполнению структурными подразделениями управления нагрузкой, диагностика, контроль за состоянием и динамикой системного блока оценочных функциональных показателей «телесного здоровья» в социуме профильных учреждений образования и реабилитации должны обеспечить его эффективность.

Ключевым направлением физкультурно-спортивной деятельности являются психолого-педагогическое тестирование, медико-биологическое сопровождение и генетика (прогноз успешности в спорте) как гармония телесно-двигательного, интеллектуального и волевого феноменов в реализации артпластических и психомоторных технологий программных средств обучения в образовательном пространстве РБ и РФ.

Учитывая научную новизну поставленной нами проблемы по схеме «сознание» + «тело» + «воля», необходимо создавать интеллектуальные обучающие системы или интеллектуальные образовательные комплексы на основе разработки физической и математической модели проекта учебного обучающего комплекса для более качественной подготовки специалистов по вопросам развития массового спорта, физкультурного образования и медицины (здоровый стиль в течение жизнедеятельности человека, наука, сервисные услуги физкультурно-оздоровительной направленности, пропаганда, качественное образование в сфере ФКиС, этические нормы ценностные ориентации в ФСД).

Процесс спортивной деятельности множества полиморфных генов, каждый из которых в отдельности вносит лишь небольшой вклад в общее развитие физических качеств человека, молекулярно-генетическая диагностика в спорте должны применяться с использованием определенных маркеров как дополнение к уже существующим фенотипическим тестам, используемым в рамках медико-биологического обеспечения спорта.

Наиболее выраженные особенности отмечены в основной группе по генам сердечно-сосудистой (AGT_Met235Thr, APOE, HIF1A1, NOS3_C786T) и антиоксидантной систем (MTHFR, GPX1), системы биотрансформации веществ (NAT2ag803, CYP1A1, EPHX1, GSTT1), липидного (PPARD) обмена.

Данные возрастных изменений и морфофункциональных показателей обучающихся, отражающие гетерохронность процессов роста и развития и находящиеся в пределах возрастных норм, которые характеризуются следующими основными величинами: длина тела – $159,4 \pm 3,3$ см; масса тела – $53,41 \pm 6,08$ кг; окружность

грудной клетки – $81,38 \pm 4,26$ см; становая сила – $87,2 \pm 3,69$ кг; сила кисти: правой – $30,8 \pm 2,31$ и левой – $27,5 \pm 1,35$ кг; сила мышц-сгибателей и разгибателей предплечья соответственно $18,6 \pm 0,92$ и $16,9 \pm 1,02$ кг. Было установлено, что из числа обследованных девушек относятся к МаС типу – 23,0%, к МеМаС – 17,0%, МеС – 19,0%, МиМеС – 19,0% и МиС типу – 20,5%.

1. Ахметов И.И. Молекулярная генетика спорта : монография. М.: Советский спорт, 2009. 268 с.
2. Яковлев А.Н. Инновационная педагогическая система как интеграция многоуровневого образования: формирование новых представлений о «теле» и «телесности» человека в процессе занятий физкультурно-спортивной деятельностью // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». № 10 (140). 2016. С. 224–228.
3. Talbot M. When good science is not enough // J. Sport med. 2014. July 3. P. 422–427.

© А.Н. Яковлев, 2017

Для цитирования: Яковлев А.Н. Инновационная педагогическая система здоровьесберегающих и телесноформирующих технологий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 119–129.

For citation: Yakovlev A.N. Innovative educational system and health-saving and bodyforming technology // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 119–129.

Дата поступления: 19.01.2017.

Н.С. Мартышенко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Маркетинг-менеджмент культурных потребностей в студенческом социуме Приморского края

Учащаяся молодежь – поколение, от которого зависит судьба России. В настоящее время молодое поколение сталкивается с новыми вызовами, связанными с изменениями в глобальном мире. Культура и духовность становятся полем битвы за умы молодежи. Поэтому в современном российском обществе нарастает осознание всей важности проблемы культурного воспитания молодежи.

Предметом исследования настоящей статьи являются процессы формирования личностной культуры в студенческой среде. В работе исследуется понимание молодыми людьми образа культурного человека в современных условиях. Культурное саморазвитие личности зависит от приоритетов и жизненных установок современной молодежи. Научное исследование феномена личностной культуры требует анализа его основных структурных компонентов. Автор рассматривает такие аспекты темы, как вовлеченность молодежи в культурную жизнь города.

Особое внимание уделяется исследованию причин, препятствующих культурному развитию и раскрытию творческого потенциала студентов. Методологией исследования является анализ данных мониторинга компонент формирования культурной составляющей в студенческом социуме. Оценка и систематизация факторов, влияющих на формирование культуры молодежи, основываются на массовых опросах студентов университета.

Отличительная особенность проведенного анкетного опроса состоит в использовании большого количества открытых вопросов. Для их обработки используется специальная компьютерная технология, позволяющая перейти от неструктурированных данных к структурированным, что позволяет рассчитать количественные оценки факторов, влияющих на формирование культурной составляющей в студенческом социуме. Выявление и структуризация проблем, стоящих на пути культурного становления молодежи, определяют приоритеты их разрешения и способствуют поиску эффективных механизмов формирования культурных ценностей молодых людей.

Ключевые слова и словосочетания: молодежная политика, политическая активность молодежи, анкетный опрос, анализ данных, Приморский край.

N.S. Martyshenko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Marketing management of cultural needs in the student society of Primorsky Region

Studying youth – this generation, on which depends the future fate of Russia. Currently, the younger generation is faced with new challenges related to changes in the global world. Culture and Spirituality in recent years become a battleground for the minds of youth. Therefore, in the modern Russian society is growing awareness of the importance of the problem of cultural education of youth. The subject of study of this article are the processes of formation of personal culture among students. In the detailed understanding of the young people we studied the image of a cultured person in modern conditions. Cultural self-development of the individual depends on the priorities and of attitudes of today's youth. The scientific study of the phenomenon of personal culture requires an analysis of its main structural components. The author examines in detail aspects such topics as the involvement of young people in the cultural life of the city. Particular attention is paid to the study of the causes hindering the development of cultural and creative potential of students. The methodology of this study is the analysis of monitoring data component of the formation of the cultural component in the student society. Evaluation and systematization of the factors affecting the formation of the youth culture, based on the mass surveys of university students. A distinctive feature of the questionnaire survey is to use a large number of open questions. For their treatment, a special computer technology, which allows to move from unstructured data to structured that allows you to calculate the quantitative assessment of the factors affecting the formation of the cultural component in the student society. Identifying and structuring the problems standing in the way of cultural youth formation, prioritises their solution and promotes the search for effective mechanisms of cultural values of young people.

Keywords: youth policy, political activity of youth, questionnaire, data analysis, Primorsky Region.

Введение

Культура России занимает достойное место в мировой культуре, выступая одним из главных объединяющих факторов, обеспечивающих целостность сообщества. Понятие культуры является одним из сложнейших философских понятий. В настоящее время специалисты в области культурологии насчитывают более 500 определений культуры [8; 24].

Роль культуры в современном обществе раскрывается через функции культуры:

- социализации, или человекотворчества;
- защитно-преобразующая;
- «социальной наследственности»;
- познавательная и информационная;
- регулятивная (нормативная);
- означающая;
- коммуникативная;
- ценностная (аксиологическая);
- творческая (инновационная);

– компенсаторная.

Функция социализации по праву считается важнейшей функцией культуры, поскольку отвечает за формирование и воспитание человека. Содержательный смысл остальных функций широко освещается в научной литературе [11; 14].

Воспитательная функция культуры закладывается с детства и распространяется на молодых людей, продолжающих обучение в университете. Учащаяся молодежь – это поколение, от которого зависит судьба России. Ее активность определяют темпы и направление развития нашего государства. Молодое поколение сталкивается с новыми вызовами, связанными с изменениями в современном глобальном мире, подвергаясь негативному влиянию целого ряда внутренних и внешних факторов [10; 23]. Социальное расслоение молодежи на этапе жизненного старта привело к деформации системы духовных ценностей. В обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями его существования, соответствующим образом формируются культура и ценностные ориентации молодых людей [7]. Культура и духовность в последние годы становятся полем битвы за умы молодежи. «Антикультура» стала инструментом международной политики [7]. Мы являемся свидетелями информационной войны, развязанной против России. Поиск новых идеалов в отдельных случаях приводит к вовлечению молодых людей в ряды радикалов различного толка.

Новые цели социально-экономического развития страны требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики. Поэтому необходимо постоянное изучение приоритетов и жизненных установок молодежи с целью влияния на становление как профессионального, так и социокультурного статуса молодых людей, в руках которых будущее нашей страны.

Предмет исследования

Во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса уже более десяти лет проводится мониторинг социального самочувствия и социокультурной адаптации студенческой молодежи Приморского края. Ежегодно в наших социологических опросах принимают участие несколько тысяч молодых людей [15; 17]. Работа в основном построена на результатах анализа данных специализированного анкетного опроса, посвященного исследованию культурной составляющей в процессе становления современной молодежи. Тема культуры в молодежной среде присутствовала и в других наших опросах, проводимых в студенческой среде. Формирование культурных ценностей современных молодых людей происходит, как правило, во время досуга. Тема исследования организации досуга с помощью опросов студентов поднималась в работах Г.А. Ворониной, М.А. Рыбиной, М.А. Коленьковой [4; 9].

При разработке анкеты установка была на представления молодежи в контексте понимания «повседневной культуры» и влияние культуры на образ жизни молодежи [6; 12; 20]. Под повседневной культурой можно понимать формы воспроизводства культуры человека в семье, при общении с другими людьми в учебное,

рабочее и свободное время. Иногда для повседневной культуры применяют термин «обыденная культура».

Обыденная культура – сфера общепонятных знаний и общедоступных навыков, полученных благодаря трем источникам: общению в малой группе (семья, ровесники, родня); обучению в школе и получению общего образования; средствам массовой информации.

Методы исследования, методологические принципы и инструменты

Организованный нами специализированный опрос по культуре молодежной среды проводился в марте–апреле 2016 г. В нем участвовали более 500 студентов университета. Кроме вопросов по социально-демографическому профилю респондентов анкета включала четырнадцать вопросов на тему культурного развития, в том числе одиннадцать открытых вопросов. Это существенно усложнило процедуру обработки данных, но, на наш взгляд, повысило достоверность результатов. Открытые вопросы стимулируют студентов задуматься над содержанием вопроса, не использовать стереотипы стандартных ответов. Для обработки данных ответов на открытый вопрос была использована разработанная нами специальная компьютерная технология обработки качественных данных [18; 25]. Технология позволяет автоматизировать процесс выделения типологий по качественным данным.

Содержание исследования

Во-первых, в ходе исследований была предпринята попытка выяснить, что именно сегодняшняя молодежь понимает под категорией «культурный человек». Для этого студентам предлагалось ответить на открытый вопрос: «Укажите признаки культурного человека (не менее 3-х)». Анализ ответов студентов показал, что они отметили все признаки культурного человека, которые выделяют достаточно известные социологи [3; 13]. Конечно, конкретные формулировки могли отличаться своей эмоциональной окраской и разнообразием, но конечный смысл был воспринят правильно. Другое дело, какова структура значимости признаков культурного человека, рассчитанная по оценкам студентов. Всего анализу были подвергнуты более тысячи вариантов характеристик культурного человека, представленных в ответах респондентов (с учетом того, что каждый студент указывал несколько признаков). После обработки качественных данных с помощью специальной компьютерной технологии были выделены 282 в той или иной степени различных ответа. По частным ответам респондентов мы сформировали 8 групп (типологий) близких по смыслу ответов, характеризующих культурного человека (рис. 1).

При обработке качественных ответов респондентов к группе ответов «хорошие манеры» были отнесены 49 различных по форме ответов. Одни ответы встречались чаще, другие реже. Из наиболее регулярно встречающихся ответов этой группы можно отметить такие качества культурного человека, как: «вежливый» – 125 ответов, «воспитанный» – 81; «соблюдает правила этикета» – 38; «пунктуальный» – 24 и «хорошие манеры» – 24 (прямой ответ). Такие ответы составляют 89%

ответов, отнесенных к группе «хорошие манеры». Прочие ответы этой группы достаточно близки по смыслу к указанным выше. Например, вполне оправданно к этой группе были отнесены ответы: «соблюдение норм поведения», «приветливость», «приличное поведение».

Рис. 1. Оценка структуры распределения признаков культурного человека

Ответы, отнесенные к следующей группе ответов «уважительное отношение к окружающим», также можно было бы отнести к группе ответов «хорошие манеры». Однако они имеют более узкую направленность. Около 60% ответов, отнесенных к этой группе, составляют следующие: «толерантность» – 42 ответа; «уважение к окружающим людям» – 18; «тактичность» – 17; «сдержанность» – 12; «уважение к старшим» – 12. К единичным ответам этой группы, например, отнесены «дружелюбие», «доброжелательность», «самообладание» и прочие.

При определении качеств культурного человека студенты придают большое значение стремлению к саморазвитию – 22% респондентов. Стремление к саморазвитию отмечается в ответах двух групп ответов: «стремление к саморазвитию», «стремление к духовному развитию». Небольшое отличие этих групп ответов все-таки есть. Если в более общей группе «стремление к саморазвитию» преобладают ответы типа «грамотность», «образованность», «интеллектуальность», то в группу «стремление к духовному развитию» объединены ответы, касающиеся знаний литературы, искусства, истории своей страны.

Следующая группа ответов также касается образованности. В ответах этой группы объединены всевозможные синонимы и характеристики грамотной речи. Эта группа ответов хорошо обособлена от других групп. Отметим, что среди важных качеств культурного человека студенты выделили «готовность прийти на помощь».

По результатам опроса студентов можно сделать вывод, что студенты достаточно адекватно определяют характеристики культурного человека. Тем не менее, наблюдения показывают, что в обыденной жизни сами студенты далеко не всегда придерживаются правил поведения, которые сами же определили как характеризующие культурного человека.

При оценке культурного поведения человека был использован принцип «от противного». В соответствии с этим принципом в анкету был включен следующий вопрос: «Приведите характерные, по Вашему мнению, примеры бескультурного поведения окружающих». В результате типологии ответов выделены 12 групп ответов (рис. 2).

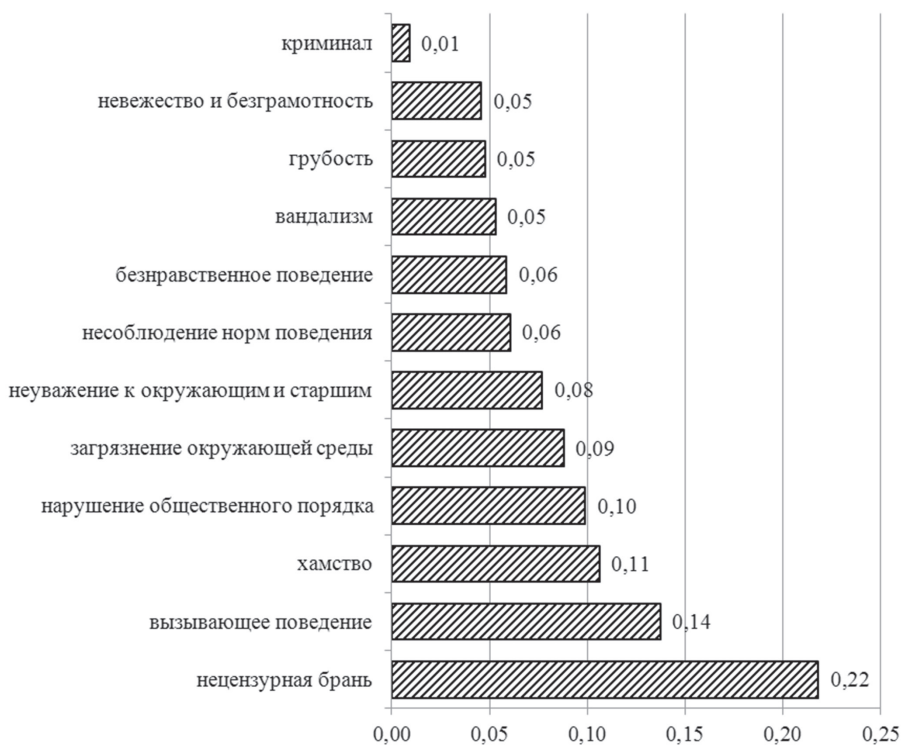

Рис. 2. Структура ответов студентов по оценке некультурного поведения

Нецензурная брань выделена студентами как наиболее распространенное проявление бескультурья. Под нецензурной бранью понимается употребление в речи ненормативной лексики. Следует признать, что использование нецензурной лексики принимает все большее распространение в обиходной речи, это прямой признак снижения грамотности: все многообразие языка сводится к употреблению небольшого набора слов. К сожалению, люди, которые не используют подобные слова, стараются не замечать употребление их другими людьми. В последнее время нецензурная брань проникла в сферы, которые должны формировать культуру: кино, литературу и прессу. Попытки вводить запретительные меры находят много противников, которые считают их бесполезными и даже недемократичными.

По мнению автора, оставлять проблему без внимания тоже нельзя. Если невозможно распространить запретительные меры на все население, то запретить использование ненормативной лексики на государственных предприятиях вполне возможно. Поскольку студенты придают такое значение использованию ненормативной лексики при оценке проявления бескультурного поведения, то почва для борьбы с данным явлением существует. Необходимо осуществить переход от пассивной позиции – не «обращать внимания» – к осуждению обществом. Некультурное поведение не так безвредно, как могло бы показаться. Чаще всего оно оскорбляет и унижает достоинство окружающих людей.

Среди факторов проявления бескультурного поведения есть и такие, с которыми возможна борьба законодательными мерами. Меры наказания за загрязнение окружающей среды и вандализм должны быть ужесточены. Современные технологии могут помочь выявлять нарушителей. Главное – обеспечить равенство всех людей перед законом.

Чтобы выработать какие-нибудь методы борьбы с проявлением некультурного поведения, необходимо знать места, где население чаще всего встречается с таким явлением. В своих ответах студенты указали девять сфер, в которых чаще сталкиваются с проявлением бескультурья (рис. 3).

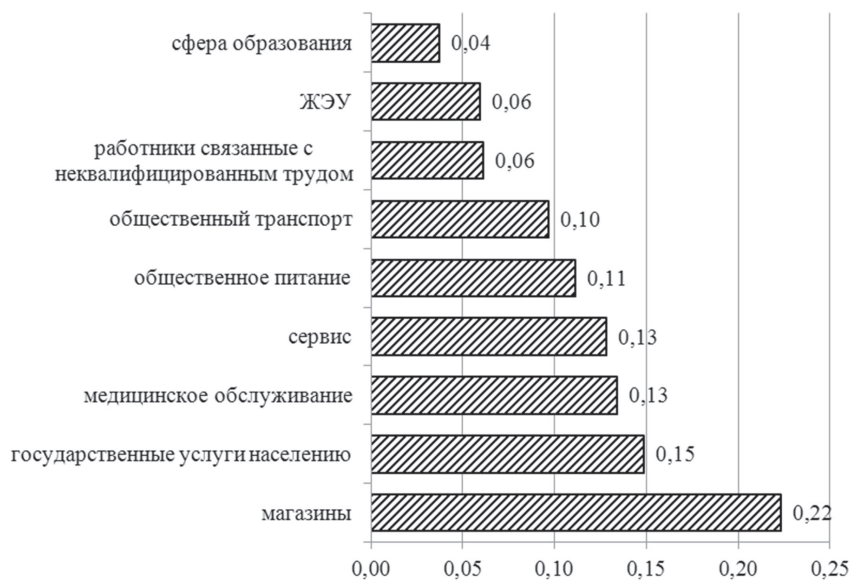

Рис. 3. Сферы деятельности, в которых наиболее распространены проявления бескультурного поведения

Если сфера торговли (магазины) является вполне ожидаемым ответом, то другие сферы требуют более пристального внимания со стороны органов власти, в частности, некультурное поведение в органах самой власти. Среди государственных органов наибольшего нарекания вызывают правоохранительные органы (полиция) и Почта России. Сфера медицинского обслуживания также вошла в тройку лидеров по проявлению бескультурного поведения. Невнимательное отношение к людям

в сфере медицинского обслуживания, к сожалению, стало нормой для российского общества. Другими словами, сферы, которые должны быть образцом культурного поведения, на деле вызывают наибольшие нарекания. Люди заранее ожидают встретиться здесь с проявлениями бескультурья и унижения достоинства. Заметим, что молодое поколение реже, чем другие возрастные категории, сталкивается с государственными службами и медициной. Это должно стать серьезным сигналом для руководителей, занятых в этих сферах.

Студенческий возраст – возраст, когда закладывается культурный фундамент личности. Молодежь не обременена многими заботами более старшего поколения, в этом возрасте люди, как правило, чаще посещают всевозможные культурные мероприятия.

В анкетном опросе была предпринята попытка выяснить, в какой степени студенческая молодежь занимается развитием своего культурного уровня.

Отношение студентов к театральному искусству оценивалось с помощью следующего вопроса: «Когда в последний раз Вы были в театре и какую постановку смотрели?». По нашему мнению, требование указать название постановки должно было повысить достоверность результатов.

Уклонились от ответа на этот вопрос или честно указали, что в театре никогда не были, 18% студентов. Все остальные ответы респондентов, представленные в свободной форме, мы классифицировали на восемь групп (рис. 4). Студентов, которые дали ответы, попавшие в первые три группы ответов («менее двух месяцев назад», «около полугода назад», «около года назад»), можно считать более-менее регулярно посещающими театры. Доля таких студентов составляет 46% от числа респондентов.

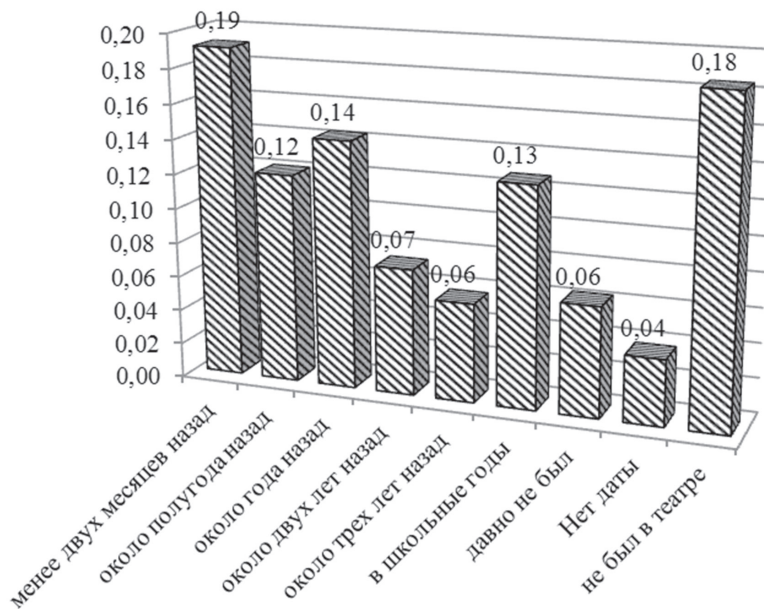

Рис. 4. Оценка посещаемости театров студентами

Несмотря на видимое благополучие по посещению молодыми людьми театров, в процессе общения со студентами было выяснено, что они чаще всего мало разбираются в этом виде искусства.

В большей степени, чем театром, студенты интересуются концертами современных эстрадных исполнителей. Для оценки интереса к посещению концертов мы задавали следующий вопрос: «Когда последний раз Вы были на концерте, назовите исполнителя?». Схема обработки ответов респондентов на этот вопрос аналогична схеме обработки данных вопроса по посещению театров, то есть, мы сгруппировали ответы по тем же временным группам. Уклонились от ответа на этот вопрос или честно указали, что на концертах никогда не были, 24% студентов.

Относительно регулярно посещают концерты 49% из числа опрошенных студентов (ответы, попавшие во временные категории: «менее двух месяцев назад», «около полугода назад», «около года назад») (рис. 5).

Анализ результатов опроса показал, что распределения ответов относительно посещений театров и концертов достаточно сходны. Около 5% студентов не посещают ни театры, ни концерты. Отличие в ответах по посещению театров и концертов есть. Если при ответах о посещении театра студенты далеко не всегда могли вспомнить название спектакля, то в ответах о посещении концертов практически везде указывался исполнитель. Это свидетельствует о том, что впечатление от посещений концертов у студентов гораздо ярче, чем от посещения театров.

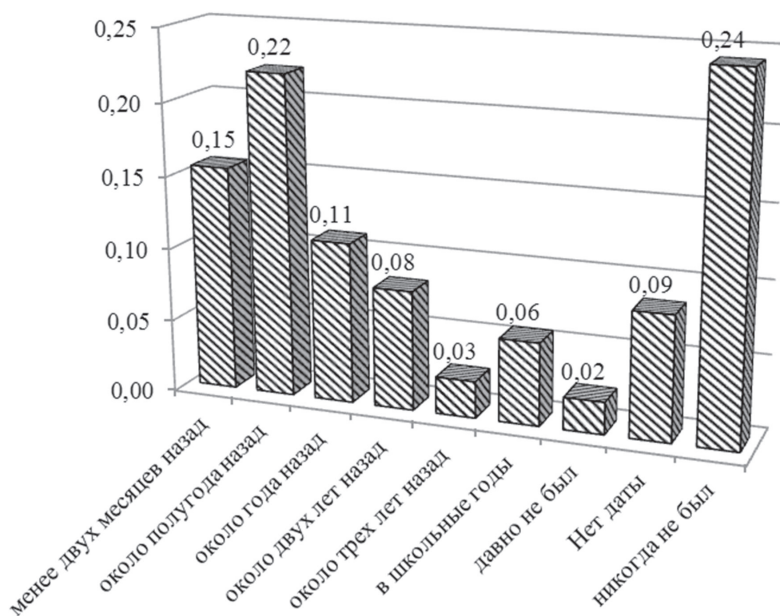

Рис. 5. Оценка посещаемости концертов студентами

Интерес к культурной жизни города проявляется в посещении таких культурных мероприятий, как творческие выставки. Для оценки интереса к культурным мероприятиям города мы включили вопрос: «Когда в последний раз Вы были

на творческой выставке и укажите тематику выставки?». Уклонились от ответа на этот вопрос или честно указали, что творческие выставки никогда не посещали, 37% студентов (рис. 6).

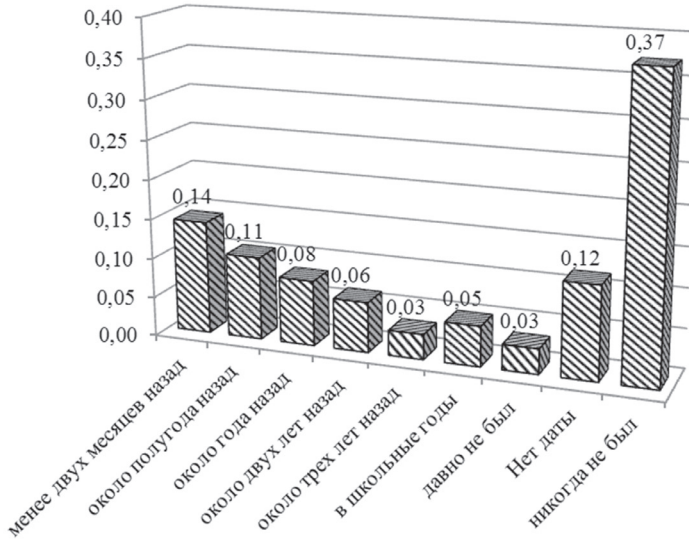

Рис. 6. Оценка посещаемости творческих выставок студентами

Интерес к посещению выставок проявляют около 30% студентов («менее двух месяцев назад», «около полугода назад», «около года назад»). При ответах на этот вопрос студенты указывали самый широкий спектр выставок, но все-таки чаще это были выставки художников. Ответы студентов показали, что они очень мало знают художников Приморского края, хотя в Приморском крае работает союз известных художников.

Однако познания в области живописи студенты больше черпают не в результате посещения выставок. Русских художников-классиков многие помнят по иллюстрациям в учебниках из школьной программы. В настоящее время у студентов есть очень большие возможности для знакомства с мастерами живописи посредством Интернета. Высокое разрешение современных электронных устройств позволяет просматривать произведения художников со всего мира в высоком качестве.

Надо признать, что просматривание изображений на компьютере или планшете гораздо больше привлекает молодое поколение, чем чтение текстов. Среди молодежи очень распространено увлечение просмотром фотографий пейзажей и памятников культуры. Познания студентами произведений художников мы оценивали с помощью вопроса: «Произведения каких известных художников России и мира вам больше всего нравятся?». Около 15% студентов ответили, что художниками и живописью не интересуются или отказались от ответа. Многие студенты указывали сразу несколько художников. Поэтому частоты встречаемости различных художников в ответах студентов мы рассчитывали без учета студентов, не интересующихся темой изобразительного искусства. Всего в своих ответах студенты указали

79 известных художников мира. Для удобства анализа мы сгруппировали имена указанных в ответах художников в 8 групп (табл. 1). Популярность различных групп художников мы оценивали по частоте их встречаемости в ответах (рис. 7).

Таблица 1

Распределение художников по направлениям изобразительного искусства

№ пп	Направление изобразительного искусства	Количество художников	Наиболее часто встречались
1	Русские классики	26	Шишкин И.И. Айвазовский И.К. Васнецов В.М. Репин И.Е.
2	Золотой век	9	Леонардо да Винчи Микеланджело Рафаэль Санти Рембрандт
3	Импрессионисты XIX века	8	Клод Моне Ван Гог Поль Гоген Ренуар
4	Родоначальники современной живописи (зарубежные)	4	Сальвадор Дали Густав Климт Пабло Пикассо Энди Уорхол
5	Родоначальники современной живописи (отечественные)	4	Малевич К.С. Кандинский В.В. Рерих Н.К. Шагал М.З.
6	Современная живопись (отечественная)	15	Сафронов Н.С. Шилов А.М. Гусев В. Чернигин А.А.
7	Современная живопись (зарубежная)	12	Эдгар Мюллер Базелиц Георг Альфонс Мариа Муха Майк Даргас
8	Иконопись	1	Андрей Рублев

Среди известных художников, работы которых больше всего нравятся студентам, больше всего были отмечены классики XIX века (52%): И.К. Айвазовский, И.И. Шишкин, И.И. Левитан, В.И. Суриков, В.М. Васнецов, И.Н. Крамской. Выделяя русских классиков, студенты не блещут оригинальностью: чаще такие познания живописи черпаются не в Третьяковской галерее, а по иллюстрациям школьных учебников и конфетным оберткам. Может быть, только художник И.К. Айвазовский попал сюда как любимый в крае маринист.

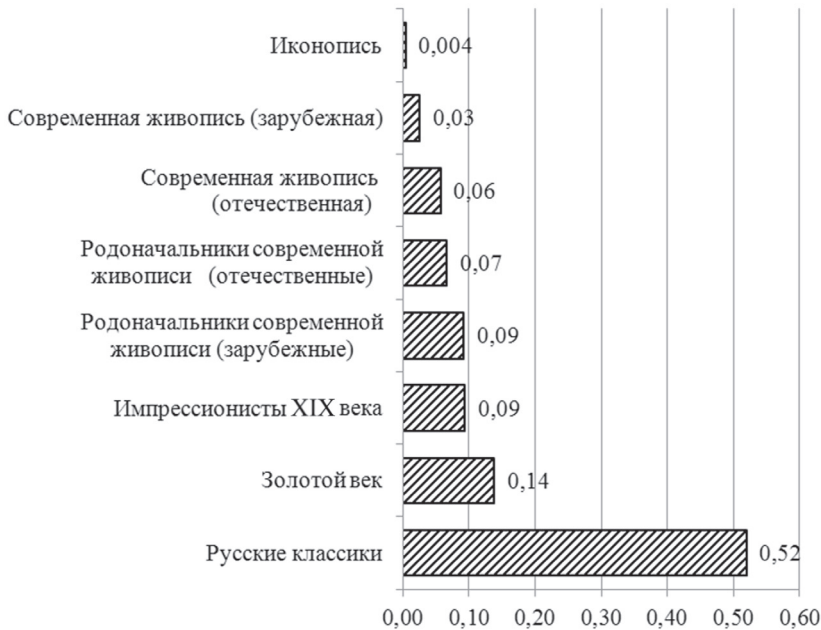

Рис. 7. Частота встречаемости направлений изобразительного искусства в ответах студентов

В своих ответах студенты не обошли вниманием художников Золотого века (встречаются в 14% ответов): имена самых ярких представителей Золотого века постоянно мелькают в средствах массовой информации: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль Санти, Рембрандт.

Среди европейских художников XIX века выделены родоначальники импрессионизма: Клод Моне, Винсент Ван Гог, Поль Гоген (9%). Среди художников XX века лидируют представители абстрактной живописи начала века (27%): Пабло Пикассо и Сальвадор Дали. Среди русских представителей абстрактной живописи начала XX века называли К.С. Малевича и В.В. Кандинского. Представителей современной живописи (зарубежных и отечественных) указали 9% студентов, но в этих категориях наблюдается наибольшее разнообразие имен художников. Контингент студентов, разбирающихся в современной живописи, можно признать продвинутым в своих познаниях изобразительного искусства. В современной живописи молодое поколение чаще интересуется художниками-графиками и художниками, работающими в жанре фэнтези.

С целью исследования посещения студентами культурных мероприятий в анкете использовались еще два вопроса, требующих числового ответа:

- «Сколько раз в год Вы посещаете музеи, выставки, театры?»;
- «Сколько раз в год Вы посещаете концерты?».

Частотные ряды ответов респондентов представлены на рис. 8.

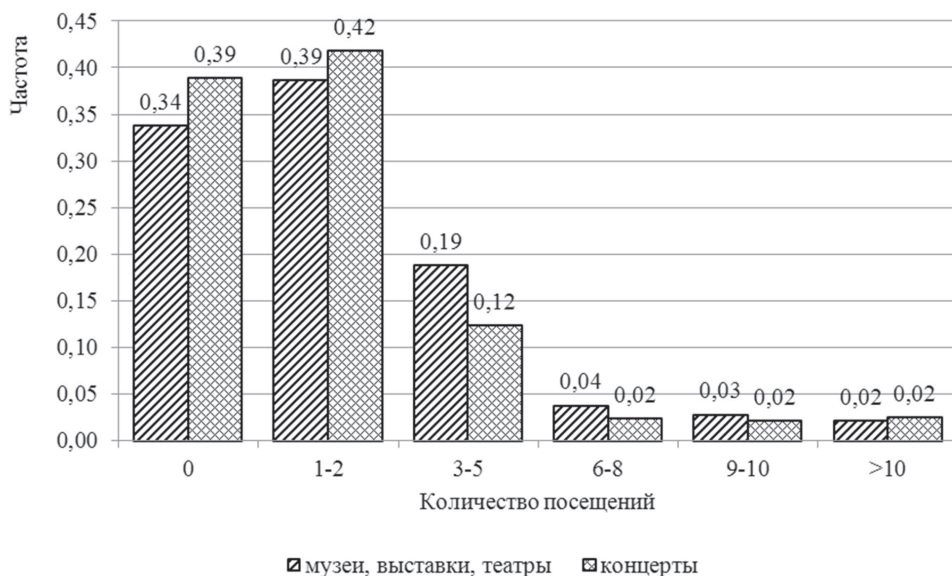

Рис. 8. Частота посещаемости культурных мероприятий студентами

Не посещают культурные мероприятия от 35 до 40% респондентов. Большая часть студентов посещают культурные мероприятия 2–3 раза в год (около 40%), достаточно часто посещают культурные мероприятия (более 5 раз в год) около 10%. В среднем студенты посещают культурные мероприятия 4 раза в год. В том же опросе был задан вопрос по желаемому количеству посещений различных культурных мероприятий. Студенты отвечали, что хотели бы посещать культурные мероприятия в три раза больше, чем им удается это делать сейчас.

Необходимо отметить, что во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса студенты обладают достаточно широкими возможностями посещения концертов и выставок художников. При университете работает крупный концертный зал, оснащенный самым современным оборудованием, на постоянной основе проводятся выставки приморских художников. Однако посещаемость выставочной галереи при университете крайне низкая, может быть, из-за недостаточно поставленных рекламных кампаний.

Для повышения культурного уровня студентов необходимо, чтобы преподаватели культурологии больше интересовывали молодежь творчеством художников, работающих на территории Приморского края, организовывали коллективные посещения выставок и встречи с художниками. По мнению автора, желательно организовывать и коллективные посещения театров и выставок с дальнейшим обсуждением на специальных предметах. Обсуждения должны быть включены в программы преподавания специальных дисциплин. Преподаватели других дисциплин также могли бы внести свой вклад в популяризацию в молодежной среде посещений различных культурных мероприятий города. Но в настоящее время преподаватели так загружены в учебном процессе, что и сами далеко не всегда участвуют в культурной жизни города.

Чтение художественной литературы является неотъемлемой составляющей культурного человека. Исследования социологов показывают падение интереса к чтению литературы в молодежной аудитории [2; 22]. Многие молодые люди сегодня выбирают другие формы проведения досуга, не осознавая, что фактически обкрадывают себя, не уделяя времени на общение с книгой. Литература – это хранилище жизненного опыта многих поколений людей. У молодых людей нет понимания, что книга является важнейшим путеводителем в жизни. Сталкиваясь с затруднительными ситуациями в жизни, мало читающий человек не всегда может найти достойный выход. Он не понимает, что ответы разрешения большинства жизненных проблем даны задолго до его рождения. Лучше учиться на чужих ошибках, чем переживать последствия неверных поступков. Хорошая книга – это маленькая жизнь. Читающий человек проживает в течение одной своей жизни множество жизней. Книга учит умению переживать и сопереживать. Чтение развивает образное мышление и творческие возможности в любой сфере деятельности. Без чтения не может быть и грамотной речи.

Для исследования отношения молодежи к чтению художественной литературы мы использовали следующий вопрос анкеты: «Укажите любимого автора(ов) художественной литературы». Уклонились от ответа на этот вопрос или указали, что не читают художественной литературы, 4% студентов. Всего в своих ответах студенты указали 150 известных писателей мира. Для удобства анализа мы распределили всех указанных писателей по 7 группам. Каждая группа включает писателей, представляющих самые различные литературные жанры (табл. 2). Кроме того, в таблице указаны имена писателей, которые чаще других встречались в ответах студентов в разрезе направлений литературы (групп).

Таблица 2

Распределение писателей в ответах студентов по направлениям литературного творчества

№ п/п	Направление художественной литературы	Количество писателей	Наиболее часто встречались
1	2	3	4
1	Русская классическая литература	32	Пушкин А.С Толстой Л.Н. Достоевский Ф.М. Булгаков М.А.
2	Европейская классическая литература	29	Джек Лондон Эрих Мария Ремарк Джейн Остин Шарлотта Бронте
3	Американская классическая литература	13	Стивен Кинг Рэй Брэдбери Джером Дэвид Сэлинджер Эрнест Хемингуэй

Окончание табл. 2

1	2	3	4
4	Современная американская литература	25	Роджер Желязны Пауло Коэльо Дж. Мартин Чак Паланник
5	Современная европейская литература	17	Джоан Роулинг Стинг Ларссон Айрис Мердок Марк Леви
6	Современная российская литература	23	Довлатов С.Д Пикуль В.С. Заболоцкий Н.А. Минаев С.С.
7	Другие писатели	11	Кодзи Сузуки Рю Мураками Кьюсак Димфна Кейт Нортон

Необходимо различать количество писателей в группах художественной литературы и популярность группы писателей. Популярность группы – это сумма всех упоминаний писателей группы в ответах студентов. Оценку популярности различных групп писателей мы оценивали по частоте встречаемости представителей разных групп писателей во всех ответах студентов (рис. 9).

Преобладающее количество ответов студентов по любимым писателям составляют классики русской литературы (59%). Но не стоит слишком обольщаться столь высоким показателем. По нашему мнению, многие студенты не столько любят классическую русскую литературу, сколько чаще просто не знают других писателей. Скорее исключением из правил являются молодые люди, которые в качестве любимого чтения выбрали таких русских классиков, как Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.С. Грибоедов. По крайней мере, для чтения таких авторов нужна неплохая подготовка. Среди авторов, отнесенных к категории «русская классика», студенты привели также много поэтов, в их числе Ф.И. Тютчев и В.В. Маяковский, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева.

Есть студенты, указавшие писателей, которые первые пришли им на ум. По крайней мере, даже если они и не читают классическую литературу, то хотя бы могут вспомнить имена классиков отечественной литературы. Неправильно утверждать, что современная молодежь совсем не читает русскую классику. Вызывает сомнение, что таких людей выявлен столь высокий процент.

Книги прочих писателей из других категорий, скорей всего, действительно, были прочитаны студентами, включившими их в список своих любимых книг и писателей. Эти авторы не изучаются по программе средней школы. Авторы прочих категорий, за исключением русской классики, составляют 49% ответов, следовательно, более 50% студентов все-таки интересуются художественной литературой и читают книги.

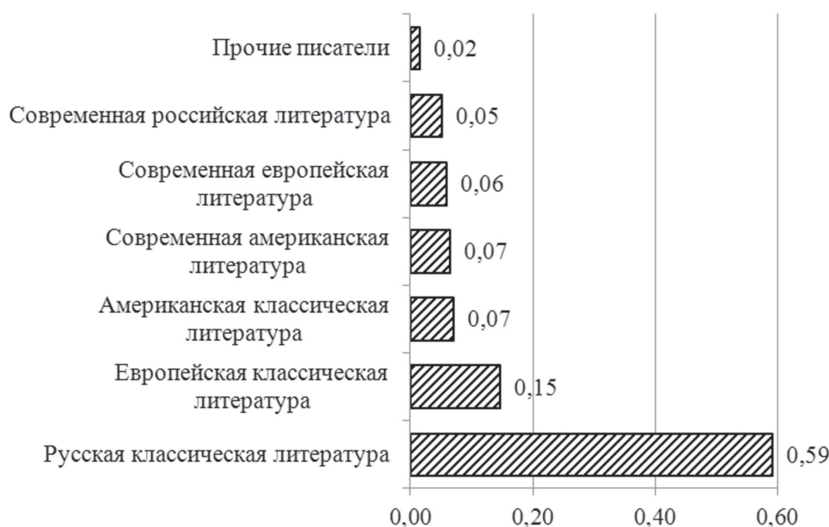

Рис. 9. Частота встречаемости направлений литературы в ответах студентов

Среди писателей, книги которых предпочитает сегодня студенческая молодежь, популярны писатели-фантасты и писатели, пишущие в жанре фэнтези. Это подтверждают и объемы продаж книг этих жанров в торговых сетях.

Жанр фэнтези стал популярным в России после выхода высокобюджетного художественного фильма «Властелин Колец». Сейчас появилось очень много книг подобного жанра [1; 5]. Наиболее популярными отечественными авторами книг в жанре фэнтези являются Ник Перумов, В.О. Пелевин, Н. Воронцов, С.В. Лукьяненко. Среди зарубежных писателей фэнтези кроме Дж. Р.Р. Толкина пользуются популярностью книги Мартина Скотта, Мерседес Лэки. Предпочитая чтение ненаучной фантастики, фэнтези, мистики, различных вампирских саг, молодые люди пытаются уйти от окружающей действительности. Молодежь привлекают активные действия, необычный сюжет с непредсказуемым финалом. Существует мнение, что на выбор студентов оказывает влияние увлечение компьютерными играми с их нереальными героями, большое представительство этого жанра в зарубежных художественных фильмах. Многие молодые люди после просмотра фильма желают прочитать книги авторов, по которым поставлен той или иной фильм. В настоящее время появилось множество писателей, которые, следуя современным веяниям, стараются угодить вкусам массового читателя. Нельзя недооценивать моду на чтение, бытующую в молодежных сообществах: «Если ты не читал какую-то популярную книгу, то ты отсталый человек, тебе не о чем поговорить со сверстниками».

Как и во все времена, определенная часть представительниц женского пола предпочитает читать любовную лирику. Такие книги они находят во всех выделенных категориях. Детективный жанр тоже не обойден вниманием молодежи. Но здесь надо отдать должное, что молодежь предпочитает классиков детективного жанра огромному количеству книг современных писательниц детектива. Отчасти можно согласиться с распространенным мнением, что современная молодежь

мало читает, особенно, если сравнивать современный период со второй половиной XX века. Сейчас мы уже не можем похвалиться, что россияне самая читающая нация. Однако самые последние исследования социологов показывают, что российские студенты читать стали больше произведений художественной литературы. Это мнение подтверждается и последними опросами, проводимыми Фондом общественного мнения (ФОМ).

Оценка времени, уделяемого чтению художественной литературы, была произведена по данным другого анкетного опроса студентов. Такой вопрос изучался нами в анкетном опросе по исследованию структуры времяпрепровождения студентов. Опросы по данной анкете мы проводим ежегодно с 2014 г. Ежегодно опрашивалось от 200 до 300 студентов. Для оценки структуры распределения времени, уделяемого студентами чтению художественной литературы, мы использовали данные опросов, проводившихся в два периода с разницей в десять лет: период 2004–2005 гг. и период 2015–2016 гг. (рис. 10).

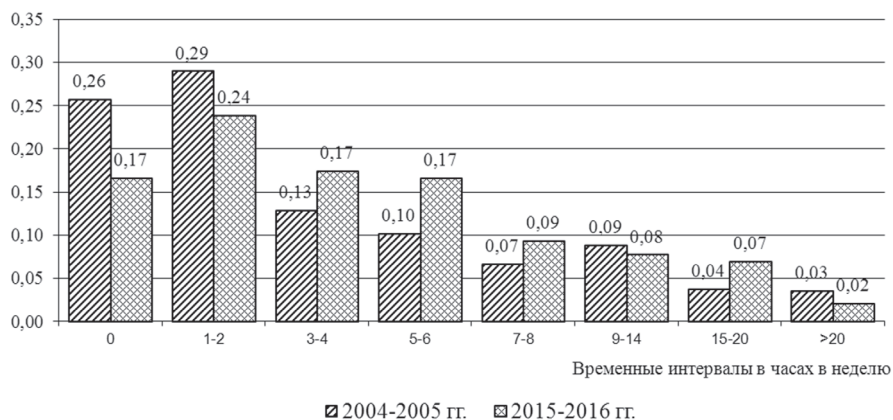

Рис. 10. Распределение времени, уделяемого студентами чтению художественной литературы

Наши исследования подтверждают, что в последние годы время, уделяемое студентами чтению художественной литературы, заметно возросло. Если в период 2004–2005 гг. студенты в среднем читали 4,5 часа в неделю, то в 2015–2016 гг. – в среднем 5,3 часа в неделю.

Снизилось почти на 10% количество студентов, которые вообще не читают художественную литературу, и увеличилось количество студентов, которые читают художественную литературу более двух часов в неделю. Мы объясняем это распространением эры электронных книг. Электронные книги читаются с помощью специальных устройств, которые называются «ридер» или «ebook». Это специальное устройство, предназначенное для чтения больших объемов информации. Не надо путать устройство «электронная книга» и устройство «планшет». У него другие функции.

В последнее время среди молодежи наблюдается рост популярности устройств для чтения электронных книг. В первую очередь, это связано с тем, что в память

таких устройств можно загрузить целую библиотеку и не обременять себя лишним грузом. Такие устройства весят немного и легко помещаются в сумку. Глаза при чтении книг на таких устройствах (если они на электронных чернилах) мало устают. Сейчас даже в школах используют подобные устройства. В Интернете можно найти множество электронных текстов книг, которые можно загрузить в свое устройство для чтения книг. Молодежь часто обменивается файлами понравившихся книг. Тем не менее печатная книга не потеряет своей актуальности никогда: хочется иногда подержать в руках настоящую книгу, многим ласкает глаз полка с любимыми книгами.

В заключение нашего анкетного опроса мы интересовались препятствиями, которые видят студенты на пути своего культурного развития: «Назовите основные препятствия на пути вашего культурного развития и раскрытия Вашего творческого потенциала?». При этом студентам предлагалось разделить внешние и внутренние препятствия. Это открытые вопросы и для их обработки использовалась указанная выше технология обработки качественных данных.

По ответам студентов было выделено шесть групп внешних препятствий (рис. 11). Главным препятствием на пути своего культурного развития студенты считают влияние внешней среды (32%). В своих ответах студенты отмечают свою зависимость от мнения окружающих: одноклассников, друзей, членов семьи. Некоторая часть респондентов видит причину сдерживания приобщения к культурным ценностям в отсутствии единомышленников и соответствующей компании. Другие студенты отмечают непонимание окружающих к их устремлениям.

Рис. 11. Оценка структуры внешних препятствий на пути культурного развития

Достаточно большое количество респондентов в качестве сдерживающего фактора отметили высокие цены на билеты на концерты, театральные постановки и другие культурные мероприятия (24%). Некоторые выделили высокие цены на посещение развивающих курсов и кружков, которые они хотели бы посещать

с целью повышения своего культурного уровня. Однако такая причина часто служит оправданием собственной безынициативности. Студенческая молодежь имеет достаточно льгот на посещение культурных мероприятий. Конечно, хотелось бы иметь еще больше таких льгот, вплоть до адресной финансовой поддержки со стороны местного бюджета.

Значительная часть опрошенных студентов считает, что их возможности ограничены общим уровнем развития культуры в регионе и отдаленностью от культурных центров страны (16%). Недалеко от ответов этой группы лежат такие, в которых утверждается, что студенты не могут найти культурные мероприятия, отвечающие их вкусам; из-за низкого уровня культурных мероприятий, проводимых в краевом центре (11%). Около 9% опрошенных считают, что в г. Владивостоке недостаточно культурных объектов (театров, музеев, выставочных комплексов и пр.). Некоторые отмечают, что в городе стало существенно меньше книжных магазинов, что совершенно справедливо.

В качестве наименьшей оценки по значимости среди прочих причин студенты указали влияние массовой культуры (телевидение, средства массовой информации). Отдельные студенты отмечают негативное влияние Интернета. Хотя такие ответы встречаются реже, чем другие, нельзя недооценивать их влияния на становление культуры молодого поколения. Телевидение в массовом количестве демонстрирует низкопробные сериалы. Нельзя согласиться со многими деятелями средств информации, утверждающими, что в демократическом обществе должен быть выбор того, что читать и смотреть. Во-первых, выбора становится все меньше из-за засилья низкопробной продукции, во-вторых, никто не отменял воспитательной функции средств массовой информации.

Среди внутренних причин, сдерживающих культурное развитие, на первое место студенты ставят отсутствие времени (28%) (рис. 12). Отчасти такая причина имеет место, многие студенты вынуждены сегодня совмещать учебу и работу.

Рис. 12. Оценка структуры внутренних препятствий на пути культурного развития

Последний опрос студентов показал, что более 50% студентов помимо учебы еще и работают. Среди работающих студентов немало таких, которые получают заработную плату выше средней по региону. Чаще всего трудовая деятельность студентов не связана с будущей профессией.

Вторую причину в качестве препятствия культурному развитию студенты называют собственную лень (22%). И только на третьем месте стоит причина нехватки денежных средств. Занятость другими делами воспринимается близкой с причиной нехватки времени. Но в эту группу объединялись ответы, в которых указывались конкретные причины, например, занятия спортом, уход за маленькими детьми, хобби и прочие.

Немало студентов (10%) отметили, что культурному развитию мешают собственные черты характера, такие, как стеснительность, скромность, неуверенность в себе, замкнутость и прочие. Низкую базовую подготовку в качестве причины привели 2%.

Вызывает беспокойство категория студентов, ответивших, что их вообще не интересует проблема собственного культурного развития и они имеют другие жизненные приоритеты (11% опрошенных).

Выявление и систематизация мнений студентов по причинам, препятствующим культурному и творческому развитию, являются важнейшими этапами проведенного исследования. Анализ результатов исследования чрезвычайно важен для выработки управленческих решений, способствующих развитию культурной составляющей в молодежной среде.

Выводы

Современная молодежь живет своей отдельной от взрослых жизнью. Интересы молодежи, ценностные ориентиры и культурные запросы очень сильно отличаются от интересов предыдущих поколений. В сложный период становления новой экономики в нашей стране многие семьи были вынуждены заниматься проблемой выживания, а не воспитания подрастающего поколения [16].

На выбор действий молодых людей по формированию своего культурного уровня большое влияние оказывают приверженность к групповым интересам и стереотипам, следование моде, диктуемой лидерами молодежного сообщества. Однако лидерство, как правило, основывается на позициях отрицания. С одной стороны, без отрицания не может быть создано ничего нового, но, с другой стороны, отрицание, преследующее только цель подняться и выделиться в рамках некоторого обособленного сообщества, далеко не всегда полезно для общества в целом. Реклама и средства массовой информации часто в интересах привлечения молодежной аудитории подхватывают модные тенденции, а следовательно, содействуют их продвижению, невзирая на то, что несет мода – пользу или вред. Главным стало получение прибыли, а не развитие духовных ценностей.

Для повышения культурного уровня молодежи средства массовой информации, в первую очередь телевидение, должны содействовать развитию культурного вкуса в обществе и в молодежной среде в частности. Подражание не лучшим образцам американизированных культурных стандартов не способствует развитию у российской молодежи собственной культурной идентификации.

Окунаясь во взрослую жизнь, молодые люди видят, что часто добиваются успеха эгоистичные и циничные, не считающиеся со средствами люди. В настоящее время студенческая молодежь часто жалуется на то, что они не могут самореализоваться из-за нехватки денежных средств. Это служит одной из причин ухода от реальной жизни в виртуальное пространство. Студенчество, в своей массе, никогда не имело достаточно денег, но раньше никто сильно не переживал по этому поводу. Сегодня картина изменилась. Стремление обрести финансовую свободу превалирует над стремлением к самосовершенствованию. Поэтому многие студенты совмещают учебу в университете с работой, несмотря на то, что часто работа мешает получению качественного образования и культурному развитию.

В современном российском обществе нарастает осознание всей важности проблемы культурного воспитания молодежи [19; 21]. Выявление и структуризация проблем, стоящих на пути культурного становления молодежи, определяют приоритеты их разрешения и способствуют поиску эффективных механизмов воздействия на молодежное сообщество с целью формирования качеств, необходимых для того, чтобы отвечать на новые вызовы современности.

-
1. Батурин Д.А. Виртуальная реальность фэнтезийного неомира // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. Т. 38, № 2 (38). С. 66–69.
 2. Батюк Э.А. Что читает молодежь? Результаты исследования // Библиотечное дело. 2014. № 9 (219). С. 25–26.
 3. Бурлов А.В., Татарова Г.Г. Метод неконечных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1997. № 9. С. 5–31.
 4. Воронина Г.А., Рыбина М.А. Досуг и свободное время студентов // Альманах современной науки и образования. 2010. № 3–1. С. 143–146.
 5. Гоголева С.А. Философия жанра фэнтези // Наука и образование. 2014. № 3 (75). С. 42–44.
 6. Дорофеев А.А. Повседневная культура студенческой молодежи как междисциплинарная проблема // Педагогика. Общество. Право. 2015. № 1 (13). С. 92–96.
 7. Елишев С.О. Приоритетные направления и проблемы в осуществлении государственной молодежной политики в Российской Федерации // Вестник Российской Федерации. 2013. Т. 6, № 6 (32). С. 186–198.
 8. Исачкин С.П. Место и роль России в мировой культуре // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 229–233.
 9. Коленькова М.А. Досуговая культура российских студентов // Сервис в России и за рубежом. 2015. Т. 9. № 4 (60). С. 51–59.
 10. Крикунова В.А. Молодежная политика в современной России: понятия, субъекты, факторы формирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 277–283.
 11. Круглова Л.К. Идея о человекотворческой функции культуры как методологическая основа развития культурологии // Universum: Вестник Герценовского университета. 2014. № 2. С. 18–21.

12. Луков М.В. Обыденная культура и культура повседневности // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 199–203.
13. Лысенко Н.Н. Система образования и «модели культурного человека» // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2012. № 5 (5). С. 148–154.
14. Любина О.Н. Основные функции культуры и их роль в формировании инновационного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 5. С. 70–73.
15. Мартышенко Н.С. Современные тенденции изменения структуры времяпрепровождения студентов // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1 (47). С. 112–116.
16. Мартышенко С.Н. Исследование процессов, влияющих на качество жизни на территории Приморского края // Фундаментальные исследования. 2014. № 3–3. С. 555–559.
17. Мартышенко С.Н. Оценка и анализ миграционных настроений в студенческой среде Приморского края // Информационные технологии моделирования и управления. 2014. № 6 (90). С. 467–479.
18. Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С. Современные методы обработки маркетинговой информации. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 148 с.
19. Современный человек в социальном, духовном и информационном пространстве / Мартышенко С.Н., Понькина А.М., Бавбекова И.А и др. М.: Перо, 2015. Кн. 4. – 124 с.
20. Мягченко Г.Ю. Повседневная культура в контексте образа жизни // Аналитика культурологии. 2005. № 3. С. 195–198.
21. Самойленко Г.Ю. Маркетинг взаимоотношений организаций культуры: общая модель структурирования и анализа информации (модель LEGENDS) // Практический маркетинг. 2017. № 1 (239). С. 17–23.
22. Слещова Ю.А. Литературные предпочтения молодежи в современном обществе // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15. С. 192–196.
23. Ткаченко В.В. Системы управления в сфере государственной молодежной политики Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–1. С. 179–181.
24. Чебанюк Т.А. Теория культуры в структуре культурологического знания // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2014. Т. 2, № 4 (20). С. 52–54.
25. Martyshenko S.N., Egorov E.A. Information technology for increasing qualitative information processing efficiency // Journal of Modern Applied Statistical Methods. 2011. Vol. 10, № 1. P. 207–213.

© Н.С. Мартышенко, 2017

Для цитирования: Мартышенко Н.С. Маркетинг-менеджмент культурных потребностей в студенческом социуме Приморского края // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 130–151.

For citation: Martyshenko N.S. Marketing management of cultural needs in the student society of Primorye Territory // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 130–151.

Дата поступления: 27.01.2017.

Т.И. Леонтьева¹

С.Н. Котенко²

Владивостокский университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Особенности обучения иностранному языку поколения Z: традиции и новаторство

Современная педагогика учитывает быструю смену поколений обучающихся и отличительные особенности разных возрастных групп. Одним из первых ученых, который начал исследовать определенные расхождения между поколениями и предложил свою характеристику и интерпретацию представителей различных поколений, был австралийский ученый Мак Криндел. Он исследовал репрезентатов временного цикла, охватывающего восемьдесят лет. В отечественной науке теорию поколений развивают учёные Е. Шамис, А. Антипов, М. Сандомирский и др.

В данной статье авторы предлагают свою классификацию поколений, согласно которой современные студенты начального этапа обучения в высших учебных заведениях относятся к поколению Z. Рассматриваются проблемы, связанные с обучением английскому языку именно этой группы студентов. Авторы выдвигают собственную точку зрения на датировку поколений, освещают основные социопсихологические характеристики студентов нашего времени и предлагают методику работы с художественным текстом, направленную на преодоление трудностей в изучении английского языка с точки зрения психолингвистического подхода. Наблюдения показывают, что представители поколения Z ощущают самоизоляцию и десоциализацию, испытывают трудности при командной работе, что впоследствии может создать препятствия в карьерном продвижении.

Авторы предлагают свой подход к обучению студентов, относящихся к этой группе, направленный на устранение самоизоляции и десоциализации. Особое внимание обращается на сочетание традиционных и современных методов преподавания и развитие способности поколения Z работать в команде, участвовать в дискуссиях, принимать решения, а также готовить презентации для выступления перед коллективом всей группы.

Ключевые слова и словосочетания: теория поколений, десоциализация, коммуникативные компетенции, информационно-компьютерные технологии, «клиповое мышление», интерактивные креативно-творческие упражнения.

¹ Леонтьева Тамара Ивановна – канд. пед. наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Института иностранных языков; e-mail: tamara.leontieva@gmail.com.

² Котенко Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Института иностранных языков; e-mail: svetlana.kotenko@vvsu.ru.

T.I. Leontieva
S.N. Kotenko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Peculiarities of teaching English to “Generation Z”

Modern pedagogy concentrates on a rapid change of generations and differences between them. The first scholar who paid attention to those differences was McCrindle (Australia). He offered a theory of cyclic change of generations within 80 years. Russian scholars Ye. Shamis, A. Antipov, V. Sandomirsky are developing his theory. In this exploratory study the authors offer their own division of generations according to which today's students of the first and second years of universities belong to Generation Z because they have grown up gadgeted and computerized. The authors argue that Generation Z is not socialized; its representatives have formed short-range memory and a syndrome of loneliness. They cannot work in teams which fact may eventually ruin their careers. The presentation offers a qualified approach to teaching Generation Z students to the aspect “Home Reading” with the view to eliminating the above drawbacks. Basic attention is paid to forming communication competences, critical thinking, ability to participate in collective discussions, and a skill of taking decisions. A complex of English language teaching techniques for socializing students, developing universal values in them is presented. A combination of traditional and innovative forms of teaching brings the intellectual potential of Generation Z to perfection and eventually results in linguistic and professional competence.

Keywords: theory of generations, desocialization, communicative competence, information technology, “clip thinking”, creative exercises, interactive forms of communication.

Психолого-педагогические и социологические исследования в настоящее время все больше сосредоточиваются на быстрой смене поколений и вполне ощутимой разнице между ними. Человеческое общество стремительно меняется в результате развития новых технологий и ресурсов. Первыми учёными-создателями теории поколений, основанной на технологических принципах, а не на традиционных описаниях различий, являются американские исследователи Н. Хоув и В. Штраус. Изучая такой феномен, как конфликт поколений, они отмечают тот факт, что «модели поведения людей, принадлежащих к одному поколению, совершенно не похожи на модели поведения представителей поколения другого в пору того же возраста» [10], и предлагают разделить цикл смены поколений, который они определили в 80 лет, на несколько периодов: 1888–1900 (Потерянное поколение), 1901–1924 (Величайшее поколение), 1925–1945 (Молчаливое поколение), 1946–1964 (Бэби-бумеры), 1965–1982 (Поколение X), 1983–2003 (Поколение Y), 2003+ (Поколение Z) [1].

В отечественной науке теорию поколений развивают учёные Е. Шамис, А. Антипов, М. Сandomирский и др., полагая, что, прежде всего, это знание необходимо для создания взаимопонимания между поколениями, для формирования эффективных родительско-детских отношений, для оптимизации обучения нового

поколения, разработки модели взаимодействия и сотрудничества в разных сферах деятельности, т.е. для построения будущего. В 2000 г. был создан сайт RuGenerations и опубликованы ряд статей психологического, социологического и педагогического характера (Е.Р. Исаева, Е.М. Чичуга, О.Г. Федулова, И.П. Дьяченко, Е. Иванкова), в которых утверждается, что тот «промежуток времени, в которое родился тот или иной человек, влияет на его мировоззрение» [5].

В результате изучения имеющихся научных исследований мы пришли к заключению, что границы поколений в России несколько отличаются от тех, которые предложены Н. Хоувом и В. Штраусом. Согласно исследованиям Е.М. Чичуга, имеется следующая градация поколений: 1) *Победители, Строители* – поколение, рожденное в 1900–1922 гг.; 2) *Молчуны*, рожденные в 1923–1942 гг.; 3) *Бэби-бумеры* 1943–1963 гг.; 4) *Поколение X* – 1964–1984 гг.; 5) Поколение «*Миллениум*» (Y) – 1985–2000 гг. и 6) новое *поколение Z*, рожденное с 2001 г. и по настоящее время [9].

В стремительно развивающейся России поколение Z, на наш взгляд, имеет не названные выше даты рождения, а во всех цивилизованных странах это вторая половина 1990-х гг. по 2009 г. включительно. Объяснение этому находим в книге австралийского ученого Мак Криндела “The ABC of XYZ”, предлагающего разделять поколения иначе [14]. За основу он принимает не биологическое, а социологическое разделение, которое составляет не 20, а 15 лет, поскольку каждое поколение вырастает в определенных социальных условиях, имеющих свои собственные, общие именно для этого поколения события, тенденции и формирует типичную только для него картину мира. Такого же мнения в отечественной науке поддерживает Е.Р. Исаева, опубликовавшая статью об обучении студентов первокурсников поколения Z [4]. Позиция Мак Криндела в отношении поколений в Австралии совпадает с российской: сегодняшние первокурсники принадлежат к «цифровому поколению», и мы разделяем мысли автора о необходимости преобразований в работе образовательных учреждений.

Важно отметить, что образование для поколения Z должно стать реальностью всей жизни, а не только периодом получения узкого профессионального образования, т.к. деятельность представителей этого поколения связана с карьерой, предполагающей интерактивную поисковую деятельность [14, с. 16–17]. Данный подход отражен в ФГОС ВО, который включает в себя формирование у обучающихся интеллектуальных, психофизиологических компетенций субъекта, а также компетенций как внутренних образований, актуализируемых в последующей (после обучения) деятельности [3, с. 6]. Целью образовательного процесса или «образовательного континуума», как отмечает И.А. Зимняя, является компетентность. Этому феномену автор дает исчерпывающее определение, в котором обращается внимание на умение решать социально-профессиональные задачи в деятельности на основе полученных знаний и опыта [3, с. 6–7].

Представители поколения Z любознательны, они охотно впитывают новые знания, быстро и легко усваивают информацию, открыты современным технологиям, виртуальной коммуникации и сотрудничеству [5]. Используя современные технологии, они получают доступ к духовному, культурному, социальному много-

образию мира. Где бы они ни находились, они не могут обойтись без технических гаджетов [13, с. 41–50]. К сожалению, как отмечает Мак Криндел, такая зависимость от технологий оказывает негативное влияние на «цифровое поколение». Они предпочитают виртуальное общению живому, ведут малоподвижный образ жизни, проводя большую часть времени за компьютером [14]. Представители этого поколения менее общительны в социальном плане, не хотят взрослеть и принимать на себя ответственность. Постоянно работая с часто меняющимися картинками в компьютере, они развивают в себе так называемое клиповое мышление, т.е. краткосрочную память. Кроме того, увлеченность компьютером ведет к синдрому дефицита внимания и гиперактивности, проявляющемуся в неспособности ориентироваться на что-то конкретное. В результате десоциализации («отгораживания от мира») взрослеющие представители поколения Z не умеют работать в команде, что может негативно повлиять на их будущую профессиональную деятельность [7].

Сегодня формируется новое поколение, для которого необходимо использовать как классические, так и современные формы обучения в высшей школе. Опыт преподавания иностранного языка показывает, что школьники, оказавшись в стенах вуза, демонстрируют определенные языковые компетенции, но испытывают трудности в «формировании и формулировании мысли» [2, с. 26], что свидетельствует о недостаточности развития коммуникативных компетенций. Какие задачи в связи с этим ставит перед собой преподаватель при организации обучения в вузе? Изучив характерные черты поколения Z, мы пришли к выводу, что в большей мере следует уделять внимание информационным компьютерным технологиям, использованию Интернета при обучении. Необходимо также «создание таких условий в аудиторной и внеаудиторной работе студентов, которые способствуют их креативной и творческой деятельности» [6, с. 98].

Для активного развития речевых и коммуникативных компетенций следует формировать критическое мышление студентов поколения Z, развивать умение доказывать свою точку зрения, находить доводы и факты в аргументации [8, с. 11], участвовать в дискуссии, самостоятельно принимать решение.

Методический подход авторов строится на преодолении указанных выше отрицательных черт, присущих современному поколению студентов. Авторы предлагают свою методику при работе с англоязычным текстом на примере рассказа “A Dance I’ll Never Forget” американской писательницы и фотожурналиста, активиста-эколога Х. Хаузер. Автор рассказа знакомит читателя с тем, как строятся дружеские взаимоотношения, осуществляется взаимопомощь в сложных социальных и бытовых ситуациях [12]. Она придает большое значение умению бескорыстно любить и ценить тех, кто тебя окружает, пробуждает интерес к музыке и природе.

Преподавание иностранного языка имеет преимущество перед другими учебными дисциплинами, т.к. язык предоставляет возможность обучающимся общаться на любые темы: бытовые, научные, политические и профессиональные. Обучение иностранному языку включает в себя, в первую очередь, лингвистические компетенции, наряду с которыми не менее важными и значимыми являются социолингвистические, межкультурные, прагматические и социальные компетенции.

С помощью иностранного языка, благодаря аксиологическому подходу, формируется всесторонне развитая личность.

В этих целях на занятиях по английскому языку на первом курсе студентам поколения Z предлагается следующий комплекс упражнений при работе с текстом.

На предтекстовом этапе учебно-познавательной деятельности учитываются потребность обучающихся воспринимать информацию визуальным способом и стремление вырваться за рамки своей внутренней замкнутости.

– Look at the pictures and say what people are doing, where they are and what will happen next.

– Read the title of the text “A Dance I’ll Never Forget” and say what you think it will be about.

– What event of your life will you never forget and why?

Данные упражнения развивают речевые компетенции, помогают мыслить более широко, формулировать общее суждение и настраивают на дальнейшую беседу по предложенной тематике текста. Обращая внимание на детали, студенты преодолевают «клиповость мышления» [7], развивают сосредоточенность.

В качестве текстовых заданий на занятии студенты учатся отвечать на побуждающие к размышлению вопросы по содержанию текста, аргументировать свое мнение, приводя доводы и факты, отстаивать свою точку зрения.

– Express your opinion of the main characters of the story.

Answer the questions and prove your point of view.

Agree or disagree with the statements.

Find words and phrases to introduce the argument.

What new things for your personal experience have you learnt from this text?

Выполняя эти задания, студенты учатся анализировать и сопоставлять факты, обращать внимание на детали и выстраивать логически обоснованное собственное высказывание.

Самыми ценными в плане личностного развития, по нашему мнению, являются послетекстовые креативно-творческие задания, направленные не только на формирование и развитие коммуникативных компетенций, но и на формирование правильных нравственных качеств, проявляющихся в поведении студентов.

– Generate your utterances on the following topics.

What do you have in common with your friend?

What don’t you like in your friend?

What would you feel if you found negative information about your friend on a networking site?

Do you believe in friendship between a man and a woman?

How would you expect the article/text would continue?

Does friendship change with time and age?

Can a person live without friends?

Can you live without friends? Why?

Can people of different age be friends?

В процессе выполнения предложенных заданий студенты развивают способность адаптироваться к учебным ситуациям, находить нестандартные решения, работая в коллективе.

Следующий вид послетекстовых заданий мотивирует студентов к свободному развёрнутому высказыванию, основанному на собственном понимании, в данном случае пословиц, связанных с содержанием текста.

Formulate your positive or negative opinion on the following proverbs.

“A friend’s frown is better than a foe’s smile”.

“Everyone’s friend is no one’s friend”.

“A friend in need is a friend indeed”.

“The best part of living is loving and giving”.

Учитывая приверженность Z-студентов к информационно-технологической коммуникации, в данном комплексе предлагаются задания с привлечением компьютера и интернет-источников.

Watch the video “Any Time You Need A Friend” and consider the issues presented in the video [11].

Give a PowerPoint Presentation: “My Idea of Friendship”.

Такого рода задания вовлекают обучающихся в активную поисковую деятельность, развивают интерактивные формы общения, формируют межкультурные компетенции.

На завершающем этапе студентам предлагается написать эссе по темам “Friendship can run out of steam”, “What is good friendship based on?”, “Do you agree that old friends are better than new ones”?

Написание эссе развивает глубину и широту рефлексивного и критического мышления, студенты реализуют навыки самостоятельной исследовательской деятельности, проявляют способности концентрироваться и принимать решения.

Заключение

В работе предпринята попытка раскрыть основные черты поколения Z в России, заключающиеся в том, что это поколение интеллектуально, обладает проницательным умом, открыто новым знаниям. Тем не менее, наш анализ показывает, что современные студенты испытывают трудности при работе в команде, отдают предпочтение виртуальному общению вместо живого, не обладают социальной и психологической независимостью. Элементы смешанного обучения призваны раскрыть творческий потенциал студентов-индивидуалистов и формировать у них способность к адаптации к новой социальной среде, которую представляет университет. Предложенные в данной статье методические рекомендации, различные задания для обучения поколения Z на базе конкретного текста позволяют формировать у студентов общечеловеческие ценности, обогащают их внутренний мир, способствуют самоопределению себя как полноценного члена коллектива. Внедрение таких интерактивных форм обучения, как дискуссия, ситуационный анализ, включение звуковых и зрительных эффектов при работе с видеоматериалами развивает у студентов коммуникативные компетенции. Моделирование проблемных ситуаций активизирует способность решать их, совершенствует ин-

теллектуальный потенциал поколения Z, что в конечном итоге ведет к созданию профессиональной компетентности.

1. Дьяченко И.П. Особенности психологического развития поколения «Игрек» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/176/5031>.
2. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985.
3. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностр. языки в школе. 2012. №2. С. 2–10.
4. Исаева Е.Р. Новое поколение студентов: психологические особенности, учебная мотивация и трудности в процессе обучения первого курса // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4(15). URL: <http://medpsy.ru>
5. Как учить детей поколения Y и Z? [Электронный ресурс]. URL: <http://teacherclub.ru/kak-uchit-detej-pokolenij-y-i-z.html>
6. Леонтьева Т.И., Котенко С.Н. Развитие креативности и творчества студентов неязыкового вуза на занятиях по домашнему чтению на английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №9 (27); ч. II. С. 96–100.
7. Сандомирский М. Поколение Z: те, кто будет после // Социальная психология в действии. Блог о социальной психологии малых групп, поведенческой экономике, манипуляциях и деструктивном поведении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.felicidad.ru/2011/07/z.html>
8. Уэстон Э. Аргументация: Десять уроков для начинающих авторов / пер. с англ. А. Станиславского. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. – 96 с.
9. Чичуга Е.М. Нужна ли теория поколений педагогике? // Инновации в науке : сб. ст. XXXIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. №5 (30). С. 92–97.
10. Чумаков В. Трудности перевода // «Коммерческий директор». 2007. №11 (23) [Электронный ресурс]. URL: <http://rugenations.livejournal.com/1081.html>
11. Any Time You Need A Friend [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=fNxXyKjy0Q>
12. Hauser H.A. Dance I'll Never Forget // Читаем по-английски. Книга для чтения по английскому языку (Часть I): учебное пособие. Ростов-н/Д.: Феникс. 1999. С. 4–9.
13. Lee Linda. GenerationZ: Digital Natives // Select Readings Pre-Intermediate Student's Book: United Kingdom: Oxford University Press, 2011.
14. McCrindle M. The ABC of XYZ. McCrindle Research Pty Ltd. 2014.

© Т.И. Леонтьева, 2017

© С.Н. Котенко, 2017

Для цитирования: Леонтьева Т.И., Котенко С.Н. Особенности обучения иностранному языку поколения Z: традиции и новаторство // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 152–158.

For citation: Leontieva T.I., Kotenko S.N. Peculiarities of teaching English to “Generation Z” // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 152–158.

Дата поступления: 16.03.2017.

УДК: 378.6 (571.6)

Н.В. Хисамутдинова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Подготовка инженеров на российском Дальнем Востоке в послевоенный период (1946–1950 гг.)

В статье на основе анализа архивных источников рассмотрен ряд вопросов подготовки инженерно-технических работников в вузах Дальнего Востока России в период после окончания Второй мировой войны (1946–1950 гг.), который, с точки зрения автора, является весьма показательным. В это время в СССР произошла реформа управления вузами, в том числе отказ от некоторых тенденций предыдущего десятилетия, признанных ошибочными, что создало предпосылки для развития высшей школы на качественно новых принципах. Используя историко-сравнительный метод, автор выявил и проанализировал характерные для данного периода черты развития высшего технического образования: географических рамок и специализации подготовки инженеров, широкое внедрение вечерней и заочной форм обучения, ежегодное наращивание выпуска специалистов для народного хозяйства, постепенное укрепление профессорско-преподавательского состава технических вузов, открытие в них собственной аспирантуры. Среди региональных особенностей работы технических вузов в послевоенный период выделены диспропорции между количеством созданных институтов, качеством их учебно-материальной базы и кадровым потенциалом, включая уровень квалификации преподавателей.

Делая вывод о большом значении данного периода для создания базы, на которой высшая школа смогла успешно развиваться в последующие годы, автор указывает на допущенные ошибки, в частности, принятие решений и составление планов без учета возможности их выполнения. В статье использованы неопубликованные архивные документы о работе дальневосточных вузов в послевоенное десятилетие, которые вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова и словосочетания: Дальний Восток России, высшее образование, подготовка инженерно-технических кадров, профессорско-преподавательский состав, аспирантура.

N.V. Khisamutdinova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Engineering education in the Russian Far East after the World War II (1946–1950^s)

Based on the archival sources, the article discusses some issues of engineering education in the Russian Far East after the Second World War (1946–1950^s). The author considers this period quite demonstrative in the history of higher education. During this time, higher school management had been reformed in the USSR, and some trends were found wrong and rejected. Thus conditions were created for a qualitatively new stage of higher education development in the region. Using the historical-comparative method the author revealed and analyzed major features of the period. Among them, there are examples of new technical fields covered by engineering education, initiation of evening and distance classes and post-graduate institutions, annual graduate growth, the academic staff strengthening. The author also reveals some disproportions which happened as the result of the regional engineering education extension. The number of universities established didn't correspond to the training facilities and human resources quality, including the faculty academic level.

The conclusion is made of the importance of the postwar period for the further higher education development in the region which promoted founding new educational institutions during coming years. At the same time, there is the necessity to avoid mistakes which happened in the past, e.g. making decisions and plans without considering available resources. The article is based on the archival documents, mostly unpublished, about the Far East higher technical education during the postwar decade.

Keywords: Russian Far East, higher education, engineering education, faculty, post-graduate institutions.

Вопросы высшего образования никогда не сходят с повестки дня. Были они актуальными и в первые годы советской власти, когда большевики поставили задачу сделать образование доступным для всех, и в годы индустриализации, когда от масштабов подготовки специалистов зависели успехи экономического развития СССР. Такими они остаются и сегодня: с одной стороны, интеллектуальный потенциал населения по-прежнему является залогом экономического роста, а с другой – стремление занять достойное место на международном рынке образовательных услуг заставляет вузы двигаться вперед, внедрять новые методы и формы обучения, которые могут привлечь абитуриентов.

Сегодня много пишут о том, что российское высшее образование утратило ряд ценных качеств, которыми обладало до 1991 г., причем иногда суждения авторов о том, что считать достоинствами, а что недостатками, расходятся [1–3; 9]. Это вполне объяснимо: трансформация нашего понимания ценностей системы образования неизбежна, как неизбежна трансформация самой этой системы. Под влиянием

глобализации, внедрения компьютерных технологий, изменения финансово-экономического механизма управления вузами нынешние университеты во многом отличаются от тех, что работали в советское время. Тем не менее, осталось главное – ориентированность высшей школы на потребности общества и государства, которая прослеживается в любой исторический период.

Поэтому объективная оценка того, что мы имеем сегодня, и планирование дальнейшего развития высшей школы возможны только на основе тщательного анализа исторического опыта в этой сфере на различных этапах экономического и политического развития страны – с характеристикой составляющих той базы, на которой строилось высшее образование XX в., и тех недостатков, которые перешли в нынешний день. Данный тезис лежит в основе многих работ по истории высшего образования на Дальнем Востоке. Исследователи подходят к этой теме с разных позиций, рассматривая историю отдельных вузов [7; 13; 14], конкретных специальностей [10; 12] или обращаясь к определенному историческому периоду [4; 11; 13; 15] и т.д. Все они вносят большой вклад в разработку истории региональной высшей школы. Между тем, без должного внимания остался период 1946–1950 гг., весьма важный для понимания роли технических вузов в выполнении планов послевоенного технического перевооружения производства, в том числе на Дальнем Востоке.

Изучая развитие высшего технического образования в послевоенные годы, мы ставим задачу выявить основные тенденции, свойственные подготовке инженеров в этот период. Сравнительный анализ архивных документов, прежде всего ежегодных вузовских отчетов, и опубликованных материалов позволяет проследить за изменениями в специализации подготовки, численности выпускников, кадрового потенциала, форм и методов работы и сделать выводы относительно эффективности проводимых мероприятий.

Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. (март 1946) особое внимание уделял техническому прогрессу. Он призывал равняться на достижения мировой техники, чтобы обеспечить условия для технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства СССР. Планом намечались широкие перспективы в хозяйственном освоении Дальнего Востока: расширение геологоразведочных работ, создание собственной железорудной базы, строительство новых рудников и обогатительных фабрик, механизация трудоемких процессов. Для претворения обширных замыслов в жизнь требовались инженерно-технические кадры, недостаток которых ощущался в регионе еще в довоенный период, а за годы войны многократно увеличился. В ИТР нуждались все отрасли народного хозяйства, и исправить положение можно было только путем усиленной подготовки кадров.

В отличие от европейской части России, высшее техническое образование Дальнего Востока мало пострадало за военный период. Число вузов даже выросло: к Дальневосточному политехническому институту (ДВПИ) во Владивостоке и Хабаровскому институту инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ) добавилось Владивостокское высшее мореходное училище (ВВМУ), открытое в 1944 г. [11] Приступая к выполнению заданий партии и правительства, в 1946 г.

ДВПИ вывели из подчинения Наркомату судостроительной промышленности и передали Министерству высшего образования СССР. С одной стороны, началось реформирование структуры управления народным хозяйством, и наркоматы заменялись министерствами, а с другой – выход из промышленного ведомства означал прекращение узконаправленной специализации вуза. Главнейшим пунктом пятилетнего плана дальнейшего развития института было расширение специальностей подготовки: с 9 позиций, существовавших в годы войны, до 12.

Реализация намеченного началась в 1947 г.: в вузе восстановили специальности, упраздненные в конце 1930-х годов, возобновив подготовку инженеров-сварщиков, гидротехников, специалистов по разработке рудных месторождений, инженеров для лесной промышленности. Совершенно новые специальности открыли на факультете промышленного и гражданского строительства («Гидрология суши» и «Метеорология») и горном («Подземная разработка рудных месторождений», «Техника разведки», «Электрификация и автоматизация горных работ»). С 1952 г. лесоинженерную специализацию выделили в отдельный факультет, что позволило выпускать наряду с технологами по механизации лесоразработок специалистов по переработке древесины. Инженеров-судоремонтников широкого профиля помимо ДВПИ стал готовить и ВВМУ, где в 1946 г. открыли соответствующий факультет [7, с. 43], а в ХаБИИЖД в 1956 г. появилась специальность «Тепловозы и тепловозное хозяйство» [6, с. 34].

Расширялась не только внутривузовская специализация, но и сеть дальневосточных вузов в целом. В 1950 г. с открытием во Владивостоке Дальневосточного технического института рыбной промышленности и хозяйства (Дальрыбвтуз) возобновилась (после неудачной попытки в 1930 гг.) подготовка специалистов для рыбного хозяйства региона. Задачей трех факультетов – технологического, механического и промышленного рыболовства – ставилась подготовка инженеров-механиков по проектированию, производству и эксплуатации орудий промышленной ловли и переработки рыбы и морского зверя, организаторов и руководителей рыбодобывающего и рыбообрабатывающего производств.

В связи с задачей ускоренного развития дальневосточного аграрного комплекса встал вопрос о технических специалистах для сельского хозяйства. В 1950 г. их обучение начали в Благовещенском сельскохозяйственном институте, а в 1957 г. – в г. Ворошилове (ныне Уссурийск). В августе туда перевели Ярославский сельскохозяйственный институт и уже с 10 сентября принимали заявления от желающих получить специальность агронома или зоотехника [8]. С 1958 г. Приморский сельскохозяйственный институт (ПСХИ) вслед за лесоинженерным факультетом ДВПИ стал готовить инженеров для лесного хозяйства.

В марте 1958 г. второй вуз открылся в Хабаровском крае – Хабаровский автомобильно-дорожный институт (ХАДИ). Прием осуществлялся по четырем специальностям: промышленное и гражданское строительство, автомобильные дороги, автомобильный транспорт, строительные и дорожные машины и оборудование. Примечательно, что среди первых студентов вуза были и граждане КНДР. Среди 150 первокурсников ХАДИ большинство, 111 человек, пришли

с производства или после службы в армии, что отразило новые тенденции набора абитуриентов. С 1957 г. преимущественно при поступлении стали пользоваться лица, имевшие стаж практической работы или демобилизованные из армии. Они зачислялись в вузы вне конкурса, при условии сдачи вступительных экзаменов. Так, во Владивостокском высшем инженерно-морском училище в 1958 г. число курсантов-производственников выросло до 40% (против 13,5% в 1955) [7, с. 214]. В ДВПИ они стали составлять ровно половину студентов (против 20% в 1957), а в 1961 г. их доля возросла до 70,4%. В Хабаровском крае в эти годы 80% молодежи пришли в вузы с производства [4, с. 24, 27].

В этот период расширились географические рамки высшего технического образования региона: в связи с наметившейся тенденцией размещать новые вузы с учетом дислокации основных видов производства оно распространилось на Якутск и Комсомольск-на-Амуре. Так, в Якутском государственном университете, открытом в 1956 г. на базе педагогического института, был образован инженерно-технический факультет с тремя отделениями: геологоразведочным, горным и строительным. Открытие в 1955 г. вечернего Политехнического института в Комсомольске-на-Амуре (КНАПИ) было связано с развитием там судостроительной и авиационной промышленности.

История этого вуза примечательна с точки зрения скороспелости и декларативности принимаемых решений. Вначале имелся план открытия в Комсомольске в 1955 г. вечернего филиала ДВПИ с «ярко выраженной специализацией в области специального машиностроения, что соответствовало бы нуждам развивающейся в окружающих районах промышленности» (Гос. архив Приморского края, далее ГАПК. Ф. 52, оп. 10, д. 578, л. 1). На три специальности («Судостроение», «Технология машиностроения», «Промышленное и гражданское строительство») планировали принять 90 человек, а занятия проводить на базе местных педагогического института, судостроительного и строительного техникумов силами их преподавателей. Набор еще шел, когда из Минвуза пришел новый приказ: «открыть с 1955/56 учебного года во вновь организуемом Комсомольском-на-Амуре политехническом институте два факультета: механико-технологический и строительный, а в дальнейшем открывать новые факультеты по мере ввода учебных помещений и лабораторий» [5]. Директору ДВПИ В.А. Самохвалову вменялось в обязанность принять шефство над новым вузом и в срочном порядке обеспечить учебными материалами специальности «Судостроение», «Судоремонт» и «Судовые силовые установки» (ГАПК. Ф. 52, оп. 10, д. 578, л. 6–7). Разноречивость сведений о специализации первого года работы КНАПИ свидетельствует о проблемах, которые пришлось решать при спешной организации обучения.

Стремление любой ценой обеспечить народное хозяйство региона кадрами ИТР путем создания новых вузов и резкого увеличения числа студентов приводило к диспропорциям между количеством институтов и качеством их учебно-материальной базы. Строительство учебного корпуса КНАПИ началось спустя год после открытия вуза, и в течение трех лет занятия велись на площадях других учебных заведений. Не был построен учебный корпус и к моменту открытия ХАДИ. Он был

возведен благодаря усилиям студентов и преподавателей, работавших летом 1960 г. на стройке в счет каникул и отпуска. Распоряжение Совета министров СССР «О создании необходимых условий для подготовки инженерно-технических кадров морского флота на Дальнем Востоке», предусматривающее строительство учебного комплекса ВВМУ (август 1947 г.), стало осуществляться лишь спустя десятилетие, в конце 1950-х г. [7, с. 214].

Со второй половины 1950-х гг. в СССР стали широко распространяться вечерняя и заочная формы вузовского обучения. На Дальнем Востоке в 1958 г. ими было охвачено почти 8 тыс. студентов, и этот показатель постоянно рос. Так, в ДВПИ, где вечерние занятия практиковались еще в 1930-е гг., к 1960 г. без отрыва от производства учились более тысячи студентов. Вечерние и заочные факультеты (отделения) по всем специальностям дневной формы обучения открылись в 1957 г. в ВВМУ и ХабИИЖТ, а в Дальрыбвтузе (с 1959 г.) можно было без отрыва от работы получить высшее образование по 13 специальностям: промышленное рыболовство, судовождение, машины и аппараты пищевых производств, технология рыбных продуктов, судостроение и судоремонт и др. (ГАПК. Ф. 1381, оп. 1, д. 27, л. 5). Даже при широком внедрении новых форм обучения вузы не могли наполнить производство специалистами, поэтому планы набора из года в год повышались. Министерство сельского хозяйства, например, запланировало в 1957 г. для ПСХИ 200 заочников, но набрать удалось лишь 80, приняв фактически всех желающих. Несмотря на это, на следующий год план приема возрос на 100 человек и вновь не был выполнен [14, с. 84].

Заведомо завышенные планы набора студентов стали одной из причин низкой успеваемости заочников и вечерников: вузы были лишены возможности производить отбор и принимали всех, кто подал заявление. Академическая успеваемость на вечерних и заочных отделениях была гораздо ниже, чем на дневных. В КнАПИ в зимнюю сессию 1958/59 учебного года только 61% студентов справились с экзаменами. В ВВИМУ в период 1952–1958 гг. получить диплом сумели лишь 33 заочника из 831, обучавшихся в вузе. Более 500 студентов задерживались на одном курсе по два–три года и дольше [7, с. 124]. Для улучшения ситуации потребовалось возвращение к рабочим факультетам, столь популярным в 1920 гг. В 1960 г. первым среди дальневосточных вузов рабфак открыл ДВПИ.

Другой острой проблемой для всех вузов Дальнего Востока оставалась кадровая. Не помог и всероссийский конкурс на замещение вакансий, объявленный в конце 1945 г. через газету «Труд». Даже в ДВПИ, крупнейшем вузе региона, в соотношении штатных преподавателей и совместителей-производственников преобладали последние. На кафедре технологии машиностроения, например, на одного штатного работника приходилось семь совместителей (ГАПК. Ф. 52, оп. 9, д. 18, л. 15). Это снижало показатель квалификации профессорско-преподавательского состава, который уже тогда считался отчетным. В 1958 г. среди преподавателей ХАДИ (14 человек) не было ни одного с ученой степенью. Через год число преподавателей возросло до 50, но квалификация их оставалась на прежнем уровне. В КнАПИ лишь пятеро имели кандидатскую степень, так как 90% преподавателей

составляли инженеры местных заводов. В целом кадры высшей квалификации дальневосточных вузов составляли 12,3%, тогда как по РСФСР этот показатель приближался к 30%.

На ряде кафедр ДВПИ (физики, высшей математики, графики и других) до 1952 г. не имелось ни одного работника с ученой степенью или званием. Из четырех профессорских должностей, предусмотренных штатным расписанием, три оставались вакантными из-за отсутствия подходящих кандидатур. «Большинство зав. кафедрами должны иметь звание профессора, доктора наук, в то время как в ДВПИ имеется лишь один профессор, не имеющий ученой степени», – писали в отчете (ГАПК. Ф. 24-с/52, оп. 8, д. 40, л. 13–14). Рост научной квалификации кадров в этом вузе произошел благодаря росту числа кандидатов наук – с 11 в 1945 г. до 69 в 1952 г., но степень доктора наук к концу 1950 г. имели лишь двое из 1650 преподавателей вузов Дальнего Востока (А.В. Стоценко из ДВПИ и А.В. Паталеев из ХабИИЖТ).

При открытии Дальрыбвтуза с целью укрепления кадров в него перевели ряд опытных преподавателей из других вузов, но 72% педагогов в первые годы работы вуза составляли лица со стажем до пяти лет (ГАПК. Ф. 1381, оп. 1, д. 18, л. 11). Несмотря на общий дефицит преподавателей, научно-педагогический потенциал вуза оказался относительно высоким благодаря сотрудникам Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), преподававших по совместительству в профильном вузе. В частности, под руководством известного к тому времени ученого И.В. Кизеветтера, первого заведующего кафедрой технологии рыбных продуктов, ряд выпускников Дальрыбвтуза закончили аспирантуру, защитили диссертации и к 1960 г. пополнили профессорско-преподавательский состав своего института.

Требование усиления кадрового потенциала поступало в вузы от руководящих органов ежегодно. Постановлением Совета министров СССР от 19 февраля 1953 г. «О мерах по улучшению подготовки профессорско-преподавательских кадров для высших учебных заведений СССР» вводились периодические, через каждые пять лет, конкурсы на замещение штатных должностей заведующих кафедрами, профессоров, доцентов, преподавателей, ассистентов. Кандидаты наук (доценты) допускались к заведованию кафедрами (за исключением некоторых) лишь на один срок. В связи с этим предлагалось значительно увеличить число лиц, направляемых в целевую годовичную аспирантуру при вузовских центрах СССР, а от руководства вузов потребовали ежегодно производить персональный учет профессорско-преподавательского состава. Особое внимание уделялось подготовке аспирантов по высшей математике, физике, приборам и устройствам автоматики, телемеханики и радиотехники. Деканам и заведующим кафедрами предлагалось «лично принять участие в подборе наиболее способных кандидатов в аспирантуру из числа инженеров, работающих на производстве и в научно-исследовательских институтах, из числа ассистентов и лаборантов кафедр института и в отборе кандидатов из выдающихся студентов» (ГАПК. Ф. 52, оп. 10, д. 469, л. 16).

Выполнить установки властей в полном объеме было невозможно. Общий дефицит кадров как на преподавательских, так и на инженерных должностях,

большой процент совместителей-производственников, принадлежность вузов разным ведомствам ограничивали возможности использования целевой аспирантуры. Анализ отчетов по повышению квалификации научно-педагогических кадров ДВПИ показывает, что в конце 1950-х гг. вуз направлял в целевую аспирантуру лишь единицы преподавателей. Сразу же после войны в ДВПИ вновь подняли вопрос об открытии аспирантуры (после неудачной попытки открыть ее в 1920-х гг. на техническом факультете Дальневосточного университета), но решить его мешало отсутствие квалифицированных научных руководителей. Формирование аспирантуры дальневосточных вузов началось лишь во второй половине 1950-х гг.: в ДВПИ ее открыли в 1956 г., в ХабИИЖТ – в 1959 г. Научные направления, в рамках которых осуществлялась подготовка аспирантов, сформировались еще позднее, что связано с недостаточным числом научных руководителей. Тем не менее, наличие собственной аспирантуры заметно повысило интерес преподавателей и студентов старших курсов к научной работе.

Несмотря на трудности послевоенного времени, технические вузы Дальнего Востока постепенно наращивали выпуск специалистов. В первые послевоенные годы в ДВПИ он был невелик из-за хронического недобора первокурсников в годы войны, а также из-за того, что полный комплект курсов к 1946 г. имели лишь две специальности из девяти (технология машиностроения и промышленное и гражданское строительство). Так, в 1946 г. дипломы ДВПИ получили 15 инженеров по следующим специальностям: «Кораблестроение» (7), «Технология машиностроения» (2), «Промышленное и гражданское строительство» (4), «Геология и разведка полезных ископаемых» (2). Это составляло ровно половину от запланированного выпуска: остальные студенты оказались по разным причинам не готовы к защите дипломов, и ее перенесли на другой год (ГАПК. Ф. 52, оп. 1, д. 189, л. 16).

Уже в 1949 г. вуз выпустил 103 инженера, в 1951 г. – 87, на 1953 г. планировали выпуск двухсот специалистов. В 1948–1953 гг. электротехнический факультет ДВПИ произвел первые выпуски инженеров-электриков по специальностям «Электрические станции, сети и системы», «Электрификация промышленных предприятий», «Электрооборудование судов». В 1952 г. лесная отрасль Дальнего Востока получила первых 16 инженеров-технологов с восстановленного лесоинженерного факультета, а в 1952–1956 гг. на стройки морских объектов пришли 45 инженеров-гидротехников. Со второй половины 1950-х гг. стала ежегодно пополняться кадрами ИТР рыбная промышленность, к 1960 г. предприятия судостроения и судоремонта получили выпускников КНАПИ, а сельское хозяйство – молодых специалистов из ПСХИ.

В целом период 1946–1950 гг. оказался важным временем для высшего технического образования Дальнего Востока. С реформой управления вузами, перешедшими из подчиненности ведомственным наркоматам в Министерство высшего образования СССР, произошел отказ от некоторых ошибочных тенденций 1930-х гг. Это позволило значительно расширить специализацию подготовки инженеров, увеличить выпуск специалистов, необходимых экономике региона, укрепить кадровый состав вузов, открыть собственную аспирантуру. Это создало мощные предпосылки для дальнейшего развития высшей технической школы и создания

в последующие годы новых вузов. Полезен и негативный опыт предшественников. Декларативные решения и планы, составленные без учета возможности их выполнения, не приносили результатов. Они тормозили развитие высшей школы, подталкивая вузы к заведомому обману и манипуляциям.

1. Абсалямова А. О концепции национально-регионального компонента высшего образования // Высшее образование в России. 2004. № 12. С. 152–153.
2. Багаутдинова Н.Г. Высшая школа сегодня и завтра: Пути преодоления кризиса. М.: Экономика, 2003.
3. Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность России // Высшее образование в России. 1997. № 1. С. 14–20.
4. Деревянко А.П. Инженерно-технические кадры Дальнего Востока СССР (1959–1965). М., 1978.
5. История КнАПИ [Электронный ресурс]. URL: www.knastu.ru.
6. Зовут стальные магистрали: сб. статей. Хабаровск, 1989.
7. Королук В.П. История ДВГМА (Морское образование на Дальнем Востоке в очерках и документах). Владивосток: Изд-во МГК им. Г.И. Невельского, 2001.
8. Кузница кадров для сельского хозяйства // Коммунар. Ворошилов, 1957. 22 сентября.
9. Леонидова Г.В. Высшее образование: вчера, сегодня, завтра // Проблемы развития территории. 2013. № 5. С. 7–14.
10. Лушпей В.П., Макишин В.Н. Подготовка горных инженеров в Дальневосточном федеральном университете // Горный журнал. 2015. № 3. С. 96–100.
11. Макаренко В.Г. Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2015. № 2 (88). С. 76–90.
12. Маклюков А.В. Подготовка инженерных кадров для электроэнергетики на Дальнем Востоке России (1918–1948 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (37). С. 78–86.
13. Медведев С.В. Высшие транспортные учебные заведения СССР в 1930-е годы // Клио. 2015. № 8. С. 84–88.
14. Павленко А.И. Очерк истории Приморской сельскохозяйственной академии (до и после 1967 года). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.
15. Турмов Г.П., Хисамутдинова Н.В. У истоков высшей технической школы на Дальнем Востоке России: материалы к биографиям (1899–1941). Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. – 130 с.

© Н.В. Хисамутдинова, 2017

Для цитирования: Хисамутдинова Н.В. Подготовка инженеров на российском Дальнем Востоке в послевоенный период (1946–1950 гг.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 159–167.

For citation: Khisamutdinova N.V. Engineering education in the Russian Far East after the World War II (1946–1950*) // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 159–167.

Дата поступления: 28.02.2017.

Е.В. Каерова¹

Тихоокеанский государственный медицинский университет
Владивосток. Россия

Л.В. Матвеева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Пилатес как средство повышения интереса студентов к формированию культуры здоровья

В статье показаны эффективные пути оздоровления и физического развития, повышения интереса будущих специалистов к здоровому образу жизни с помощью внедрения фитнес-технологий в систему физкультурного образования, формирования культуры здоровья.

Известно, что одна из главных задач физического воспитания в вузе – это формирование компетенций с целью использовать средства физической культуры для укрепления здоровья, повышения и поддержания на оптимальном уровне физической и умственной работоспособности, психомоторных навыков. На протяжении всего периода обучения необходимо развитие и совершенствование физических качеств. В ходе исследования авторы отмечают, что значительная часть современной молодежи проявляет низкий уровень грамотности в вопросах здоровьесбережения. Проведенный эксперимент показал, что наибольший интерес студентки проявляют к фитнесу.

Известно, что одной из разновидностей фитнес-тренировок является пилатес. Авторы полагают, что пилатес как одно из направлений фитнеса положительно влияет на функциональное состояние, физическую подготовку и работоспособность студентов, отнесенных к группам специальной подготовки. Упражнения пилатес направлены на повышение силовой выносливости, развивают гибкость и подвижность суставов, а использование специальной методики дыхания способствует повышению функциональной тренированности. Большое значение в методике пилатес уделяется воспитанию силы и гибкости, значение которых нельзя переоценить для здоровья.

На основе изученной литературы, личного опыта преподавания, а также анализа существующих методик обучения авторы описывают использование методики пилатес как наиболее эффективного направления оздоровительной физической культуры, обладающего высокой степенью воздействия на физические способности занимающихся, способствующие физическому развитию и повышению уровня здоровья студентов.

В статье отмечается, что при выполнении упражнений по методике пилатес большое внимание уделяется визуализации, что способствует правильности выполнения движений и ускоряет процесс обучения. Как отмечают авторы, развитие человека заключается в ведении идеального образа жизни, достигающегося только через равновесие физических, умственных и духовных качеств.

Ключевые слова и словосочетания: фитнес-технологии, физическое воспитание, пилатес, стиль жизни, здоровье, культура, фитнес.

¹ Каерова Елена Владиславовна – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой физической культуры и спорта; e-mail: ekaerova@yandex.ru.

² Матвеева Людмила Владимировна – канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры физкультурно-оздоровительной и спортивной работы; e-mail: ludmila.matveeva@vvsu.ru.

E.V. Kaerova

Pacific State Medical University
Vladivostok, Russia

L.V. Matveeva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Pilates as a means of increasing student interest in the formation of a culture of health

The article presents effective ways of healing and physical development, growing the interest of future specialists in a healthy lifestyle through the introduction of fitness technologies in the system of physical education, the formation of a culture of health.

It is known that one of the main tasks of physical education in a higher educational institution is the formation of competencies in order to use the means of physical culture to promote health, enhance and maintain at optimal level physical and mental performance, psychomotor skills. Throughout the training period during the educational program, it is crucial to grow the physical skills. Unfortunately, as the authors note in the course of this study, a significant part of modern youth displays a low level of literacy in matters of health saving. The conducted experiment shows that fitness is the most desirable form of physical education activities among female students.

Pilates is one of the varieties of fitness training. The authors believe that Pilates, as one of the forms of fitness, positively affects the functional state and productivity of the students assigned to the special training groups. Pilates exercises are aimed at increasing strength endurance, develop flexibility and mobility of joints, and the use of a special breathing techniques contribute to the enhancement of functional fitness. The authors state that the Pilates system put a great focus on the development of strength and flexibility which importance could not be overemphasized for the health.

Study of the specialized literature, personal teaching experience, as well as the analysis of the existing teaching methods brings the authors to the conclusion that a Pilates is the most effective area of recreational physical culture, which has a high degree of influence on the physical abilities of those involved, contributing to physical development and improving the health of students.

The article notes that during the Pilates exercises, much attention is paid to visualization, which contributes to the correctness of the performance of the exercises and speeds up the learning process. According to the Pilates method, as the authors highlight, a personal growth of the human being concludes of carrying a right lifestyle, which can be achieved only through the balance of physical, mental and spiritual qualities of a person.

Keywords: fitness technology, physical training, pilates, lifestyle, health, culture, fitness.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы наблюдается резкое ухудшение состояния здоровья и физической подготовленности учащейся молодёжи России. По данным научных исследований, лишь около 10% молодёжи можно считать здоровой, около 40% детей страдают хроническими заболеваниями. Резко прогрессируют болезни сердечно-сосудистой и костно-

мышечной систем, которые во многом обусловлены недостаточной мышечной двигательной активностью в сочетании с неблагоприятными экологическими условиями и питанием.

К сожалению, как отмечает Л.И. Лубышева, преобразования, проводимые в системе образования, практически не затронули содержания физического воспитания учащейся молодёжи. Его совершенствование на основе традиционных положений, когда в учебном процессе решаются задачи в основном нормативного характера, не снимает проблемы формирования у учащихся потребности в освоении ценностей физической и спортивной культуры как важных видов общей культуры молодого человека [9].

В исследованиях отечественных ученых Г.Л. Апанасенко (1985), А.Е. Боброва, Г.В. Павловой (1989), Д.А. Васильева (2005), Л.В. Мухамедрахимовой (2004), Н.А. Егоровой (2005), Е.М. Дворкиной (2013) и др. отмечается, что особенностями студентов являются их высокая занятость: насыщенный и напряженный учебный процесс, дополнительная трудовая деятельность уже в процессе обучения в вузе, невысокая добровольная физкультурно-оздоровительная активность, а также вредные привычки, приводящие к снижению уровня ответственности студентов к сохранению своего собственного здоровья и формирования навыков здорового стиля жизни и культуры здоровья.

Несмотря на зачастую негативное отношение студентов к академическим занятиям физической культурой, в студенческой среде пользуются популярностью различные занятия оздоровительным фитнесом (особенно среди девушек), способствующим повышению уровня здоровья, коррекции осанки и телосложения.

Цель нашей работы обосновать влияние упражнений системы пилатес на формирование культуры здоровья обучающихся и повысить их мотивацию к занятиям физической культурой.

Проблема модернизации общего (неспециального) образования в сфере физической культуры ставит задачу найти эффективные пути оздоровления и физического развития, повышения интереса, приобщение будущих специалистов к здоровому образу жизни. Одним из путей решения этой проблемы является внедрение фитнес-технологий в систему физкультурного образования студентов. Этому способствует и ежегодно растущая популярность различных оздоровительных фитнес-программ, которые пополняют арсенал используемых средств. Сегодня их насчитывается более двухсот.

Одной из них является методика пилатес, которая представляет собой эффективное направление оздоровительной физической культуры, обладающее высокой степенью воздействия на функциональное состояние и физические способности занимающихся, содействует улучшению осанки, развитию гибкости, силовой и общей выносливости (J. Pilates, 1947; J. Grimes, K. Grant, R. Kryzanowska; Л. Робинсон, Г. Томсон, 2003; К. Росс-Нэш, 2009).

Диссертационные исследования последних лет экспериментально доказывают, что упражнения, выполняемые по методике Джозефа Пилатеса, оказывают положительное влияние на психофизическое и психоэмоциональное состояние

занимающихся (О.В. Буркова, Т.С. Лисицкая, 2005), способствуют улучшению функционального состояния организма, повышают уровень физической работоспособности (Т.Б. Кукоба, 2009) [4; 8]. В работах С.К. Рукавишниковой (2011), Е.А. Макарова (2009) установлено, что упражнения пилатес имеют большое значение для профилактики заболеваний позвоночника, коррекции нарушений осанки. Согласно исследованию О.Н. Фёдоровой (2012), программа упражнений, разработанная Джозефом Пилатесом, направлена на коррекцию и профилактику заболеваний опорно-двигательного аппарата, укрепление основных групп мышц, является идеальным оздоровительным средством для лиц с избыточным весом, вегетососудистой дистонией, варикозным расширением вен, остеохондрозом и сниженной работоспособностью [10; 15; 16; 19].

Зарубежные специалисты по физической реабилитации (P. Latey, 2001; M. Bryan, 2003; Sh.R. Betz, 2005; K. Ross-Nash, 2009; P.J. Phase, 2010 и др.) рассматривают пилатес как важный инструмент в воссоздании силы, гибкости, мышечного тонуса и общей выносливости после заболевания и травм опорно-двигательного аппарата и средство восстановления ослабленных мышц и суставов в результате повреждения.

В связи с тем, что количество студентов, имеющих различные отклонения в состоянии здоровья, увеличивается, особую остроту приобрела проблема построения процесса физического воспитания студентов специальных медицинских групп, в занятиях с которыми на первый план выходят задачи укрепления, сохранения, коррекции здоровья.

Организация и методика учебного процесса для таких студентов имеет свои особенности. В программе физического воспитания студентов, отнесённых к специальным группам, имеется рекомендация ФГОС для перевода педагогического процесса на методику дифференцированного подхода с учётом функционального состояния организма и физической подготовленности и имеющихся заболеваний. Вместе с тем в программе не указываются способы реализации (подбор средств, методов физического воспитания, организации занятий) данного подхода для студентов, отнесённых по состоянию здоровья к специальным медицинским группам с различными заболеваниями. Кроме того, программа физического воспитания сохраняет в большей степени спортивную направленность и характеризуется включением таких видов спорта, как лёгкая атлетика и спортивные игры, связанные с выполнением зачастую противопоказанных двигательных действий для студентов с отклонениями в состоянии здоровья. Это приводит к необходимости совершенствовать процесс физического воспитания, разрабатывать и внедрять новые подходы и технологии работы со студентами, отнесёнными по состоянию здоровья, физическому развитию и физической подготовленности в специальные медицинские группы.

Данное обстоятельство указывает на целесообразность поиска таких средств физической культуры, которые оказывали бы направленное воздействие на повышение функциональных возможностей организма, способствовали физическому развитию и повышению уровня здоровья студентов. Таким средством, по наше-

му мнению, являются упражнения пилатес, способствующие формированию мышечного корсета, силовой выносливости, развивающие гибкость и подвижность суставов, выполняющиеся со специальным дыханием, что способствует повышению функциональной тренированности.

Анализ научно-методической литературы свидетельствует о том, что в теории и методике оздоровительной физической культуры отсутствуют методики и практические рекомендации по организации и проведению физкультурно-оздоровительных занятий с такими студентами с использованием метода Дж. Пилатеса.

При выполнении упражнений по методу пилатеса большое внимание уделяется визуализации, что способствует правильности выполнения движений и ускоряет процесс обучения [13]. Визуализация – термин, который стал известен благодаря К.Г. Юнгу, проводившему всесторонние исследования человеческого сознания и психики. Но еще до Юнга этот термин и понятие существовали в более древних и не менее известных науках, основы которых заложили буддизм и его медитации.

Визуализация – свойство человеческого сознания, способного производить видимые и невидимые образы визуального (зрительного) ряда в своем сознании. По сути – картинки, которые наше сознание воспринимает как зрительный образ, или ощущение такого зрительного образа.

Визуальный образ – относительно новая концепция в мире фитнеса, но наиболее эффективная. Использование визуальных образов для привлечения сознания – самый быстрый доступ к сложной анатомической системе. Использование визуализации в тренировке помогает «открыть способности сознания и тела» и «объединить их усилия» для достижения поставленной цели, помогает центральной нервной системе выбирать правильную комбинацию мышц для выполнения того или иного движения [10].

В середине 80-х годов прошлого столетия в нашей стране стали очень популярны различные оздоровительные виды гимнастики, базирующиеся на восточных системах. Особой популярностью пользуется система пилатес, использующая элементы йоги и лечебной физкультуры в фитнесе.

Следует отметить, что система пилатес возникла не на пустом месте и на сегодняшний день представляет собой эффективное направление оздоровительной физической культуры, обладающее высокой степенью воздействия на функциональное состояние занимающихся, в том числе на развитие дыхательной системы и формирование оптимального состава тела. Пилатес известен как самая быстро развивающаяся техника упражнений в мире и доступен для всех, кто предпочитает «разумный» и «внимательный» подход к своему телу.

Большое внимание в методике пилатес уделяется воспитанию силы и гибкости. Значение гибкости для нашего здоровья нельзя переоценить. Слово гибкость происходит от латинского «flectere» или «flexibilis», т.е. «сгибать». Словарь «The New Shorter Oxford English Dictionary» (1993) определяет гибкость как «способность сгибаться, податливость».

Сведений о том, когда впервые начали применять гибкость в качестве тренировочного метода, не обнаружено. Однако можно предположить, что древние греки уже использовали определенную форму развития гибкости, которая позволяла им танцевать, выполнять различные акробатические упражнения и бороться. Кроме того, тренировка гибкости, по всей видимости, была составной частью гимнастики древних греков [2]. Растянутые позы – асаны – тысячелетиями тренировались в странах Востока. Растягивание было неотъемлемым компонентом развития защитных и атакующих элементов различных боевых искусств (каратэ, таэквандо и др.).

По мнению исследователя Л.П. Матвеева, гибкость представляет собой одну из главных предпосылок движений и необходимых взаиморасположений звеньев тела [11].

Ю.В. Менхин под гибкостью понимает «свойство телесных структур (мышц, связок, суставных сумок, кожи) поддаваться без нарушения целостности растягиванию. Мерой этого свойства является амплитуда движения в суставе» [12].

Следует отметить, что гибкость не является причинным фактором движений, она представляет собой необходимую предпосылку таких движений. Измеряется гибкость величиной амплитуды движений типа сгибаний и разгибаний звеньев тела. Ю.В. Менхин считает: «Гибкость во многом определяет состояние опорно-двигательного аппарата, тонус и кровоснабжение окружающих суставы мышц и костных сочленений, возможность амортизировать внешние силовые нагрузки» [12].

Зарубежные исследователи рассматривают гибкость как «диапазон возможного движения сустава или группы суставов» (de Vries H.A., Corbin и др.).

Упражнения пилатес соответствуют результатам современных исследований и современной медицины. Они обучают сенсомоторике (управлению движениями и развитию движений), улучшают чувство своего тела, предотвращают боли в спине и поддерживают внутреннюю силу. Тазовое дно, живот и спина становятся единым центром силы, при этом ткани становятся более упругими, а фигура улучшается.

Сгибатели бедра оказывают огромное воздействие на структуры тела, особенно на его осанку. Когда мышцы сгибатели бедра слишком сильны, они стремятся наклонить таз вперед. Это, в свою очередь, создает прогиб в пояснице, при этом удлиняются мышцы брюшного пресса, а подвздошно-поясничные мышцы, сгибающие бедро, укорачиваются и еще больше увеличивают прогиб в пояснице. Несмотря на то, что средняя и верхняя часть брюшных мышц активно работает для того, чтобы противостоять силе сгибателей бедра, этого проявления силовых усилий недостаточно. В результате дисбаланс может вызвать значительные боли в спине [15].

Следует помнить, что недостаточное развитие мышц одной части тела требует компенсации развитием мышц другой части.

С помощью программы тренировок пилатес, по мнению Л. Робинсона (2005), достигается оптимизация всех участвующих в движении органов. Рефлекторно управляемые нервные импульсы относятся к мышцам, расположенным близко к суставам, они выполняют функцию поддержки и при обычных тренировках ими

часто пренебрегают. Таким образом, мышцы прорабатываются изнутри к внешней поверхности. Это означает, что мышцы становятся сильнее, не увеличиваясь в объеме. Одновременно занимающийся становится подвижнее, фигура – гармоничнее, походка и осанка – изящнее [13].

Основными элементами метода пилатес являются специальные упражнения, выполняемые по определенным принципам.

Реализация принципа доступности и индивидуализации на занятиях по методу пилатес осуществляется с использованием различных модификаций и вариаций.

Индивидуализация нагрузки на занятиях достигается регулированием ее объема, выраженным в длительности всего занятия и его частей, количестве различных упражнений и комбинаций, использовании малого оборудования (мячи, изотоническое кольцо, цилиндр и т.п.), а также интенсивности и характере выполнения упражнений. Джозеф Пилатес развивал свой фитнес-метод с одной основной целью: показать людям путь к активному, «настоящему здоровью». В его понимании здоровье – это «образование и поддержание гармонично развитого тела» с хорошо сбалансированной «священной троицей» – тела, души и духа. основополагающие принципы являются фундаментом для обучения и практики метода пилатеса [1].

М. Кнастер, характеризуя метод пилатеса, отмечает: «Принципиально важно научить вас двигаться из неподвижной сердцевины тела вне зависимости от того, идете вы по улице или пожимаете кому-то руку. Вы начинаете с проработки трех важнейших центров, контролирующих ваше туловище, – нижней и внутренней брюшной мускулатуры и средних мышц спины, а затем работаете с руками и ногами. Упражнения с внутренними мышцами развивают «пояс силы», который поддерживает весь позвоночник и стабилизирует таз, вы обретаете способность держать его в нейтральном положении» [7].

Методика Дж. Пилатеса вобрала в себя элементы различных спортивных направлений и стилей от китайской акробатики до йоги, но при этом имеет основополагающие принципы, которые сводят все эти элементы в одну систему [18].

Согласно методу пилатеса, развитие человека заключается в ведении идеального образа жизни, достигающегося только через равновесие физических, умственных и духовных качеств. Через визуализацию, физическое укрепление и растяжение мышц тела умственная энергия и очищенная кровь возвращаются к бездействующим мозговым клеткам. Такое возобновление мысли и движения становится первым шагом к снятию напряжения, увеличению подвижности, приобретению изящества движений и в целом к ощущению удовольствия от жизни [7].

Проведенные исследования показали, что основные принципы, разработанные Дж. Пилатесом, выглядят следующим образом:

1. Концентрация внимания и понимания.

Практика концентрации и понимания сложна, но необходима. Это достаточно трудно освоить, но просто при выполнении, если вы приложите усилия, чтобы сконцентрировать мысли на каждом из ваших движений, вы автоматически «прочитаете», что происходит внутри тела и в окружении одновременно, станете более внимательными и контролирующими происходящее [1].

Концентрация – это умение сосредоточиться, организовать и направить свое внимание.

2. Визуализация (воображение).

Использование визуальных образов для привлечения сознания – самый быстрый способ получить доступ к сложной анатомической системе. Применяя визуальные образы, можно на подсознательном уровне использовать мышцы, не разбираясь в их строении и функциях [9].

3. Точный мышечный контроль.

Для положительного результата и во избежание получения травм, упражнения необходимо выполнять с полным контролем положения тела перед началом упражнения и во время его выполнения. Каждый элемент выполняемого упражнения несет определенную функцию, и контроль правильности выполнения движений является основополагающим.

4. Правильное дыхание.

Очень важно научиться дышать полноценно, чтобы кровь максимально заряжалась кислородом, питая все клетки тела, а затем уносила из них максимум отходов жизнедеятельности, залежи которых вызывают усталость и плохое самочувствие. Наше здоровье полностью зависит от эффективности дыхания.

Дыхание как неотъемлемая часть выполнения упражнений по методу пилатес происходит без задержек, с равномерными вдохами-выдохами. Вдох производится с началом движения, а выдох в процессе его выполнения.

5. Централизация (акцент на центр).

В центральной области тела сосредоточено несколько крупных мышечных групп: брюшные, поясничные, ягодичные. Дж. Пилатес назвал этот центр «источником энергии». Вся энергия, необходимая для упражнений, зарождается в этой зоне и распределяется по конечностям. Физическая энергия, извлекаемая из центральной зоны, служит для координации движений. Сильный центр обеспечивает свободные движения конечностей на стабильном позвоночном столбе. Последние исследования медиков показывают, что наибольшая стабильность достигается в том случае, когда движение начинается с мышц тазового дна с последующим вовлечением в работу мышц живота [18].

6. Плавное выполнение движений без пауз и остановок.

Характерной чертой занятий по методу Дж. Пилатеса является обязательная плавность движений и переходов. Нужно избегать статичных, изолированных движений, так как для нашего тела это противоестественно. Движения осуществляются преимущественно в медленном темпе, что дает возможность контролировать положение своего тела и сосредоточиться на использовании соответствующих мышц при выполнении упражнений. Выполнение и переходы от одного движения к другому должны создавать ощущение плавности.

7. Стабилизация.

Этот принцип позволяет избегать напряжения в зонах, не находящихся в разработке в данный момент. Недействующие зоны работают на поддержание

движения. Используя данный принцип, мы улучшаем координацию движений, чувство равновесия, ловкость.

8. Интеграция.

Интеграция – способность осознавать и ощущать тело как единое целое. В привычных для нас методиках, отмечает О.В. Буркова (2005), сознание должно быть сосредоточено на части тела, находящейся в движении. Это называется изолированием работающей группы мышц, когда можно не думать о других частях тела, не задействованных в данном движении. Несоблюдение принципа постепенности нагрузки может значительно ухудшить функциональное состояние организма занимающихся.

Таким образом, в ходе исследования мы обнаружили, что значительная часть современной молодежи проявляет низкий уровень грамотности в вопросах здоровьесбережения. Свою долю ответственности за сложившуюся ситуацию несет и педагогика. Если лечение и профилактика – это забота врачей, то формирование отношения к здоровому образу жизни – чисто психолого-педагогическая проблема.

Одна из главных задач физического воспитания в вузе состоит в формировании компетенций с целью использования средств физической культуры для укрепления здоровья, повышения и поддержания на оптимальном уровне физической и умственной работоспособности, психомоторных навыков, развития и совершенствования физических качеств, поддерживая их на протяжении всех лет обучения в вузе.

Стержнем любой деятельности является потребностно-мотивационный компонент. Потребность в движениях, в физическом совершенствовании, в сохранении и укреплении здоровья – вот психологические основы мотивации физкультурно-оздоровительных и спортивных занятий. Под мотивацией таких занятий следует рассматривать их смысл, мотивы, цели, эмоции. Все эти компоненты мотивации рассматриваются в единстве.

Мотивация – важнейший побудитель деятельности человека, наличие интереса является показателем общего развития студента, проявлением его активности, выраженной в положительно окрашенной и избирательной обращенности к разным сторонам учения.

В обучении мотивация выражается в принятии студентом целей и задач обучения как лично-значимых и необходимых. Только в случае, если участие в физкультурно-спортивной деятельности вызвано внутренними побуждениями, опирающимися на положительные эмоции и интерес, можно говорить о позитивном влиянии занятий физическими упражнениями. А эффективное проведение занятий предполагает использование различных форм и методов, способствующих повышению физической подготовленности, которую необходимо рассматривать как условие повышения устойчивости к воздействию негативных факторов в процессе учебной деятельности [5; 6].

В возрасте 17–19 лет девушки уделяют особое внимание красоте, гибкости, подвижности своего тела и поэтому стремятся заниматься упражнениями, которые способствуют развитию гармоничного телосложения, поскольку это привлекает внимание у представителей противоположного пола. Девушек в значительной

степени не удовлетворяют некоторые традиционные средства физического воспитания, используемые на занятиях по физической культуре. Повышенный интерес у них вызывают различные виды фитнеса.

Для получения достоверных представлений об эффективности учебной программы в формировании культуры здоровья студенток ТГМУ к двигательной активности нами было проведено анкетирование в начале эксперимента (в сентябре) и в конце (мае) 2015–2016 учебного года. В качестве диагностического инструментария мы использовали методики, известные в психологической литературе и зарекомендовавшие себя в исследовательской работе и психологической практике. Всего в исследовании участвовали 100 человек.

Положительную динамику эффективности использования учебной программы по методике пилатес подтвердили результаты исследования.

Варианты ответов на вопрос: «Знаете ли Вы свой организм и его особенности?»

До эксперимента 59% студентов считали, что в основном владеют знаниями о своём организме, 41% – знания недостаточны (кое-что знаю). После педагогического эксперимента 82% студентов были уверены, что получили знания о своём организме, 18% – имеют недостаточно знаний.

Положительная динамика в ответе на вопрос: «Знаете ли Вы, какие упражнения необходимо выполнять в связи с Вашим заболеванием?».

До эксперимента 59% студентов отметили, что знают, какие упражнения необходимо выполнять при имеющемся заболевании, 31% – имеют недостаточно знаний по этому вопросу и 10% студентов ничего не знают. После завершения эксперимента картина изменилась в положительную сторону (89, 9 и 2% соответственно).

Несмотря на то, что все респонденты – будущие медики, не все они заботятся о своём здоровье. Варианты их ответов на вопрос: «Заботитесь ли Вы о своём здоровье, физическом состоянии?» До эксперимента 60%, после завершения исследования 76% отметили, что заботятся о своём здоровье, иногда заботятся – 28 и 21%, очень редко – 12 и 3% соответственно.

Варианты ответов на вопрос: «Интересно ли Вам на учебных занятиях?».

До эксперимента 58% студентов считали занятия интересными и 19% – чаще интересно, чем нет (после эксперимента 75 и 16%); иногда интересно на занятиях и не интересно до эксперимента составляло 12 и 10%, после эксперимента показатели снизились до 5 и 4% соответственно.

С целью изучения мотивации студенток медицинского университета к занятиям по методике пилатес использовали следующие группы мотивов: здоровье, «красивая фигура», эмоциональные и социальные мотивы.

При определении мотивов занятий выявлено, что большинство студенток считают, что занятия физической культурой нужны для укрепления и поддержания здоровья (71,9%), профилактики заболеваний (12,4%), активного образа жизни (9,3%) и хорошего физического самочувствия (6,4%).

Также мы попросили студенток оценить уровень своего здоровья и установили, что 68,5 % опрошенных оценивают уровень своего здоровья как средний, выше среднего (высокий) – 7,6%, ниже среднего – 11,3% и низкий – 10,2%.

Девушкам, проявившим интерес к занятиям по программе пилатес, предложили принять участие в педагогическом эксперименте.

При определении мотивов занятий в ходе эксперимента установлено: девушки считают, что занятия физической культурой нужны для повышения физической подготовленности – 71,9%; оптимизации веса и улучшения фигуры – 91,2%; укрепления и поддержания здоровья и хорошего физического самочувствия – 65,4%, профилактики заболеваний – 68,4%, активного образа жизни – 91,3%.

Данные результатов анкетирования послужили основой для разработки программы и практических рекомендаций по организации и проведению физкультурно-оздоровительных занятий с применением средств физической культуры на основе упражнений пилатес и вовлечению студенток медицинского университета для систематических занятий физическими упражнениями.

Подводя итоги анкетирования, можно сделать вывод, что повысился процент студентов, не пропускающих занятия, положительная динамика наблюдается в проявлении интереса к занятиям физической культуры, студенты повысили свои знания о работе своего организма и задумываются о своём здоровье, стараясь использовать свободное время для активного отдыха.

Таким образом, можно констатировать, что в проведенном исследовании цель достигнута, решены поставленные задачи, полученные результаты подтвердили высокую эффективность методики физкультурно-оздоровительных занятий с использованием средств пилатеса с девушками 17–21 года, о чем объективно свидетельствуют положительные сдвиги в повышении уровня физических способностей, функциональной подготовленности и состояния здоровья занимающихся.

Разработанная программа построения физкультурно-оздоровительных занятий по методу пилатеса основана на применении гимнастических упражнений, способствующих укреплению «мышечного корсета вокруг позвоночника», прежде всего мышц брюшного пресса, мышц спины. Она включает упражнения для коррекции осанки с использованием музыкотерапии, аутогенной тренировки в виде целевых установок, учитывающих уровень здоровья, физическую и функциональную подготовленность студенток, и обеспечивает:

- восстановление уровня функционирования жизненно важных систем организма;
- поддержание уровня развития основных физических способностей;
- развитие подвижности позвоночника и суставов;
- профилактику заболеваний опорно-двигательного аппарата, нарушение осанки;
- улучшение психоэмоционального состояния.

Проведенный эксперимент подтвердил, что занятия по методу пилатес стимулируют бодрое самочувствие, улучшают настроение, способствуют повышению работоспособности и мотивации к двигательной активности.

Таким образом, мы видим, что, используя методику пилатес, можно привлечь большее количество студентов к посещению занятий физической культурой с целью формирования культуры здоровья.

1. Алперс Э., Джентри Сежел. Пилатес: пер. с англ. О.А. Караковой. М.: АСТ: Астрель, 2007. 272 с.
2. Алтер М.Дж. Наука о гибкости: учебное пособие / пер. с англ. Г. Гончаренко; под ред. А. Радзиевского. М.: Олимпийская литература, 2002. С. 7.
3. Буркова О.В. Влияние системы Пилатеса на развитие физических качеств, коррекцию телосложения и психоэмоциональное состояние женщин среднего возраста: дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 217 с.
4. Буркова О.В., Лисицкая Т.С. Пилатес – фитнес высшего класса. Секреты стройной фигуры и оздоровления. М.: Радуга, 2005. 208 с.
5. Каерова Е.В., Матвеева Л.В. Обратная связь как компонент профессиональной коммуникативной культуры студента // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 2 (22). С. 13–16.
6. Каерова Е.В., Матвеева Л.В., Шестера А.А. Теоретическое обоснование профессионально-прикладной физической подготовки студентов медицинского вуза // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 1 (25). С. 38–42.
7. Кнастер М. Мудрость тела. М.: ЭКСМО, 2002. С. 315.
8. Кукоба Т.Б. Дифференцированный подход в оздоровительной тренировке с женщинами 20–35 лет на основе использования упражнений изотонического характера с учетом соматотипа // Омский научный вестник. 2009. № 6 (82). С. 183–186.
9. Лубышева Л.И. Спортивная культура в школе. М.: НИЦ «Теория и практика физической культуры и спорта», 2006. 174 с.
10. Макарова Е.А. Пилатес – ваш путь к здоровью: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. 25 с.
11. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры. 3-е изд., перераб. М.: Физическая культура и спорт, СпортАкадемПресс, 2008. С. 402.
12. Менхин Ю.В., Менхин А.В. Оздоровительная гимнастика: теория и методика. М.: Феникс, 2002.
13. Робинсон Л., Фишер Х., Жаклин Н. Пилатес – управление телом. Минск: Попурри, 2005. – 272 с.
14. Рукавишников С.К. Методика коррекции функциональных нарушений позвоночника у студенток использованием средств пилатес // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2010. № 11 (69). С. 79–82.
15. Сайерс Б. Совершенствование тела по методу Пилатес. М.: Самиздат, 2010. 79 с.
16. Совершенствование тела по методу пилатес: метод. пособие для фитнес-инструкторов. М.: ЗАО «Издательский дом «Логос-Развитие», 2003.

17. Фёдорова О.Н. Комплексное применение средств Пилатеса и аквааэробики на занятиях с женщинами второго периода зрелого возраста: автореф. дис. канд. пед. наук. СПб, 2012. 26 с.
18. Pilates J., Miller W. J., Kroeger A. Return to Life Through Contrology. Ewers, 2007. 166 p.; Karter K. The Complete Idiot's Guide to the Pilates Method. Penguin Group US, 2000. 352 p.

© Е.В. Каерова, 2017

© Л.В. Матвеева, 2017

Для цитирования: Каерова Е.В., Матвеева Л.В. Пилатес как средство повышения интереса студентов к формированию культуры здоровья // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 168–180.

For citation: Kaerova E.V., Matveeva L.V. Pilates as a means of increasing student interest in the formation of a culture of health // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 168–180.

Дата поступления: 10.03.2017.

Межкультурные коммуникации

УДК 811.111

О.Н. Гнездечко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Диалогизация научного дискурса: лингвофилософский и лингвопсихологический аспекты

Современные представления о научной коммуникации как о многогранном процессе раскрывают её имплицитную структуру как такую, которая имеет разные сферы и уровни существования: *психологическую, энерго-информационную и духовную* составляющие *межличностного общения*. Первая соответствует биофизическому уровню имплицитной коммуникации, которая опирается на *диалогичность* внутриличностного процесса. Имплицитная структура научной коммуникации представлена биоинформационным, психологическим и нейропсихологическим уровнями, исследование которых осуществляется посредством объединённых усилий биофизиков, психологов и нейропсихологов.

В контексте научной коммуникации процесс *неосознанного проецирования* находит своё проявление в условиях асимметричных отношений. Неотъемлемой составляющей смысловой структуры научного дискурса является *интерсубъективность*, в основе которой лежит диалогическое взаимодействие «своя»–«чужая» речь. Такая дихотомия отображает «внутримонологическую диалогизацию» научного дискурса, находящую своё проявление через межсубъектное взаимодействие *автора, метаавтора и читателя*.

Описание речевых стратегий построения научного дискурса осуществляется, главным образом, в русле *прагматической интерпретации*, т.е. путём аналитических операций, которые способствуют выявлению авторских стратегий. Эти операции сохраняют за исследователем право преимущественного выбора одних гипотетических интерпретаций над другими. При этом мы разграничиваем *прагматическую интерпретацию* научного дискурса как *практическую методику* научного исследования и как осуществляемую автором *интерпретацию «чужого» высказывания*.

Аксиологическая окрашенность противопоставления «своё» / «чужое» имплицитно лингвофилософскую значимость научного дискурса. Его смыслопорождение на уровне имплицитной коммуникации интерпретируется в терминах нелинейной научной парадигмы – синергетики.

Ключевые слова и словосочетания: имплицитная структура коммуникации, внутриличностный процесс, энергоинформационная составляющая, интерсубъективность, «своя»–«чужая» речь, межсубъектное взаимодействие, синергетика.

O.N. Gnezdechko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Scientific discourse interaction from the viewpoint of linguual philosophy and psychology

In recent years, contemporary understanding of scientific communication as a versatile process has revealed its implicit structure represented by multi-sided spheres and levels of existence, including *psychological*, *energoinformational* and *internal* constituents of interpersonal interaction. The former relates to the biophysical aspect of implicit communication based on the intrapersonal dialogic conflict. Scientific communication implicit structure appears to manifest bioinformational, psychological and neuropsychological levels whose investigation is conducted through joint efforts of biophysicists, psychologists and cognitive psychologists.

In the framework of scientific communication context the process of unconscious projecting turns out to be vividly seen under asymmetrical attitudes. Integral to scientific discourse notional structure seems to be intersubjectivity based on the «self»vs.»not-self» dialogic interaction. Such a dichotomy reflects «intramonological dialogization» of scientific discourse carried out through the intersubject meta-interaction of the author, meta-author(s) and addressee.

The paper describes discursive strategies of scientific communication construction having been predominantly realized in terms of pragmatic interpretation; in other words, via analytic operations being facilitative of author's strategies revealing. The analytic mechanisms reserve the optional right on the researcher's part of some hypothetical interpretations over the others. With regard to the above mentioned, we make a distinction between pragmatic interpretation of scientific discourse used as a *research practical procedure*, on the one hand, and as a «not-self» *utterance/text decoding* carried out by the author, on the other.

Axiological connotation of «self»vs.»not-self» dichotomy implicates linguual philosophical value of scientific discourse. Its denotative meaning generation in the framework of implicit communication proves to be interpreted in terms of nonlinear scientific paradigm – synergetics.

Keywords: implicit communication structure, intrapersonal process, energoinformational constituent, intersubjectivity, «self» vs. «not-self» interaction, intersubject meta-interaction, synergetics.

Введение

Коммуникативные процессы типичны для организации всего живого: от биохимического до психодинамического. *Актуальность проблемы* организации коммуникации обусловлена глобализацией и информатизацией общества, что способствует более глубокому анализу коммуникации во всех её многочисленных измерениях и проявлениях.

В русле отечественной традиции коммуникация – передача, обмен информацией – является лишь составляющей речевого общения [9, с. 351], в то время как западная научная парадигма [4, с. 49] акцентирует внимание на поведенческой психологии.

Цель коммуникации – сохранить целостность языковой личности, социума. Основная функция коммуникации (как и сознания в целом), в силу её дихотомичности, обусловлена расчленением единого, комплексного образа (замысла) на дифференцированные знаковые величины. В основе такого перехода – духосфера человека, репрезентацией которого является *диалогичность* как первичная форма человеческого сознания, выраженная в дуалистичности мышления ('А' – 'не-А'). Мы трактуем её как *синергизм* 'Я' – 'не-Я', осознанное и неосознанное (подсознательное). Вытесненная в подсознание часть речевого взаимодействия приписывается Другому субъекту речи ('не-Я'). Следовательно, *имплицитная коммуникация* понимается нами [ср.: 11, с. 119–120] как процесс проецирования поведенческих реакций личности на межличностные коммуникативные (симметричные / асимметричные) отношения речевых субъектов, например: *доктор – пациент, автор – читатель*.

Ситуация асимметричного общения побуждает адресата к адекватному пониманию и декодированию основного содержания сообщения. Осознание его является не столько декодированием, сколько перекодированием пропозиционального содержания, апроприацией его в той системе когнитивных единиц, в которой адресат мыслит, которая отвечает его предметным представлениям о действительности. Речевая ситуация асимметричного общения создаётся вследствие регулятивной функции автора, который доминирует по своему научному статусу, имеет коммуникативно-прагматический приоритет.

С давних времён в контексте семиотизации универсум расчленяется на «свой» и «чужой». В языке это противопоставление находит своё выражение в лексико-семантической категории имен собственных и категории отчуждения. Последняя выражает неприятие автором той или иной концепции оппонента или пропонента (метаавтора). Метаавтор ('не-Я') является неотъемлемым условием семиотизации авторского 'Я'. Именно в ходе диалогической интеракции проявляются разногласия между коммуникантами (авторским 'Я' и Другим). Ориентированное на адекватное понимание читателем *информационного обмена* интерактивное речевое взаимодействие коммуникантов формирует диалогический контекст научного знания.

Диалогизм закрепляется в субъектно-предикативной языковой структуре, которая не всегда имеет формальные маркеры выражения грамматического значения [7, с. 254]. Инкорпорирующий строй языка, например, отличается цельным словом-предложением [там же]. Дальнейшее изменение инкорпорирующего языкового строя на эргативный, аффективный, локативный и номинативный демонстрирует диалогичность сознания. Она коррелирует с дихотомичностью языковых структур и внутримONOлогической 'диалогизацией' дискурса, в том числе научного. Последняя проявляется в обязательном наличии двух коммуникантов – автора и метаавтора. Удалённое во времени и пространстве речевое взаимодействие направлено на *адекватное понимание* читателем осуществляемого в научном дискурсе *информационного обмена*. Сложное взаимодействие «своего» (авторского) и «чужого» отображает внутримONOлогическую 'диалогизацию' научного дискурса через групповое (семиотическое) взаимодействие и/или когнитивно-индивиду-

альный автодиалог. Первое включает регуляторы в виде национально-культурных норм, речевых постулатов и максим в рамках теории непрямой коммуникации / в том числе [6, с. 187–189], вторая выявляется посредством каналов восприятия / репрезентации действительности и ментальной деятельности (ср.: синтетический vs. аналитический типы символизации воспринимаемой информации). Своеобразие когнитивно-индивидуального регулятора определяет когнитивную сложность, проявляющуюся в мерности субъективного семантического пространства.

Онтологическая основа сложной композиционно-смысловой структуры научного дискурса представлена противопоставлением «своеё» / «чужое». Как необходимое условие семиотизации авторского «Я» аксиологическая значимость «своего» и «чужого» находит своё проявление в широком диалогическом (культурном и научном) контексте лингвистического знания. Именно это обуславливает лингвофилософскую значимость научного дискурса в онтологическом и гносеологическом аспектах изучения. Тесная связь анализируемой проблемы с теорией познания позволяет рассматривать научный дискурс на уровне его смысло- и текстопорождения.

Методика исследования

Соотнесение, сравнение «своего» и «чужого», обмен ценностями можно рассматривать в более глобальном понимании – в рамках мировой культуры. Проблема тождества или различий «своей» и «чужой» культур свидетельствует о важности их контакта путём сопоставления. Возможны два аспекта взаимодействия культурных сфер: 1) приспособление к «чужому» посредством вхождения с ним в отношения взаимного порождения и 2) неприятие, закрепляющее противоречия между «своим» и «чужим» через их сопоставление. Только разорвав круг «своего Я», можно раскрыть своеобразие Другого, почувствовав при этом своё отличие, своеобразие и идентичность.

Методологической основой изучения *межсубъектной диалогической интеракции* в наших изысканиях служит теория М.М. Бахтина в сравнении с герменевтической традицией Г.-Г. Гадамера и М. Бубера [2, с. 294–295; 3, с. 432]. Герменевтический подход к научному дискурсу с позиций теории диалога не исключает того, что за индивидуальными «смыслами» речевых субъектов скрывается объективность. Однако в нашей статье «смысл» трактуется не как безличностный «логос» в русле герменевтической концепции М. Бубера и Г.-Г. Гадамера [там же], а как персонифицированная идея, имманентно сливающаяся с личностью в понимании М.М. Бахтина [1, с. 312]. В языкознании, как и в гуманитарных науках в целом, достичь объективности непросто, она предполагает абсолютизацию научного знания и отсутствие оценок, что практически невозможно в области лингвистики.

Согласно теории М.М. Бахтина, динамическое взаимодействие авторского контекста и декодированного «чужого» текста трактуется как «встреча», диалог субъектов речи – автора и метаавтора(ов), поскольку любые смысловые интенции авторизированы. Воссоздание «чужой» идеи может происходить в русле «инструктивной» или «креативной» прагматики в терминах Н.Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдера [8, с. 3–4]. Другими словами, в пространстве текстов научного и/или

критического видов дискурса. Ввиду неоднородности научной коммуникации в её пределах выделяются подсистемы, в которых функционируют типологически разные тексты *научного* и *критического* дискурсов. Логично связанные между собой, они органично сосуществуют, что обусловлено прагматическими особенностями коммуникативной ситуации. Отнесение дискурса к тому или иному типу детерминировано выявлением черт «инструктивной» или «креативной» прагматики.

Типологическое размежевание научного дискурса весьма условно и использует лишь с целью раскрыть специфику его композиционно-смыслового построения путём установления речевых стратегий и тактик автора.

Результаты исследования

Описание речевых стратегий порождения научного дискурса осуществляется нами, главным образом, в русле *прагматической интерпретации* [5, с. 373] путём аналитических операций, оставляющих за исследователем право преимущества одних гипотетических интерпретаций перед другими. При этом мы разграничиваем **прагматическую интерпретацию** научного дискурса как *практическую методiku* научного исследования и как осуществляемую автором *интерпретацию* «чужого» *высказывания*. При этом любой аналитический очерк задаёт искусственную модель, которая лишь приблизительно отображает реальную ситуацию научного общения. Скрытый коммуникативный смысл «чужого» текста, модальные и оценочные компоненты истолковываются на основе сознательной интерпретативной деятельности автора.

Ориентация на определённый отклик со стороны адресата связана с усложнением композиционно-смысловой структуры научного дискурса за счёт фактического метадискурса или эксплицитных указаний, направленных на обеспечение адекватного и однозначного понимания пропозиционального содержания. Необходимость обращения к метакоммуникативному аспекту изучения научного дискурса детерминруется его прагматической направленностью на гармонизацию и оптимизацию речевой интеракции коммуникантов – автора, метаавтора и читателя.

Интенциональное содержание интерпретации, приписываемый исследуемому объекту смысл определяется языковой картиной мира автора как семантической репрезентацией его познавательного опыта. Языковая картина мира имеет индивидуальную историю создания [10, с. 110–112]. Интерпретированные с позиции авторской системы смыслов языковые выражения метаавтора могут иметь смысл относительно одной системы понятий и, в то же время, быть нерелевантными относительно другой.

На этом основании все интерпретации мы разделяем на те, а) которые сохраняют объективный смысл чужого высказывания, либо б) изменяют его. Истолкованный смысл чужой точки зрения продуцируется автором путём использования *интерпретативных речевых стратегий*, отображающих коммуникативное намерение и интенциональное содержание «чужого» текста.

Авторская позиция при этом не закреплена, что делает возможным анализ научного дискурса в направлениях: а) интерпретации с учётом фактора адресата

или б) интерпретации, отправной точкой которой служит авторская позиция, что позволяет выявить «скрытый» коммуникативный смысл «чужого» текста в плане порождения оптимальной модели межсубъектного речевого взаимодействия *автора, метаавтора и читателя*. Следовательно, смысл научного текста зарождается на пересечении нескольких научных мировоззрений. Оценочная составляющая научного дискурса включает не только *аксиологическую* (приписывание предмету ценностных характеристик), но и *алетическую оценку* (соответствие этих характеристик действительности – достоверность).

Выявление модальных и оценочных значений смысловой структуры научного дискурса детерминирует необходимость обращения к коммуникативно-прагматическому аспекту его изучения. Специфика научного дискурса состоит в его прагматической, этико-эпистемической и аксиологической направленности, позволяющей говорящему реализовывать свою коммуникативную волю, оказывать иллюкутивное воздействие на интеллектуальное состояние читателя.

Выводы

Таким образом, современные представления о коммуникативном процессе сводятся к его преобразовыванию в мыслительной деятельности коммуникантов в иную текстуальность. Скрытая форма коммуникации характерна для научного дискурса, в основе которого – *диалогичность внутриличностного процесса*.

Межсубъектное диалогическое взаимодействие «своего» и «чужого» в лингво-философском осмыслении представляет «внутримонологическую диалогизацию» научного дискурса, проявляющуюся в наличии оптимальной модели межсубъектного речевого взаимодействия *автора, метаавтора и читателя*. Удалённая во времени и пространстве триада свидетельствует о том, что истинный смысл научного дискурса зарождается на стыке нескольких аксиологически окрашенных научных мировоззрений. Чёткие теоретические конструкты этого процесса смыслопорождения на уровне имплицитной коммуникации могут быть сформированы и прочитаны в контексте новой нелинейной научной парадигмы – синергетики.

-
1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М., 1996. 732 с.
 2. Бубер М. Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М.: Наука, 1992. С. 294–370.
 3. Гадамер Г.-Г. Основы философской герменевтики: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
 4. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческой коммуникации. М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. 223 с.
 5. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия РАН СССР. Сер. лит. и яз., 1981. Т. 40, №4. С. 368–377.
 6. Леонтьева Т.И. Анализ конфликтного общения в рамках теории непрямой коммуникации (на материале русских, американских и японских художественных произведений) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Пермск. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. Вып. 19. С. 187–201.

7. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. гос. пед. ин-та, 1982. 479 с.
8. Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Постигение versus понимание // Учёные записки Тартуск. ун-та. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1989. Вып. 855. С. 3–17.
9. Парыгин Б.Д. Социальная психология. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. 375 с.
10. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: Способ представления мира // ВЯ. 1990. №6. С. 110–122.
11. Сухих С.А., Хандамова Е.Ф. Аспекты метакоммуникативной деятельности // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж, 2002. Вып. 3. С. 119–132.

© О.Н. Гнездечко, 2017

Для цитирования: Гнездечко О.Н. Диалогизация научного дискурса: лингвофилософский и лингвopsихологический аспекты // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 181–187.

For citation: Gnezdchko O.N. Scientific discourse interaction from the viewpoint of linguual philosophy and psychologys // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 181–187.

Дата поступления: 03.03.2017.

УДК 008:

Т.В. Метляева

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Исследование феномена имиджа как культурного явления

В данной статье представлены результаты анализа подходов к определению понятия «имидж» с точки зрения культурологии. Рассмотрены диссертационные исследования, научные статьи, представляющие взгляд на имидж как одну из современных форм организации социального пространства и заполнения информационной среды, как репрезентативную форму социально-культурных отношений, осуществляемую в рамках диалога с Другим, как выразителя культурных смыслов, систему социального программирования духовной жизни и поведения субъектов общецивилизационными и ментальными стереотипами и символами группового поведения.

Анализируются основные функции имиджа: коммуникативная, информационная, когнитивная, эмотивная, организационная, мотивационная, адаптивная.

Выявлены компоненты формирования имиджа, способствующие глубокому освоению желаемого образа и созданию необходимого результата успешного восприятия у целевой аудитории. Значимым компонентом в социальной практике является стереотип как наиболее эффективный инструмент распознавания и передачи социально необходимой информации в коммуникативных процессах, а также средство регуляции совместной деятельности людей в социуме. Следующим важнейшим аспектом в формировании имиджа объекта с точки зрения культурологического подхода является символ. В современном мире основную массу информации человек получает в знаковой форме, имидж является универсальной конструкцией, передающей необходимый объем информации сразу по нескольким каналам коммуникации, так как он представляет собой не отдельный знак, а целостную структуру.

Основой или фундаментом построения имиджа является его мифологическая составляющая. Универсальный характер мифа опирается на культуру как целостную систему, поскольку миф синтезирует и связывает различные явления, представленные в философском, религиозном, моральном, литературном, историческом, научном, политическом знаниях и в искусстве, и в этом его значимость для формирования имиджа. Вместе с тем в процессе создания имиджа имиджмейкер опирается на архетипические образы как врожденные источники представлений, регулирующих принципы формирования наших взглядов на мир, условия его осмысления и понимания.

Ключевые слова и словосочетания: стереотип, символ, миф, архетип, аксиологический подход, культурологический подход.

Метляева Татьяна Викторовна – канд. культурологии, доцент кафедры дизайна и технологий; e-mail: Metlaevatv@mail.ru.

T.V. Metlyaeva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Image phenomenon research as cultural phenomenon

In this article analysis results of approaches to determination of the concept «image» from the point of view of cultural science are provided. The dissertation researches, scientific articles representing a view of image as one of modern forms of the organization of social space and filling of the information environment as the representative form of the welfare relations performed within dialogue with Another as the spokesman of cultural meanings, as system of social programming of spiritual life and behavior of subjects all-civilization and mental stereotypes and symbols of group behavior are considered.

The main functions of image, such as are analyzed: communicative, information, cognitive, emotivny, organizational, motivational, adaptive. The main components of forming of image promoting deep development of a desirable image and creation of necessary result of successful perception at target audience are revealed. Such significant component in social practice is the stereotype as the most effective instrument of handling of socially important information in communicative processes, and also necessary means of regulation of joint activities of people in society.

The following major aspect in forming of image of an object, from the point of view of culturological approach is the symbol. In the modern world receives the bulk of information of people in a sign form, image is a certain universal design, the transferring necessary amount of information directly on several communication channels as image, represents not a separate sign, but complete structure.

Basis or the base of creation of image is its mythological component. Universal nature of the myth relies on culture as on something complete as the myth synthesizes and connects various phenomena presented of philosophical, religious, moral, literary, historical, scientific, political knowledge both in art, and in it its importance for image formation. At the same time, in the course of image creation the image maker relies on archetypic images as the congenital sources of representations regulating the principles a formirovaniya of our views of the world, conditions of its judgment and understanding.

Keywords: image, stereotype, symbol, myth, archetype, axiological approach, culturological approach.

Введение

Интерес к исследованию имиджа в современной научной мысли продолжает расти, что поднимает его на достаточно высокий уровень, ввиду частого обращения к данному феномену специалистов разных областей знания. Наряду с этим в век интенсивного развития информационных технологий, окружающее человека пространство превращается в информационно-знаковое, наполненное определенными символическими компонентами.

Особенности разносторонней деятельности современного человека, его восприимчивость к нововведениям, быстрым культурным и социальным изменениям, готовность к творческому поиску обуславливают, в определенной степени необ-

ходимость формирования визуальной «картинки» своего внешнего облика, манер и проч., обеспечивающих успех в жизнедеятельности.

В современной культуре специалист любого направления, будь то менеджер, врач, учитель, служащий, телеведущий или шоу-мен, а также организации и другие структуры не всегда могут достичь жизненных результатов, если не используют модели поведения, демонстрирующие окружающим (значимой целевой аудитории) «визуально-привлекательные картинки», способствующие благоприятному впечатлению о себе. Поэтому имидж в современном обществе играет весьма важную роль для привлечения внимания целевой аудитории к определенному объекту.

Таким образом, на сегодняшний день в науке актуализируется проблематика, связанная с исследованием приемов создания имиджа не только личности, но и любого другого объекта.

Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция

В современной науке и в практическом имиджмейкинге достаточно много работ, связанных с проблематикой имиджа. Подтверждением этому являются диссертационные исследования И.К. Черемушниковой, У.С. Некрасовой, И.А. Муратовой [17; 9; 8], в том числе в рамках культурологии Д.И. Тер-Минасовой и др. Однако, анализируя вышеперечисленные работы, мы пришли к выводу, что данный феномен еще недостаточно изучен с точки зрения культурологического подхода, в связи с чем назрела необходимость исследования имиджа в данном аспекте.

Следует отметить, что в современном быстро меняющемся мире, когда предпочтение отдается виртуальному общению взамен живого, Интернет, зачастую становится единственным собеседником, а культурный и социальный опыт, передающийся из поколения в поколение, уступает место достаточно влиятельным, простым в восприятии мифологизированным формам массовой культуры, часто поверхностной и легко усваиваемой. «Особенно эта проблема характерна для молодых поколений с еще не сформированными духовными ценностями, – считает Н.И. Григорьева, – легко воспринимающих инновации и наиболее подверженных влиянию процессов, сопутствующих им» [5, с. 4]. В связи, с чем возникает необходимость искать новые пути формирования индивидуальной культуры.

Основная проблема, стоящая перед специалистами социокультурной сферы, в том числе в области имиджмейкинга, состоит в том, чтобы, извлекая из современных общественных процессов преимущества и выгоды, формируя необходимый имидж личности или другого объекта, обеспечить сохранение и трансляцию социальных и культурных ценностей, духовного наследия, так необходимых современной интернет-зависимой личности.

Предметом данного исследования выступает имидж как культурное явление.

Основными задачами исследования:

- систематизация научных исследований, представляющих позиционирование имиджа в контексте культурологического подхода;

- представление авторского взгляда на имидж как культурологический феномен, раскрывающее его семиотическую, мифологическую, коммуникативную составляющие.

Методологическая основа исследования представлена трудами культурологов, социологов, психологов, философов, посвященными анализу имиджа: (Г.Г. Почепцов, И.А. Фёдоров, Е.Б. Перельгина, И.К. Черемушников, У.С. Некрасова, И.А. Муратова) [12; 14; 10; 17; 9; 8] и др.; стереотипного восприятия (К. Хорни, А. Цуладзе, Н.П. Суходольская, А.В. Фролов) [15; 16; 13]; символизма как основы имиджа (Е.Б. Перельгина) [10]; мифа и архетипа (Л.Н. Воеводина, Б.Л. Борисов, Л.Г. Ионин, В.Г. Горчакова) [3; 2; 7; 4] и др.

Методы исследования, методологические принципы и инструменты

Специфика выбранного материала потребовала использования культурологического и аксиологического подходов, структурно-функционального метода исследования, при этом в формировании имиджа в культурологическом контексте на основе символа, мифа и стереотипа.

В качестве теоретической основы исследования выступили теории семиотики, мифологии.

Основная часть

Имидж (от лат. *Imago* и англ. *Image* – образ; *imitary* – подражать) как понятие находится в стадии научного совершенствования, в связи с чем мы можем наблюдать значительное количество определений данной дефиниции. Так, В.М. Шепель определяет имидж как «визуальный образ», как «мнение» (А.Ю. Панасюк), «как категорию, универсально применимую к любому объекту» (Е.А. Петрова), «как специфическое единство типичных признаков, управляющих индивидуальным, групповым и массовым сознанием» (В.Я. Белобрагин, Д.В. Журавлев). Е.Б. Перельгина определяет имидж как символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия [10, с. 23].

Наряду с вышеперечисленными подходами существует и ряд исследований имиджа с точки зрения культурологического подхода. У.С. Некрасова рассматривает имидж как одну из современных форм организации социального пространства и заполнения информационной среды, выполняющей задачи целенаправленного формирования изначально заданного образа или подчёркивания естественных свойств личности [9]. И.А. Муратова представляет имидж как репрезентативную форму социально-культурных отношений, осуществляемую в рамках диалога с Другим; как текст, в котором переплетаются мировоззренческие аспекты человеческой субъективности и социальности; как телесную форму идентичности современного человека [8, с. 12].

По мнению И.К. Черемушниковой, имидж является выразителем культурных смыслов: через имиджи реализуется связь между чувственно-воспринимаемыми и умственно постигаемыми сущностями, имидж превращает номенальное в феноменальное, делает сакральные смыслы частью повседневного бытия [17, с. 21].

Ряд исследователей (И.А. Фёдоров, Е.А. Петрова, В.Г. Горчакова и др.) определяют имидж как явление социальное, культурное и психологическое одновре-

менно: «Имидж – это система социального программирования духовной жизни и поведения субъектов общецивилизационными и ментальными стереотипами и символами группового поведения, опосредованная мощью мотивации успеха, эталоном желаемого впечатления» [14, с. 45].

Мы рассматриваем имидж как образ-представление, в котором в сложном и определённом взаимодействии соединяются внешние и внутренние проявления объекта, его социальные, психологические и культурные характеристики. Имидж может выступать произведением социального искусства, с использованием культурных форм в его субъективной (личностной) и ролевой (образной) выразительности.

Представляя имидж с точки зрения культурологического подхода, мы выделяем следующие его функции.

Коммуникативная – посредством этой функции осуществляется взаимосвязь участников процесса общения. Данная функция является ведущей в процессе построения имиджа; *информационная* осуществляется в единстве с коммуникативной, при этом происходит обработка информации, полученной по вербальным, невербальным каналам в виде знаков, представленных во внешнем образе, словах, жестах, мимике (в случае построения личностного имиджа), логотипе, дизайне, буклетах (в случае с организацией или товаром) и т.д.; *когнитивная* направлена на интерпретацию отношения «знак – значение» в целях определения смысла. От содержания интерпретации значений зависит возникающее отношение одного к другому; *эмотивная* обеспечивает не только развитие эмоциональной составляющей формируемого образа, но также улучшения межличностных взаимоотношений: симпатии – антипатии; *организационная* – отражает культуру участников общения. Главная задача этой функции – создание благоприятной атмосферы в процессе общения, корпоративной культуры коллектива, организации.

Мотивационная функция способствует мотивировке участников общения к определённой деятельности. К имиджевым характеристикам этой функции можно отнести эмоциональное расположение участников общения, так называемое «флюидное излучение», манеру поведения, динамику жестов. *Адаптивная* функция способствует скорейшему приспособлению и пристройке участников общения друг к другу, выбору нужного ролевого поведения соответственно данной ситуации.

Учитывая вышеперечисленные подходы к определению понятия «имидж», его функциям, рассмотрим основные аспекты имиджа, дающие представление о нём как о социокультурном феномене. Исходя из данной задачи, обратимся к одному из первых исследователей в области имиджа В.Я. Белобрагину, предложившему определять рассматриваемый феномен как эмоционально окрашенный стереотипный образ, идеализированную модель элементов общества, предметного мира, идеальных структур, целенаправленно формируемый субъектами общественной практики в индивидуальном, групповом и общественном сознании... [1]. Речь идет о стереотипном образе, так как в современной культуре как у отдельно взятой личности, так и у «массового человека» под влиянием его социального окружения и культурных влияний формируются некие эталонно-стереотипные представления о других людях.

Под стереотипом в социальной практике понимают наиболее эффективный инструмент распознавания и передачи социально значимой информации, основанной на предшествующем культурном опыте, проявляющейся в коммуникативных процессах, а также необходимое средство регуляции совместной деятельности людей в социуме. «Они функционируют как своеобразные фильтры, позволяющие выделить из информационной массы «экстракт», полезный для быстрого первичного распознавания объекта восприятия, на основе которого индивид с уверенностью избирает тот или иной значимый способ поведения или отношения. Существенные характеристики стереотипа – тяготение к однозначности смысла, ригидность, оценочная окрашенность. Однако стереотип не является предельно жёстким социальным образованием и способом поведения, а лишь моделирует определённую его стратегию» [13]. В рамках психологии социального познания стереотипы рассматриваются как категории, вносящие согласие и порядок в социальное окружение личности. В политологии под стереотипом понимают некое «*клеймо*», которое общественное мнение «ставит» на людей, явления, социальные группы и т.д. «Это «истина», принятая в обществе и не нуждающаяся в доказательстве. В социологии выделяют теорию стигмации, или клеймения (*labeling theory*), которая изучает процессы клеймения личностей или групп. В роли «*клеймовщиков*» могут выступать СМИ, органы государственной власти, политики и др.» [15, с. 89].

Стереотипы формируются как стихийно, так и искусственно. «*Стихийные* стереотипы возникают в отсутствии целенаправленного воздействия, у них нет конкретных авторов. Это массовые представления, которые помогают людям упростить реальность, приспособить ее к своим повседневным нуждам. *Искусственные* стереотипы создаются целенаправленно и тиражируются с помощью средств массовой информации, их создатели рассчитывают получить какую-нибудь выгоду в ближайшей или отдаленной перспективе» [16, с. 94]. Таким образом, имиджмейкеру, занимающемуся формированием образа человека, товара, организации или каких-либо других объектов, необходимо учитывать особенности объекта, где ключевую роль играет стереотипное восприятие.

Наряду с этим в процессе построения имиджа важен аксиологический подход, так как ценность в культуре, по мнению В.М. Пивоева, «осознается как благо, она служит основанием для осмысления мира, а также, ввиду того, что в основе поиска смысла, вопрошания о смысле лежат интересы человека, обусловленные его потребностями. Присвоение субъективного ценностного статуса связано с процессом оценивания. Термином «оценка» обозначается одновременно и процесс оценивания, и его результат, ценностный «приговор», учитывающий объективную сторону ценности и субъективное к ней отношение, которое может увеличивать или уменьшать ее потенциал, приносить существенно новое в ее характер» [11, с. 47].

В процессе построения индивидуального имиджа, по нашему мнению, необходимо опираться на следующие фундаментальные ценности:

- *онтологические*: свобода, честь, справедливость и др.;
- *экзистенциальные*: безопасность, благополучие, здоровье;
- *экономические*: благосостояние, успех и другие материальные составляющие;

- *интеллектуальные*: мудрость, знание, разум;
- *эстетические*: красоту, грацию, комичность, трагичность;
- *нравственные*: благо, честность, порядочность, долг, благородство, совесть, щедрость, добро и др.;
- *телеологические*: смысл жизни, её цели.
- *ценности, позиционирующие самоутверждение человека*: слава, престиж, популярность, известность, уважение, авторитет.
- *ценности взаимоотношений*: дружба, любовь, преданность, верность, взаимопомощь, альтруизм.

Анализируя социокультурные аспекты имиджа и приемы его формирования, необходимо отметить, что культура выступает как фундамент, основа становления человека, регулятор его биологического начала и способ социальной организации людей, что передаваемая от поколения к поколению небиологическими средствами культура является своего рода «генетическим кодом человечества» [6, с. 65]. Кодом, определяющим характер существования отдельного индивида в человеческом сообществе любого уровня иерархии. В таком коде должны быть предусмотрены и механизмы адаптации человеческого организма к определённой социокультурной среде в конкретных условиях. Одним из таких механизмов адаптации личности в культуре – является имидж, тогда как одним из культурных проявлений имиджа объекта – его символическое содержание.

Взаимосвязь имиджа и символа имеет большое значение в практике имиджмейкинга, использующего символические характеристики отражения действительности в построении нужного образа. Символы, как вербальные и невербальные способы репрезентации мира, представленные в мифе, языке, знаках и других культурных формах, являются основой имиджа.

С точки зрения семиотики символ представляет собой одну из разновидностей знака. Знаком может быть любой чувственно воспринимаемый предмет, используемый в качестве представителя любого другого, отличного от него предмета, который называется его денотатом (значением).

В современном мире основную массу информации человек получает в знаковой форме, имидж является некой универсальной конструкцией, передающей необходимый объем информации сразу по нескольким каналам коммуникации, так как имидж представляет собой не отдельно стоящий знак, а целостную структуру [10]. В то же время, имидж как знак способен номинировать, т.е. давать имена тем предметам, которые подчеркивают сходство с существующим образом, представлением о них. Например, плоский портфель, костюм и галстук могут свидетельствовать об интеллектуальной сфере деятельности его обладателя (экономист, банкир, юрист, инженер).

Зная об этой функции имиджа, можно намеренно формировать у партнеров или потенциальных клиентов, потребителей желаемый имидж, например: имидж солидного человека, имидж преуспевающей компании, фирмы, образ высокоэффективных товаров, услуг и т.п. Кроме номинативной функции имидж должен информировать и о содержательной стороне его носителя. В процессе построения имиджа важно пони-

мать, что ожидают от него клиент, потребитель или партнер. Нельзя допустить, чтобы отдельные свойства или дифференцированные (отличительные) признаки объекта искажали представление об его идеальном образе. В этом плане опасны преувеличения, чрезмерные подчеркивания отдельных сторон, свойств образа, которые начнут размывать идеальный образ клиента, потребителя, партнера или товара. Нельзя допустить, чтобы чрезмерное подчеркивание некоторых свойств носителя имиджа (конкретного товара, конкретного клиента или будущего партнера) привело к убеждению, что такой объект окажется чрезвычайно экстравагантным или напыщенным.

В процессе построения имиджа объекта создатель наделяет его следующими знаковыми характеристиками: содержательностью, значимостью, предметностью, вариативностью, прагматичностью, оптимальностью в плане выражения, коммуникативностью, прогностичностью, оперативностью, моделированием, аттрактивностью, информативностью. Например, формируя образ политика и наделяя его характеристиками архетипа Отца, имиджмейкер должен демонстрировать силу, строгость, требовательность, передавая эти характеристики сразу по нескольким каналам коммуникации. Тогда как, позиционируя новую коллекцию одежды, необходимо подчеркнуть стиль жизни потребителя, круг его интересов, в каких жизненных ситуациях возможно её ношение.

В случае построения индивидуального имиджа личности она одновременно обретает следующие знаковые компоненты:

- знаки экспрессивного поведения (жесты, походка, мимика и др.);
- знаки социального оформления (статус, роли, которые человек играет в заданных жизненных обстоятельствах, а также одежда и аксессуары соответствующие этому статусу);
- знаки голоса (вербальный, невербальный и паравербальный аспект).

При формировании имиджа другого объекта, например, организации или товара важны, и такие характеристики, как знаки предметной среды (та обстановка, на фоне которой происходит восприятие человека, которая также должна быть выстроена под определённый имидж).

Помимо вышеперечисленных подходов имиджмейкеру, создающему имидж клиента, необходимо учитывать и опираться на культурные традиции, обычаи, общественное мнение, социальный статус.

Символ как «генетический код» фиксирует одновременно два типа социокультурного опыта человека – рациональное восприятие мира и его эмоционально-чувственное постижение. Данный опыт обобщается человеческим сознанием, опосредуется знаковыми и символическими структурами и фиксируется в определённых мифах.

Миф, по нашему мнению, также является важнейшей составной частью имиджа, его фундаментом, основой. Мировоззрение современного человека довольно мифологично, так как миф в жизнедеятельности человека выполняет функцию социальной регуляции, способ адаптации в социуме. С помощью мифа человек обретает психологическую устойчивость и социальную значимость, и этот факт является важным обстоятельством в процессе создания имиджа [12].

Универсальный характер мифа опирается на культуру как на нечто целостное, поскольку миф синтезирует и связывает различные явления философии, религии, морали, литературы, искусства, истории, науки, политики – и в этом его значимость для имиджа. «Сходство сюжетов, образов и поэтики мировых мифологий говорит о принципиальном единстве человечества, структуре мышления различных народов, об архетипическом повторении в истории культуры комплекса экзистенциальных проблем, ситуаций, поведенческих моделей» [3]. Миф разыгрывается, ритуализируется, проявляется через поведение индивида, и в этом его огромная значимость для построения имиджа.

Современные мифы нацелены на создание определенного образа реальности, который совпадал бы с желаниями, целями и ожиданиями людей – членов данного общества. Поэтому создатели мифа осознают, что миф всегда претендует на истинность, авторитарность и способствует освобождению от каких-либо сомнений. Мифы могут проникать в сознание человека без соответствующего критического анализа и владеют им под влиянием чисто психологических факторов, мешая адекватному восприятию других, даже более обоснованных мифов.

В современной культуре появляются все новые мифы: в экономике, науке, медицине, естествознании – Интернет, телевидение, кино, фотография, реклама, мифы, часто деструктивно влияющие на сознание человека. Их деструктивности должна быть противопоставлена конструктивная сила. Поэтому имиджмейкеру, создающему мифологическое сообщение, необходимо понимать, что миф есть отражение в нашем сознании реального бытия и сам миф реален, закономерен, символичен, социально необходим. При этом мифологическое сознание мыслит символами: каждый образ, герой, действующее лицо обозначают стоящее за ним явление или понятие.

Б.Л. Борисов выделяет следующие функции мифа, значимые для имиджмейкинга:

- *аксиологическая* – выражает качественное состояние предмета или идеи;
- *семиотическая или знаковая* – чтение текстов на специфическом языке знаков;
- *гносеологическая или познавательная* – опыт человеческих поколений, способность накапливать знания о мире;
- *коммуникативная* (функция трансляции) – механизм передачи опыта от поколения к поколению, социальная память человечества [2].

Тогда как Л.Г. Ионин считает важной функцией мифа – *энергетическую*, поскольку миф концентрирует энергию и направляет ее на конституируемые объекты, а также значимыми функциями мифа данный автор выделяет *функцию созидания коллективов*, формирование и воспроизведение коллективной идентичности, формирование и структурирование пространства, в котором можно выделить центр, периферию и разные степени отдаленности от центра [7].

Еще одним важным аспектом мифа для создания имиджа является тот факт, что миф *оперирует образами*, что роднит его с имиджем и обеспечивает ему запоминаемость, узнаваемость, цельность. В основе создания имиджа через миф всегда лежит определённая *драматургия*, где есть конфликт, разрешить который

можно только с помощью «героя». Миф позволяет связывать воедино различные события, создавая ощущение цельности, осмысленности происходящего.

В процессе создания имиджа имиджмейкер опирается на архетипические образы как врожденные источники представлений, регулирующие принципы формирования наших взглядов на мир, условия его осмысления и понимания.

В.Г. Горчакова предлагает выстраивать имидж на основе базовых архетипических образов, заложенных в сознании каждого человека, так как считает, что «реализация человека происходит на основе проявления наиболее ярких качеств его личности, а социальное признание обеспечивается самыми сильными социальными чувствами. Личное же счастье достигается за счет позитивных и эстетично выраженных внутренних качеств человека» [4, с. 87].

Исследователь предлагает использовать архетипический образ как базовый образ человека, комплекс, систему качеств, одно из которых будет являться главным, системообразующим в создании необходимого образа. Причём в процессе создания имиджа архетипы и базовые образы национальной ментальности являются самыми ресурсными, стимулирующими и узнаваемыми. Основываясь на данных универсальных архетипических образах, которые обеспечивают признание, расположение, лидерскую позицию, влияние, любовь, социальный успех имиджмейкер может выстроить целостный образ имиджируемого. Для публичного взаимодействия важно усиленное проявление системообразующего качества, что необходимо для яркости имидженосителя и прочности запечатлевания образа (рис.).

Рисунок. Базовые архетипические образы

Таким образом, имидж с точки зрения культурологического подхода представляет собой набор качеств имиджируемого объекта (личности, товара, организации), включающий символические, мифологические, стереотипные и другие социокультурные аспекты, которые целевая аудитория соотносят с воспринимаемым объектом.

Выводы и научная новизна

В результате проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что в современной научной мысли, назрела необходимость систематизировать подходы к исследованию имиджа в культурологическом контексте.

Проведенное исследование показало, что феномен имиджа в современной культуре является не только визуально-привлекательной картинкой или хорошо завуалированным «фасадом», за которым можно спрятать негативные характеристики объекта (личности, товара, организации и др.), но универсальной единицей, позволяющей представить объект целевой аудитории в наиболее выгодном варианте. Наряду с этим имидж является выразителем культурных смыслов и рассматривается сегодня как явление социальное, культурное и психологическое одновременно; как репрезентативная форма социально-культурных отношений, осуществляемая в рамках диалога с Другим; как текст, в котором переплетаются мировоззренческие аспекты человеческой субъективности и социальности; как система социального программирования духовной жизни и поведения субъектов общецивилизационными и ментальными стереотипами и символами группового поведения, опосредованная мощью мотивации успеха, эталоном желаемого впечатления.

В нашем исследовании мы проанализировали возможность использования в практике имиджмейкинга таких значимых составляющих имиджа, как символ и миф, а также стереотип.

При рассмотрении особенностей стереотипного восприятия объекта было выявлено, что под стереотипом в социальной практике понимается наиболее эффективный инструмент обработки социально значимой информации в коммуникативных процессах, а также необходимое средство регуляции совместной деятельности людей в социуме.

Понимая, что в современном мире основную массу информации человек получает в знаковой форме, мы проанализировали символическую составляющую имиджа и представили имидж как универсальную конструкцию, передающую необходимый объем информации сразу по нескольким каналам коммуникации, так как он являет собой не отдельно стоящий знак, а целостную структуру.

В процессе исследования была проанализирована мифологическая составляющая имиджа, так как миф в жизнедеятельности человека выполняет функцию социальной регуляции, способа адаптации в социуме. Были рассмотрены архетипические образы, которые при грамотном их освоении обеспечивают признание, расположение, лидерскую позицию, влияние, любовь, социальный успех имиджируемому объекту.

Таким образом, полученные нами результаты требуют осмысления и дальнейших эмпирических исследований.

1. Белобрагин В.Я. Некоторые вопросы формирования имиджелогии как науки // PR в образовании. 2004. № 2. С. 63–83.
2. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 624 с.
3. Воеводина Л.Н. Мифотворчество в XX столетии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fact.ru/www/arhiv9s4/html>
4. Горчакова В.Г. Имидж: розыгрыш или код доступа? М.: Эксмо, 2007. 208 с.
5. Григорьева Н.И. Имиджи и симулякры в социально-коммуникативной среде современной цивилизации: дис. канд. филос. наук. / Н. Новгород, 2010. 198 с.
6. Дуков Е.В., Хренов Н.А. и др. Введение в социологию искусства. СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М.: Логос. 2001. 431 с.
8. Муратова И.А. Имидж как репрезентация социально-культурных отношений: дис. ... канд. филос. наук. / Тюмень, 2014. 145 с.
9. Некрасова У.С. Философско-антропологические измерения индивидуального имиджа: дис. ... канд. филос. наук. / Тула, 2010. 169 с.
10. Перельгина Е.Б. Психология имиджа: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2010. 223 с.
11. Пивоев В.М. Философия культуры. СПб.: Изд-во Юридич. ин-та, 2001. 352 с.
12. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл. бук, 2000. 768 с.
13. Суходольская Н.П., Фролов А.В. Социальные стереотипы в пространстве современного города мегаполиса // Вестник МГСУ. 2011. №4. С. 417–421.
14. Фёдоров И.А. Индивидуальный имидж как сторона духовной жизни общества: дис. д-ра социол. наук. / Тамбовский гос. ун-т. Тамбов, 1998. 254 с.
15. Хорни К. Самоанализ. М.: Смысл, 1997. 543 с.
16. Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо. 2003. 384 с.
17. Черемушников И.К. Имидж в смысловом пространстве культуры: дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2010. 341 с.

© Т.В. Метляева, 2017

Для цитирования: Метляева Т.В. Исследование феномена имиджа как культурного явления // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 188–199.

For citation: Metlyaeva T.V. Image phenomenon research as cultural phenomenon // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 188–199.

Дата поступления: 21.03.2017.

О.Н. Данилова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Природные и экологические основания дизайна как репрезентации взаимосвязи культурного наследия и проектного формообразования костюма

В статье рассматриваются проблемы репрезентации культурного наследия в современной проектной культуре. Выявлены и обсуждаются признаки переходной стадии от постмодернизма к становлению метамодернистского характера творческой деятельности в дизайне костюма XX–XXI вв. Модернизм и постмодернизм опирались на предшествующее культурное наследие, при этом в культуре периода постмодернизма получила развитие авторская интерпретация объектов реального мира, включая дальнейшую визуализацию новых образов. Новая парадигма метамодернизма в проектной культуре ориентирована на перформанс, использование кинетических структур в объектах дизайна и сформирована под давлением интегрированных системных знаний, технологических достижений и технических эффектов. Развитие информационных технологий необратимо реструктурировало природу отношений в социокультурном пространстве, однако культурные акты настоящего, в частности, процессы компьютерной генерации образов, имеют невоспроизводимый виртуальный характер. Подобного рода творческая активность человека не ориентирована на проектирование объектов, имеющих долговременную культурную ценность. Намечены пути переосмысления традиции в проектной культуре, а также механизмы репрезентации культурного наследия в дизайне современного костюма. Наиболее перспективным направлением современной проектной культуры является переосмысление традиций с целью последующего формирования нового образа, выявление динамики процессов наследования и дальнейшего морфологического развития форм, прямые аналогии которых широко представлены в живой природе. Показана необходимость проведения междисциплинарных исследований в сфере изучения и актуализации объектов культурного наследия, что позволяет сформировать единую общетеоретическую концепцию экологического дизайна. Проанализированы ключевые вопросы эволюции проектной культуры с позиций методологии экологического дизайна и поиска новой стратегии формообразования костюма.

Ключевые слова и словосочетания: постмодернизм, метамодернизм, культурное наследие, дизайн костюма, экологический дизайн, энвайронмент.

O.N. Danilova

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok, Russia

The natural and ecological foundations of design as a representation of the relationship between cultural heritage and costume design

The article deals of problems of representation of cultural heritage in modern project culture. Signs of the transition from postmodernism to metamodernism are traced in the change in the nature of creative activity in the design of costume of XX-XXI centuries. Modernism and postmodernism relied on prior cultural heritage, while in the culture of postmodernism period the author's interpretation of the objects of the real world developed, including the further visualization of new images. The new paradigm of metamodernism in the project culture is focused on performance, the use of kinetic structures in design objects and is formed under the pressure of integrated system knowledge, technological achievements and technical effects. Development of information technologies is irreversible restructured the nature of relations in the socio-cultural space, but the cultural acts of the present, in particular, computer generated images, are virtual character. This kind of creative human activity is not directed at the design of objects with long-term cultural value. The ways of rethinking the tradition in the culture, as well as the mechanisms for the representation of cultural heritage in the design of modern costumes, are outlined. The most promising direction of modern design culture is redefining the traditions of creating a new image, revealing the dynamics of succession processes and the further development of morphological forms, direct analogies which are widely represented in nature. Interdisciplinary research has been carried out in the field of studying and actualization objects of cultural heritage and form-finding of costume, which makes it possible to form a single general theoretical concept of ecological design. The prognostic of the evolution of the modern project culture is made from the standpoint of the methodology of ecological design and the search for a new strategy for shaping the costume are analyzed.

Keywords: postmodernism, metamodernism, cultural heritage, costume design, ecological design, environment.

Введение

Современные гуманитарные исследования направлены на выявление традиций культурного наследования и поиск аксиологических оснований дальнейшего развития проектной культуры. Актуальными тенденциями современной культуры являются комплексное развитие процессов гуманизации, выявление общечеловеческих ценностей, а также практическое использование механизмов сохранения и трансляции культурного наследия. Важным методологическим аспектом исследования, формирующим единый смысловой контекст репрезентации культурного наследия, является комплексный подход в исследовании культуры как сверхсложной системы [20; 27, с. 28].

На данном этапе развития мировой культуры наблюдается обострение проблем сохранения живой природы и культурного наследия, остаются нерешенными задачи формирования экологического (ноосферного) сознания и развития экологической компетенции. Экологизация сознания имеет этнонациональные культурные предпосылки и отражает общечеловеческие потребности, направленные на поиск путей эволюции человека и природы, повторного использования полезных ресурсов, исключения вредных для здоровья человека элементов окружающей среды, утилизации и переработки промышленных отходов.

Проблемы формирования экологического сознания и экономного хозяйствования решаются на государственном уровне и в широком мировом масштабе. Необходимость сохранения природного и культурного наследия в России получила свое подтверждение в определении 2017 года как Года экологии. На правительственном уровне звучат призывы к общественности и жителям страны проявить более сознательное и ответственное отношение к природным объектам. Для продвижения ценностей экологической культуры предполагается проведение ряда реформ и форумов, а также практическое внедрение природоохранных технологий и реализация усилий по охране окружающей среды на территории России. При помощи средств компьютерной графики разработан графический символ Года экологии в виде стилизованного изображения растительных форм, репрезентирующих богатство и уникальность объектов природы [6].

Негативные последствия ухудшения экологической ситуации в мире, утрата понимания единства человека, природы и культуры, отчуждение людей от первооснов народного творчества выявляют ключевые проблемы перестройки мировоззрения и корректировки стратегий проектной культуры. Особое значение в этой связи приобретают задачи проектирования культурно-ориентированной среды обитания, выявления аспектов художественно-эстетической идентификации, воссоздания регионального и национального своеобразия предметной среды. В настоящее время в науке на базе естественнонаучных исследований сформирована система знаний о природе и экологии человека. Популяризация этой информации органично дополняет проектно-технологическую культуру XXI в., способствует широкой интерпретации особенностей ноосферного сознания и самоидентификации личности.

Таким образом, очевидна своевременность и необходимость комплексного исследования форм репрезентации культурного наследия в контексте экологической ориентации проектной культуры. Актуальность данного исследования обусловлена сменой парадигмы постмодернизма и возникновением новой идеи метамодернизма как перспективного развития мировой культуры.

Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция

Выстраивание проблематики репрезентации культурного наследия в проектной культуре становится возможным в результате включения в систему знаний результатов гуманитарных и естественнонаучных исследований (искусствоведе-

ния, культурологии, истории, археологии, этнографии, антропологии, дизайна). Междисциплинарная значимость феномена культурного наследия требует систематизации и интеграции теоретических исследований из разных областей знаний.

Предметом данного исследования является экологический дизайн костюма как форма репрезентации культурного наследия.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании механизмов и форм репрезентации культурного наследия в проектной культуре и в экологическом дизайне современного костюма. Реализация этой цели потребовала решения следующих задач: выявление закономерностей формообразования объектов культурного наследия; систематизация результатов междисциплинарных исследований в сфере изучения и актуализации объектов культурного наследия; разработка концепции экологического дизайна в контексте ценностей метамодернизма.

Рамки исследования культурного наследия территориально ограничены артефактами культуры Дальневосточного региона, привлечены этнографические материалы и предметы традиционного костюма XIX–XX вв., а также объекты современного дизайна костюма, разработанные с использованием передовых технологий.

Проблема репрезентации культурного наследия имеет междисциплинарный характер, поэтому источниковая база исследования представляет собой несколько взаимосвязанных информационных блоков теоретического и прикладного характера: культурологические и искусствоведческие исследования; опубликованные материалы археологических и этнографических исследований; результаты полевых исследований автора (опрос, наблюдения, зарисовки); теоретические концепции экологического проектирования; цифровые материалы объектов проектной культуры, а также серии визуальных образов современного костюма. В культурологических исследованиях И.М. Быховской, С.Н. Иконниковой, Н.С. Злобина, Т.А. Чебанюк рассматривается проблема междисциплинарности исследований на основе формирования единой общетеоретической концепции, при этом подчеркивается необходимость интеграции накопленных знаний в области смежных наук, объединяющей все многообразие аспектов исследования в целостную систему [27, с. 28].

Методы исследования, методологические принципы и инструменты

Особенности материала исследования требуют использования системного подхода, культурно-антропологического и искусствоведческого подходов, а также анализа и синтеза объектов экологического дизайна с элементами научного прогнозирования. В качестве теоретической основы исследования применены положения теории симметрии, теории проектирования костюма и орнамента.

Основная часть

На рубеже XX–XXI вв. в гуманитарных, прикладных и фундаментальных науках сформировался значительный объем знаний об особенностях мирового культурного наследия. В период постмодернизма, начиная со второй половины XX в., происходит постепенное разрушение традиционной системы понимания и познания мира, процессы массовой коммуникации способствуют возникновению

новых форм репрезентации отдельных аспектов культуры, искусства и дизайна. В информационной стадии развития цивилизации нарушаются взаимосвязи духовно-нравственного значения культурного наследия, возникает необходимость выявления структуры новых культурных феноменов и динамики их изменений, определения перспективы развития отношений человека и культуры [20; 27, с. 28].

В рамках научной методологии возникает концепция «мозаичности культуры», которая отображает тенденции развития проектной культуры. В проектной культуре выделены художественный, технический и научный типы графического языка. Основная смысловая единица изобразительного языка – икон – выступает знаком смысла, при этом в проектной культуре икон может иметь несколько вариантов различий в конфигурации и несколько проекций [21, с. 286, 289]. Вместе с тем, объективная логика иконологического метода приводит к частичному редуцированию художественного смысла графического образа [2, с. 21; 21, с. 282, 286; 25, с. 1223–1224].

Модернизм и постмодернизм опирались на предшествующее культурное наследие, при этом в культуре периода постмодернизма получила развитие авторская интерпретация объектов реального мира или деталей текста, включая дальнейшую визуализацию новых образов согласно логике симулякра. Ж. Делез отмечает фактический триумф функционирования симулякров, когда образец и его копии являются заблуждением, иллюзией [2, с. 9; 14, с. 57]. Период постмодернизма в проектной культуре демонстрирует широкое применение эвристических методов анализа и синтеза, основанных на интуитивных поисках различных приемов репрезентации традиционной картины мира в виде простой репликации и цитирования архаичных артефактов, этнических ценностей, объектов предшествующей культуры. Объекты постмодернизма представляют собой многоуровневую систему, в которой интегрировались внехудожественные фрагменты, подлинные образцы текстов и их имитации, художественный и информационный тексты. Культурологический контекст создавался благодаря совокупности всех элементов этой системы [25, с. 1225].

Переходная стадия от постмодернизма к постпостмодернизму, кризис массовой культуры, ее фрагментация и постиндустриальное социокультурное развитие рассматриваются как следствие интеллектуальной деятельности человека в условиях приоритета виртуальной реальности. Развитие информационных технологий необратимо реструктурировало природу отношений в социокультурном пространстве, однако культурные акты настоящего, в частности компьютерная генерация образов, имеют невоспроизводимый виртуальный характер. Подобного рода творческая активность человека не ориентирована на проектирование объектов, имеющих долговременную культурную ценность. Вместе с тем в эпоху постмодернизма возникает противоречие между достаточно высоким уровнем объективной достоверности знаний и их авторской субъективной интерпретацией, которая находит выражение во внешней репрезентации, в ироническом самосознании автора, в свободной трансформации традиционных образов и манипуляции культурными ценностями [15, с. 165; 29].

В начале XXI в. на смену исчерпавшим себя системам понимания и познания мира приходит потребность в определении нового типа культуры и мировоззрения. Понятие «метамодернизм» впервые предложено в 2010 г. как идея о «колебании» процессов в естественном миропорядке. Авторы этого термина голландские философы Тимотеус Вермюлен, Робин ван Ден и вслед за ними российские исследователи С. Федосин, В. Горюнов, Т. Даими, М.С. Третьякова разрабатывают новый понятийный аппарат исходя из концепции аксиоматического введения носителей – реальных объектов природы, культуры и общества, идеальных объектов, существующих в сознании и олицетворяющих собой сущность бытия [7; 9; 23; 24]. Достижения современной науки в области изучения эволюции и морфогенеза живых организмов, биологического полиморфизма и самоорганизации живых систем служат основой для формирования проектной культуры метамодернизма. Процессы становления и формирования метамодернизма как нового направления развития мировой культуры вселяют надежду на перестройку ориентиров творческой проектной деятельности в условиях информационной насыщенности современного общества, эстетического и функционального многообразия объектов дизайна. В исследованиях М.С. Третьяковой показаны возможности морфогенетического проектирования как механизма трансляции культурной традиции и формы репрезентации открытых систем в синергично-эволюционной картине мира [23; 24].

Новая парадигма метамодернизма ориентирована на перформанс, использование кинетических структур в объектах дизайна и сформирована под давлением системных знаний, технологических достижений и технических эффектов. Изменение парадигмы культуры в целом и проектной культуры в частности ориентировано на перестройку мировоззрения, освоение традиционных ценностей народной культуры, переосмысление традиций формирования нового образа, выявление динамики процессов наследования и дальнейшего морфологического развития форм, прямые аналогии которых широко представлены в живой природе [24].

Концепция экологического проектирования получила распространение в международной выставочной деятельности *энвайронмент* (англ. *environment* – окружающая среда) как способе демонстрации экспериментов с пластической формой (Международная выставка «Premio Valcellina Award», Италия). *Энвайронмент* находит применение в природной и искусственной среде, используется для наглядного пространственного представления результатов исследовательской деятельности и возможностей формообразования объемно-пространственных структур из различных материалов в архитектурной практике (инсталляция объектов в интерьере), в объектах авторского дизайна костюма (постановка проблемы взаимодействия человека с окружающей средой). Идея взаимодействия костюма и природы основывается на единстве законов формирования и функционирования биологических и искусственных систем [3, с. 135; 26, с. 120].

Переориентация проектной деятельности на решение экологических проблем обусловлена предпосылками зарождения модели духовного развития человеческого общества и цивилизации в целом, что приводит к необходимости создания принципиально новых качеств объектов *экодизайна* в соответствии с существующими

ющими потребностями и социальным устройством. Особое значение в этой связи приобретают проекты культурно-ориентированной среды обитания, направленные на воссоздание регионального и национального своеобразия предметной среды, способствующие также выявлению функционально-эстетических аспектов объектов культурного наследия в процессе их идентификации.

В результате социокультурного взаимодействия человека и общества сформировалось экологическое направление проектной деятельности, направленное на поиск средств гармонизации природных и техногенных структур, человека и объектов окружающей среды, включая костюм. Проблема костюма как объекта культуры, искусства и дизайна изучается с различных точек зрения (художественной, экономической, промышленной). Экологизация проектно-производственной деятельности (М. Сууронен, П. Мэрдок, Ф. О. Генри) и экология потребления (С. Бранд) имеют общие концептуальные подходы. Новые качества экологически ориентированной проектной деятельности проявились в расширении взаимосвязей предметной среды, в стремлении к воссозданию традиционного качества жизни и многофункциональности костюма [14, с. 233–236].

Использование биологических законов гармонизации в процессе создания новых объектов дизайна позволяет вплотную подойти к решению основной задачи современной проектной культуры – формированию экологического сознания и целостной системы мировосприятия. Негативные последствия нарушения экологического равновесия в условиях приоритета техногенного развития цивилизации, такие, как утрата понимания единства человека и природы, отчуждение людей от первооснов традиционной культуры, безответственное потребление во всех сферах жизнедеятельности, выявляют ключевые проблемы корректировки стратегий проектной деятельности.

Исследованиям этнического и экологического пространства, изучению семантического и психологического поля, анализу взаимодействия человека и окружающей среды посвящены работы отечественных и зарубежных ученых П. Бурдые, Л.Н. Гумилева, К. Левина, В.Ф. Петренко, В.И. Иовлева, К. Дей, А. Вильсона, В.А. Филин, Э. Холла, К. Линча. В научных работах Н.М. Калашниковой представлены результаты изучения народного костюма как объекта культурологического исследования. Традиции народного искусства продолжали оставаться основным творческим источником проектной культуры, но сложилось более свободное отношение к первоисточнику, расширились рамки репрезентации наследия народного быта [8; 28]. Искусствовед Г.Т. Титорева отмечает неизбежные трансформации традиционного этнического искусства и создание на его основе нового ассоциативного искусства. Анализируя функции этнических элементов в современном костюме с позиций культурологического подхода, А.И. Затулий подчеркивает важность преемственности культурного наследия народов и рассматривает традиционный костюм как средство противостояния ценностям различных субкультур [10; 11, с. 166, 168; 15, с. 29].

В период постмодернизма экологический дизайн получил развитие как новая парадигма проектной культуры, включающей в себя создание гармоничной пред-

метно-пространственной среды, организованной на основе информационного единства всех элементов проектируемой системы, выразительности и актуальности художественно-эстетического образа, телесности человека и связанной с ней тектонической целесообразности формы костюма. Так, в трудах И.Н. Савельевой изложены результаты научно-практических исследований традиционного костюма народов Крайнего Севера России: приемы адаптации костюма в экстремальных климатических условиях предложено использовать в процессе проектирования одежды специального назначения. В работах А.П. Жихарева, Н.С. Мокеевой, Т.В. Глушковой, О.Н. Харловой разработаны классификация ассортимента, характеристика и методы оценки защитных свойств спецодежды. Ф.М. Пармон впервые подошел к проблеме изучения народного костюма с позиций разработки классификационных таблиц для дальнейшего использования графической и аналитической информации в процессе автоматизированного проектирования костюма. Особого внимания и изучения заслуживают методы формообразования регионального скандинавского, итальянского и японского дизайна костюма, имеющие экологическую направленность. Аспекты искусствоведческого и культурологического анализа этнонационального дизайна отражены в работах М.А. Тимофеевой, Т.М. Журавской, результаты изучения японского дизайна костюма представлены в публикациях Д.Ю. Ермиловой [13; 14].

Экологическая этика заключается в гармонизации человека с окружающей природой за счет сокращения объемов потребления, использования натуральных материалов растительного и минерального происхождения, отказа от натурального меха. Обновленная система ценностей повлияла на экологизацию социокультурных и производственных процессов: пропаганду здорового образа жизни; экономию невозобновляемых природных ресурсов; внедрение безотходных и безвредных технологий; изобретение высокотехнологичных материалов, не загрязняющих окружающую среду. Экологическое сознание сконцентрировано не только на компиляции информации о воздействии окружающих объектов на человека, но и на развитии творческих способностей личности [14, с. 233–236].

Идеи метамодернизма влияют на расширение границ проектной деятельности, формируются принципиально новые планы реконструкции и модернизации среды традиционного обитания человека на основе применения механизмов культурной преемственности, воссоздания регионального и национального своеобразия новыми проектными средствами. В этом контексте актуализируются комплексные исследования артефактов мировой культуры и их дальнейшая интерпретация в качестве творческих источников экодизайна. Визуальные характеристики объектов культурного наследия находят отражение в художественно-образных и стилевых решениях объектов экодизайна костюма. Неисчерпаемым источником разработки актуальных принципов экодизайна служат эстетика и тектоника форм, системы пропорционирования, зонирования и орнаментации объектов традиционной культуры.

Для разработки механизмов репрезентации культурного наследия и методологии дизайна костюма особое значение имеют результаты фундаментальных

этнографических и искусствоведческих исследований традиционного костюма и орнамента, представленные в работах В.К. Арсеньева, Л.Л. Барковой, П.Г. Богатырева, П.Я. Гонтмахера, С.В. Иванова, Н.В. Кочешкова, А.Г. Лебедева, И.А. Лопатина, Т.В. Мельниковой, А.Ф. Миддендорфа, Н.В. Полосьмак, Н.Ф. Прытковой, А.В. Смоляк, А.Ф. Старцева, Л.П. Тарвид, Ч.М. Таксами, Г.Т. Титоровой, Л.Я. Штернберга, В. Laufer, L. Crihfield Daldy, D.C. Gluckman, Sh. Sadako Takeda, Norio Yamanaka и др. В этнографических исследованиях Н.В. Кочешкова, Н.Ф. Прытковой предложена типология традиционной материальной культуры народов Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии. В.Г. Арсланов высказал предположение о том, что архаичные модели сознания демонстрируют большую устойчивость и продуктивность на протяжении всей истории культуры и искусства [2, с. 57].

Теоретической основой разработки концепции метамодернизма в дизайне современного костюма выступают философские аспекты регулирования человеческих потребностей на основе формирования экологического сознания, адаптации идеи ноосферы, сформулированной В.И. Вернадским и Э. Ле Руа, рациональное осмысление достижений традиционной культуры с учетом научных концепций Л.Н. Гумилева, Г.А. Беллера, Ю.А. Кувшинова [4; 8].

Согласно гипотезе В.Г. Арсланова, в период позднего неолита человечество осознавало, что миром управляют объективные законы, которые были репрезентированы в культуре в виде орнаментального искусства [2, с. 107]. Разнообразие форм проявления орнамента служит предметом исследования специалистов различных областей знаний. Комплексный анализ орнаментальных композиций проведен в исследованиях В.Я. Бересневой, Ю.Я. Герчука, Л.И. Ремпеля, С.В. Яблана. Орнамент как форма репрезентации объектов культурного наследия рассматривается с позиций дальнейшего совершенствования технологических приемов с закрепленными в них признаками временного уровня, культурных и этнотерриториальных особенностей конкретных обществ.

Исследование артефактов традиционной этнической культуры – неотъемлемый атрибут творческой логики современной проектной культуры [11, с. 168]. В исследованиях М.С. Третьяковой сформулированы способы переосмысления традиции и этапы их реализации в современном проектировании: эволюция формы; эволюция принципов; проведение аналогий между традицией и современностью (например, по сходству функций); включение технических достижений в процессы актуализации традиции. Использование методов современной науки позволяет наследовать и интерпретировать традицию в различных объектах, при этом ведущую роль играют эстетические ценности и ассоциативные образы, способствующие сохранению идентичности и самосознания [23; 24].

Наиболее перспективные тенденции развития современной проектной культуры заключаются в переосмыслении традиционного искусства и обогащении творческих поисков на основе использования новых технологий. Применение средств компьютерной графики позволяет выявить созвучные современной эстетике механизмы трансляции культурного наследия. Примером одной из форм репрезентации творческого наследия могут служить графическая обработка и стилизация

традиционного костюма и орнамента [11, с. 166–167]. Стилизация традиционного орнамента – эффективный инструмент трансляции традиции и синтеза новых проектных решений в соответствии с современными эстетическими воззрениями и технологическими возможностями [23].

Особого внимания заслуживает изучение антропоэкологических основ формирования костюма, изначально зародившихся в этнонациональной традиции. Система символов и знаков костюмного комплекса, телесный габитус представителей этнотерриториальных групп изучаются как текст, который достоверно репрезентирует духовные и материальные аспекты национальной культуры.

В качестве наиболее перспективного творческого источника для развития экологически направленной проектной деятельности, в том числе на основе применения научно-технических инноваций, необходимо использовать достижения традиционной культуры, в которых сконцентрирован огромный практический опыт человечества, полученный в условиях социокультурной и психофизиологической адаптации населения к окружающей природной среде.

Экологически ориентированная проектная культура непосредственно включена в процессы постиндустриального развития общества на фоне различных изменений среды обитания – социокультурных и технико-экономических преобразований, воздействия неблагоприятных природных факторов. Особую актуальность в условиях дисбаланса между природной сущностью человека и агрессивной окружающей средой приобретают экологические концепции дизайна, направленные на гармонизацию жизнедеятельности человека и создание дружественной материальной визуально-коммуникативной среды. Наиболее успешным решением задач экодизайна является региональный дизайн, творческим источником которого становятся уникальные образцы этнонационального наследия. В функциональных течениях скандинавского, японского, итальянского регионального дизайна интерпретируются местные традиции, при этом модернизация объектов осуществляется за счет использования ультрасовременных технологий и материалов [12, с. 128–129].

Дальневосточный региональный дизайн, в частности, японский дизайн костюма отличается сохранением всех достижений предшествующих поколений. Философия японского дизайна одежды основана на достижении изменчивости и движения. Модели Иссея Мияке геометрически безупречны и на фигуре человека воплощают идею восприимчивости формы к переменам и развитию, приобретая объем и динамику. Эстетические нормы проектирования традиционного костюма интерпретируются в женских моделях из коллекции Рей Кавакубо.

Исследователи модной индустрии отмечают влияние философии японского регионального экодизайна на творчество бельгийских, корейских и китайских дизайнеров: в сдержанных формах экологически ориентированного костюма прослеживается гармоничная соразмерность формы, здравый смысл, концептуальная сверхценность повседневности как органичной составляющей окружающей природы [5, с. 25]. Тенденции неотехнологического японского дизайна [14, с. 238] направлены на решение проблем адаптации высоких технологий к потребностям и культурным ценностям человека.

Восточное мировоззрение, стиль и язык проектной культуры оказывают влияние на западный дизайн, что можно объяснить сходством концептуального подхода в использовании исторических параллелей [5, с. 77]. Отличительными чертами скандинавского дизайна является следование ремесленным традициям, высокий функционализм изделий, повышенное внимание к физико-механическим и гигиеническим свойствам материала, к выбору цветового решения и гармонизации объектов с позиций визуальной экологии [12, с. 128]. Шведский дизайн отличается экологическая корректность проектных решений, соотнесенность результатов проектной деятельности с природной средой, защищенность потребителей, поддержка региональных и семейных ценностей. Заслуживает внимания гражданская позиция шведского общества, согласно которой близость к природе – это одновременно физическое и культурное понятие. Философия шведского дизайна эволюционировала от идеи экологической защиты окружающей среды до социокультурного измерения и оценки экологических проблем: приоритет качества жизни; совершенствование механизмов устойчивого развития; формирование новой парадигмы развития человеческого сообщества. В экологической тематике шведского дизайна решаются вопросы адаптации информационных и трансформационных технологий к потребностям современного человека [22, с. 254–255].

Интернационализация задач проектной культуры требует интеграции усилий по осмыслению достижений этнонациональной культуры, в основе которой лежит огромный исторический опыт. Экспериментальные дизайнерские разработки – *concept design* – представляют собой вид художественно-проектной футурологии, охватывающей интернациональные символы современной цивилизации [1, с. 7]. Освоение роли культурно-исторических ценностей, формирование новых эстетических норм проектирования, использование их в практике экодизайна современного костюма способствуют положительной адекватной самоидентификации носителей культуры. В коллекции современной женской нарядной одежды Джорджины Чэпмен прослеживается преемственность японской эстетической нормы и элементов формообразования костюма. Дизайн костюма в Италии является объектом традиционной семейной деятельности, направленной на сохранение исторических ценностей европейской культуры и развитие национальных приоритетов. Трикотажная одежда семейного клана дизайнеров одежды Миссони (Missoni) отличается сложным колоритом орнаментальных композиций, созданных на основе интерпретации традиционных технологий [5, с. 20]. В данном контексте концепция экодизайна позволяет провести реконструкцию традиционных ценностей в современной культуре.

Решение вопросов экологии человека с учетом информационно-технических достижений современного общества требует разработки принципиально новых подходов в создании объектов материальной среды, отвечающих биологической сущности человека. Экодизайн костюма как многоуровневый феномен актуализирован с позиций необходимости научно-практического обоснования процессов создания качественно новых объектов, удовлетворяющих потребностям личности в самосовершенствовании и обеспечивающих безопасность жизнедеятельности и

комфорт. Проблемы формирования актуальных потребительских качеств современных объектов экодизайна вызваны недостаточно осмысленным использованием в практике проектирования законов взаимодействия человека и природной среды, а также частичной утратой понимания ценностной системы формообразования этнонационального костюма.

Интерпретация объектов культурного наследия представляет комплексную историко-культурную, искусствоведческую проблему, решение которой реализуется, в том числе, и в различных формах репрезентации современной проектной культуры. Наиболее перспективные тенденции развития современной проектной культуры заключаются в переосмыслении традиционного искусства и обогащении творческих поисков на основе использования новых технологий [11, с. 166–167].

Модернизация социокультурных норм современного общества и внедрение в различные сферы деятельности прогрессивных научно-технических разработок влияют на формирование определенного качества жизни современного человека. Информационно-коммуникативные и эстетические потребности личности формируются под влиянием рекламы модного образа жизни в соответствующем пространстве материальных ценностей. В данном контексте к внешним факторам стимулирования проектного творчества относятся объективные материально-технические, экономические, природно-климатические условия; внутренними факторами развития базовых стратегий дизайна являются эргономические, психофизиологические, биоэнергетические особенности человеческого организма. При антропологическом подходе экодизайн предстает как средство развития духовной составляющей этнокультурных мировоззренческих установок человека.

Переориентация проектной деятельности на решение экологических проблем обусловлена также возникновением современной модели духовного развития человеческого общества и цивилизации в целом, что приводит к необходимости создания объектов экодизайна принципиально нового качества в соответствии с существующими потребностями и социальным устройством. Особое значение в этой связи приобретают проекты культурно-ориентированной среды обитания, направленные на воссоздание регионального и национального своеобразия предметной среды, а также способствующие выявлению функционально-эстетических аспектов объектов культурного наследия в процессе их идентификации.

Истоками формирования концепции экологической составляющей композиции современного костюма служат этнические технологии, в которых закреплены особенности традиционного миропонимания, религиозных, художественно-эстетических, этических и гигиенических норм, технических приемов и технологических средств создания традиционного костюма.

Основным формообразующим приемом творческой деятельности в традиционных культурах является проецирование антропоморфных особенностей на объекты окружающей среды в виде объемно-пространственных, структурных, плоскостных силуэтных предметных аналогов или изображений. Эффект активного психоэмоционального воздействия объектов культурного наследия достигался за счет использования контрастных цветовых сочетаний в геометрическом орнаменте.

Канонические традиции декоративности и цельности образа проявляются в схемах акцентирования элементов формы костюма и соответствующих проекций антропоморфных особенностей фигуры человека – ориентирных точек и зон топографической анатомии. Очевидно, изначально эти зоны активного визуального восприятия и распознавания образа служили базовыми структурными элементами традиционного костюма. Эстетический канон, закрепленный в культурном наследии, утверждается многократным повторением геометрической структуры артефактов, что является основанием для разработки типологии формообразования и орнаментации объектов экодизайна костюма. В устойчивой архаичной традиции эстетический канон обусловлен особенностями мифологического и образного мышления, предметным выражением представлений о структуре мироздания и роли человека во взаимодействии с природными явлениями.

Важными информационными признаками объектов культурного наследия для дальнейшей их репрезентации в современном дизайне являются принципы формообразования и гармонизации тектонической системы костюма. В формообразовании вновь созданных объектов экодизайна костюма, по аналогии с традиционными этнотехнологиями, учитывается возможность демонтажа, замены деталей и вторичного использования изделий или их элементов [22, с. 247]. Способы формообразования традиционной одежды и декора основываются на преобразованиях классической и аффинной симметрии, выполнении разверток шаблонов-трафаретов, трансформациях комбинаторно-модульной системы. Рациональное ограничение приемов и средств формообразования в экологическом дизайне костюма приводит к максимальному приближению к идеальной пространственной модели, в которой заведомо исключена дисгармония. Технические приемы декорирования, цветовая гамма, использование различных материалов в объектах культурного наследия ограничены традицией, типом хозяйственной деятельности и наличием определенного сырья для получения материалов с заданными свойствами. Использование привозных материалов повышает престижность изделий. По результатам анализа художественно-эстетического канона в объектах культурного наследия установлены важные принципы формообразования: тектонические и пропорциональные взаимосвязи элементов формы основаны на закономерностях природного формообразования (модульная система, кинетическая трансформация, пропорции «золотого сечения» и т.д.). Формообразование одежды на основе использования горизонтальных модулей представлено в коллекции Мартина Марджела.

Систематизация способов формообразования и орнаментирования традиционного костюма показала общность функционально-эстетического и тектонического подхода к формообразованию костюма в различных этнических культурах, что послужило основанием для разработки модели репрезентации культурного наследия (рис.), обеспечивающей цельность традиционного и нового художественно-эстетического образа. Предложенная модель представляет собой систему взаимообусловленных и взаимосвязанных композиционных, художественно-эстетических и тектонических признаков «форма (силуэт) – орнамент (декор) – материал (сырье) – конструкция (покрой)» (ФОМК), дополненных формулировками,

предложенными к использованию в современной проектной культуре: технические и технологические инновации; функционально-эстетическое зонирование костюма; топографическая анатомия и особенности телосложения; проекция жизненно важных зон организма.

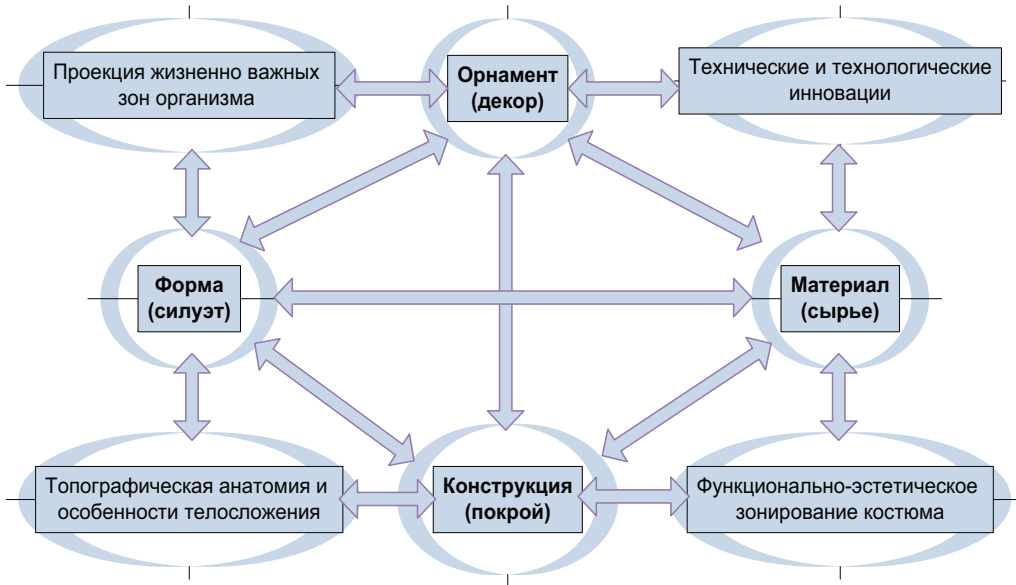

Рисунок. Модель репрезентации культурного наследия в современной проектной культуре (на примере традиционного костюма)

Предложенная модель является методологической основой комплексного изучения объектов культурного наследия, выявления типологических признаков, дальнейшего проведения систематизации и классификации орнаментированных артефактов. Идентификация геометрической формы визуальных символов объектов культурного наследия проведена на основе принципов и методов аналитического исследования с привлечением инструментов и средств математического аппарата.

Исходя из особенностей формообразования и орнаментирования изделий, выделены классификационные группировки декора по зонам расположения внутри силуэтной формы, по видам структурно-графической композиции, типологии первичного элемента (прообраза) и принципам его преобразования, техническим приемам орнаментации. При разработке классификации преследовалась цель объединения в классы объектов на основе выявления однородных тектонических и декоративно-композиционных признаков. Информационные параметры, описывающие качественный уровень и свойства артефактов, определены в зависимости от семиотического содержания группировок классификации.

Результаты исследования объектов традиционной культуры, полученные в интегрированной графоаналитической системе, дают основания для проведения глубокого анализа творческого источника и разработки принципиально нового подхода к проектированию современных объектов экодизайна. В результате изучения геометрических закономерностей формообразования традиционного костюма

установлена комплементарность жизненно важных зон топографической анатомии и зон акцентирования (орнаментации) костюма.

Такая обширность культурной проявленности, включенность в исследовательский процесс большого количества дисциплин создают определенную сложность научной систематизации знаний в процессе выстраивания всех аспектов культурной репрезентации как целостной системы. Применение системного подхода как направления методологии научного познания XX–нач. XXI в. означает совокупность методов научного исследования на основе использования современных технических средств.

Логическая структура этапов разработки и обоснования механизмов репрезентации культурного наследия охватывает искусствоведческую, экспериментально-графическую, проектную части. В соответствии с логикой проведения теоретического и аналитического исследования рассмотрены взаимосвязи ее элементов формы традиционного костюма, в частности орнаментальные композиции. Орнамент как часть формы согласован с конструкцией и назначением изделия, его выразительные качества зависят от свойств материалов и технологии изготовления. Характеристика типовых вариантов расположения орнамента позволяет выделить каноны формообразования артефактов. В теории дизайна костюма структурные соотношения формы и декора, динамика их изменений рассматриваются с позиций цикличности и проявления законов зрительного восприятия – возникающих иллюзий зрения (Т.В. Козлова, Г.И. Петушкова). Процедура поэтапного изучения и фиксирования орнамента позволяет установить наличие или отсутствие особых единичных образцов композиционной структуры. Полученные информационно-графические массивы дают основания для идентификации и разделения артефактов различных культурных и этнических традиций, определения их места в истории материальной культуры.

Орнамент рассматривается как целостный объект исследования, обладающий многообразными типами связей элементов. Установлено, что в орнаментальном искусстве синтезируется ряд взаимосвязанных характеристик, что приводит к выявлению функциональных задач орнамента. К основным классификационным признакам орнамента относят происхождение, назначение, содержание, технические приемы орнаментации, состав и особенности мотивов, композиционные приемы.

Типология орнаментальных элементов определена методом последовательного выделения множества признаков, их классификации и ранжирования по степени значимости при формировании декора, по характеру взаимосвязи между основными признаками с учетом материала и техники выполнения. Дальневосточный орнамент по геометрическим признакам относится к криволинейному, пластические элементы орнамента имеют сходство с биоформами животного и растительного происхождения, представляющими особый интерес для исследования параметрических характеристик элементов, выявления закономерностей структурного построения орнаментальных мотивов, их систематизации с использованием математического аппарата.

Уровень жизнеобеспечения в системе экологической культуры формируется на основе принципов сохранения целостности и сбалансированности взаимодействия человека и окружающей природной среды, рационального использования природного сырья и материалов. Защитная функция одежды от неблагоприятного воздействия внешних факторов выражается в использовании материалов, отвечающих эксплуатационным требованиям и соответствующих климатическим условиям данного региона. Особенную охранительную, магическую, сакральную функцию в объектах культурного наследования выполнял орнамент, в композиционной структуре которого и зонах расположения в костюме реализовано материально-графическое начало мифологических знаний и образов. Заслуживает всестороннего изучения и использования в современных условиях система народных знаний, приемов оздоровления и регуляции жизнедеятельности организма человека.

В социокультурном пространстве востребованы интерактивные технологии, включенность широкой зрительской аудитории в процессы информационного обмена, творческой коммуникации. Анализ состояния проектной культуры Дальневосточного региона России, включая музеи, библиотеки, выставки современного искусства, рекламу, дизайн, выявил отсутствие условий для создания цельной экологически направленной инфраструктуры. Опыт и результаты совместных теоретических разработок с представителями научных, социальных, учебных учреждений и организаций показали перспективность данного направления развития экологического дизайна. Апробация методики репрезентации объектов культурного наследия проведена в условиях выполнения проекта экомuzeя «Клио» (о. Попова), проектов Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, студенческого театра «Пигмалион» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток), хоровых и танцевальных фольклорных коллективов Приморского края.

Репрезентация культурного наследия выстраивается на основе комплексного подхода к созданию художественно-эстетического образа, использования биологических законов гармонизации, тектонических свойств материалов, средств формообразования и приемов орнаментации. В практической деятельности требуются специальные аналитические навыки распознавания признаков объемно-пространственной структуры, средств их гармонизации, способов акцентирования композиционного центра, прогнозирования и моделирования динамики развития и восприятия формы. В дальнейшей творческой деятельности полученное образование приводит к осознанному применению системы профессиональной базовой экспертной оценки визуальной информации, формирует навыки критического самоанализа и обоснованного выбора дизайнерских методов работы.

Очевидно, эволюционное развитие метамодернизма становится возможным на основе реализации теоретического предположения, сформулированного в работах В.Г. Арсланова, И. Пригожина, И. Стенгерса, М. Лифшица о гармоничном взаимодополняющем сочетании противоположных полюсов естественно-научной картины мира и возможностей самопорождения, спонтанного развития жизни, искусства, дизайна [2, с. 30–31]. Необходимо уделять особое внимание психофизиологическим

факторам комфортного существования человека с учетом информационно-биоэнергетических компонентов окружающей среды. Метамодернизм ориентирован на развитие зоны взаимодействия общества и природы, создание условий для интеграции различных видов творческой, интеллектуальной, экологической деятельности, что способствует восстановлению коммуникативных и репрезентативных функций проектной культуры, способствует повышению региональной конкурентоспособности.

В сферу современных научных исследований входит вопрос об адаптации и трансформации методологических подходов искусствоведения для прогностического анализа возможностей проектной культуры. Познание предполагает комплексный экспериментальный анализ различных количественных и качественных признаков артефакта, в результате которого могут быть выявлены суть изучаемого объекта, возможности его дальнейшей трансформации и адаптации в новых объектах проектной культуры [2, с. 57; 16]. Прогнозирование направлений проектного формообразования и экспериментальные поиски представлений о социокультурной и художественно-эстетической значимости новых форм объектов дизайна осуществляются в исследовательском энвайронменте (англ. «environment» – окружающая среда), который представляет собой инсталляцию в заданных условиях природной или искусственной среды [1, с. 24; 26, с. 120]. Арт-объекты костюмного энвайронмента (wearable art) служат важными элементами экологических, политических и социальных акций (Ванкувер, Канада «Wearable Art Awards», Новая Зеландия «WOW 2010»). Экологический костюмный энвайронмент, прежде всего, направлен на решение проблем экологии человека путем создания выразительных художественно-эстетических образов, использования натуральных материалов и создания условий для гармоничного взаимодействия организма человека с окружающей средой. Костюмный энвайронмент демонстрирует различные формы репрезентации человеческого тела: соединение людей в целостный объект при помощи деталей одежды; использование проекций различных частей и внутренних органов организма человека; создание текстильных скульптур в форме платьев, соотносимых с человеческим ростом [26, с. 120–124].

Современная проектная культура получает развитие как результат интуитивного поиска креативных решений с использованием закономерностей циклического развития модных тенденций. Прогнозы формируются на основе детерминированных взаимосвязей социокультурных приоритетов, внешних факторов среды и наиболее существенных признаков объекта прогнозирования. Источниками информации для интуитивных методов прогнозирования служат индивидуальные и коллективные экспертные оценки, вербальные и невербальные данные, получаемые в процессе общественных и личностных коммуникаций [17; 18].

В прогнозировании тенденций развития метамодернизма применяется метод экстраполяции, основанный на развитии ранее установленных закономерностей, которые автоматически используются в дальнейшей репрезентации объекта прогнозирования. Применение методов эвристики, логического моделирования, прогнозирование тенденций репрезентации новых объектов по аналогии явля-

ются на сегодняшний день базовыми и наиболее результативными для развития авторского подхода [18; 19, с. 341–358]. Целенаправленное использование методов аналогии и ассоциации в процессе формообразования и репрезентации объектов экодизайна костюма направлено на гармонизацию образа человека и окружающей креативной среды. Комбинаторный поиск вариантов трансформации природных структур, архетипических форм и символов способствует совершенствованию интуитивно-эмоциональной и интеллектуальной деятельности, переосмыслению роли культурно-исторических ценностей в современном дизайне. В период метамодернизма преобладают индивидуальные методы прогнозирования (аналитический, анкетирование, построение сценариев и генерация идей) объектов проектной культуры с целью сохранения, пропаганды, переосмысления и репрезентации культурно-исторического наследия.

Выводы и научная новизна

В настоящее время антропологический подход является отличительной особенностью экодизайна: выявлена необходимость согласованного решения комплексных задач экодизайна современного костюма и экологии человека. Решение экологических проблем и рациональные преобразования предметной среды производятся, прежде всего, с целью улучшения психосоциальных условий существования человека и обеспечения его жизненно важных потребностей.

Этапы реализации концепций экодизайна формируются в зависимости от конкретной цели и накопленного в социуме практического опыта, который используется и переосмыляется с учетом интеграции теоретических знаний, когнитивной и творческой деятельности. Различные формы репрезентации культурного наследия опираются на предшествующий опыт сосуществования человека и природы, выраженный в конкретных археологических и этнонациональных артефактах.

В общем виде стратегии экодизайна направлены на формирование системного подхода в проектной деятельности на основе укрепления междисциплинарных связей и экологического (ноосферного) мышления. Формирование концептуальных основ экодизайна в настоящее время осуществляется с учетом приоритета гуманитарных и экологических ценностей, экологической этики, нового уклада и качества жизни, основанного на коэволюции человека и природы [14, с. 233].

Экодизайн обеспечивает психофизиологический комфорт за счет применения средств визуальной гармонизации искусственной предметной среды, а также на основе использования композиционных законов согласованного взаимодействия элементов или достижения образных ассоциаций с экологически благоприятными объектами природного происхождения. Дальнейшая конкретизация ориентиров экологического проектирования связана с развитием стратегий репрезентации культурного наследия. Экодизайн является качественно новым продуктом ноосферы, результатом познавательной, творческой, производственной деятельности и научного знания о взаимодействии между обществом и природными формами движения материи.

Результаты изучения традиционного костюма и воспроизводства эстетического идеала в объектах экодизайна костюма как формы репрезентации культурного наследия внедрены в методологию преподавания дисциплин «История костюма», «Проектирование костюма», «Методология дизайн-проектирования костюма» для студентов по направлению подготовки 54.03.01 «Дизайн», профиль «Дизайн костюма». Апробация методики репрезентации объектов культурного наследия проведена в условиях выполнения проекта экомuzeя «Клио» (о. Попова), реконструкция объектов традиционного костюма проведена в процессе создания коллекций моделей одежды для студенческого театра «Пигмалион» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток), хоровых и танцевальных фольклорных коллективов Приморского края.

Таким образом, появление концепции метамодернизма демонстрирует зарождение высокотехнологичной экологической культуры и необходимость формирования экологического сознания. Концептуальные направления экологического проектирования отражают основные тенденции решения задач репрезентации культурного наследия в контексте общечеловеческих ценностей и социокультурных проблем.

-
1. Аронов В.Р. Современная теория дизайна // Проблемы дизайна – 5: сб. науч. тр. М.: Артпроект, 2009. С. 7–25.
 2. Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь»: *tertium datur* российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007. 656 с.
 3. Белько Т.В. Природа. Искусство. Дизайн: моногр. / Тольятти: ТГУС, 2008. 189 с.
 4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2002. 576 с.
 5. Гейл К., Каур Я. Мода и текстиль: рождение новых тенденций; пер. с англ. Т.О. Ежов; науч. ред. Т. В. Кулахметова. Минск: Гревцов Паблицер, 2009. 240 с.
 6. Год экологии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://megabook.ru/article/Год%20экологии%20в%20России>
 7. Горюнов В. Метамодернизм и синкретика: попытка систематизации // *Metamodernizm*. URL: <http://metamodernizm.ru/syncretism/>
 8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ АСТРЕЛЬ, 2006. 511 с.
 9. Даими Т. Проект иной творческой стратегии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kultura.az/news/20110527052702341>
 10. Данилова О.Н. Дальневосточный орнамент как культурно-исторический источник современного дизайна: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. 196 с.
 11. Данилова О.Н. Функционально-эстетическое зонирование объектов экодизайна: монография. Владивосток: Дальнаука, 2011. 202 с.
 12. Дизайн: ил. словарь-справочник / под общ. ред. Г.Б. Минервина, В.Т. Шимко; Моск. архит. ин-т (гос. академия). М.: Архитектура-С, 2004. 288 с.
 13. Ермилова Д.Ю. Экологическое направление в дизайне одежды // Проблемы дизайна костюма и пути их исследования: сб. науч. трудов. М.: Изд-во ГАСБУ, 1997. С. 12–40.
 14. Ермилова Д.Ю. История домов моды. М.: Академия, 2003. 288 с.
 15. Затулий А.И. Костюм рубежа третьего тысячелетия: семиотика, ассоциации, психоанализ. Владивосток: Дальнаука, 2005. 213 с.

16. Искусствометрия: Методы точных наук и семиотики / сост. и ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова; 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 368 с.
17. Козлова Т.В., Заболотская Е.А., Рыбкина Е.А. Костюм. Теория художественного проектирования. М.: МГТУ им. А. Н. Косыгина, 2005. 380 с.
18. Педрони М. От модного прогноза к кулхантингу // Новое литературное обозрение. 2012. № 24 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2195>
19. Петушкова Г.И. Проектирование костюма. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 416 с.
20. Сидоренко В.Ф. Идея проектной культуры // Проблемы дизайна – 6: сб. статей / отв. ред. В. Р. Аронов. М.: НИИ ТИИИ РАХ, 2011. С. 41–53.
21. Степучев Р.А. Проектный графический изобразительный язык. Основы теории проектирования костюма / под ред. Т.В. Козловой. М.: Легпромбытиздат, 1988. С. 279–346.
22. Тимофеева М.А. Дизайн в Швеции. История концепций и эволюция форм. М.: Рос. гум. ун-т, 2006. 286 с.
23. Третьякова М.С. Возможности для переосмысления традиции в современной парадигме: «традиционные» паттерны и вычислительное проектирование // Архитектон: известия вузов. 2014. № 47 [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2014_3/19
24. Третьякова М.С. «Эволюционное» морфогенетическое проектирование: возможности переосмысления традиции // Архитектон: известия вузов. 2014. № 48. URL: http://archvuz.ru/2014_4/19
25. Федоров А.А. Литература постмодернизма конца XX века: человек в мире современной культуры // Вестник БашГУ. 2011. № 4. Т. 16. С. 1223–1227.
26. Цветкова Н.Н. Особенности текстильного энвайронмента XXI в. // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: материалы 14-й междунар. науч. конф. / под ред. Н. М. Калашниковой. СПб.: СПГУДТ, 2011. С. 120–124.
27. Чебанюк Т.А. Методы изучения культуры: учебное пособие. СПб.: Наука, 2010. 350 с.
28. Широковских М.С. Проблема интерпретации народного орнамента в промышленном текстиле // Архитектон: известия вузов. 2015. № 51. URL: http://archvuz.ru/2015_3/20
29. Kirby A. The Death of Postmodernism And Beyond // Philosophy now. Feb/Mar 2017 URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond

© О.Н. Данилова, 2017

Для цитирования: Данилова О.Н. Природные и экологические основания дизайна как репрезентации взаимосвязи культурного наследия и проектного формообразования костюма // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 200–219.

For citation: Danilova O.N. The natural and ecological foundations of design as a representation of the relationship between cultural heritage and costume design // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 200–219.

Дата поступления: 17.03.2017.

УДК 008:

Н.А. Коноплева

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Преобладающие мотивы творческой деятельности в современной российской культуре (на примере творческих личностей г. Владивостока)

Представлены результаты анализа мотивов творческой деятельности в современной российской культуре, рассмотренные на примере личностей, реализующихся в различных сферах творческой деятельности в г. Владивостоке. Отмечено, что субъект творческой деятельности владеет «инструментом» воздействия на мировосприятие других людей, их установки, ценностные ориентации, чувства, мысли, поведение, их картину мира за счет трансляции с помощью созданных художественных объектов и образов своих представлений о мире, традициях, обычаях, культуре определенного исторического периода.

Проведенный теоретический анализ показал, что мотивация достижения, соревновательная мотивация социального одобрения блокируют самоактуализацию творческой личности и затрудняют проявление творческих способностей. Престижная мотивация может стимулировать продуктивность деятельности, но быть серьезным препятствием на пути к творчеству, к проявлению креативности, новому решению проблем. В свою очередь способствуют творчеству познавательная интеллектуальная активность и направленность мотивов на творческую деятельность. В связи с чем исследование мотивационной составляющей творчества имеет особый смысл и научную значимость.

Проанализированы основные научные подходы к понятиям творчество, мотив и мотивация. Представлены результаты социологических опросов личностей, занятых в сфере изобразительного, танцевального, актерского и других видов творчества.

Установлены мотивы, являющиеся для них главными стимулами к творческой деятельности. Обосновано, что в современной российской культуре (на примере творческих личностей г. Владивостока) преобладающими мотивами творчества выступают стремление получить удовлетворение от творческой работы в целом обрести духовное удовлетворение от результатов своего труда, проявить творческие способности, возможность общения с людьми со сходными способностями, стремление к самореализации.

Проведенное пилотажное эмпирическое исследование продемонстрировало, что для трети опрошенных творческих личностей в современной российской культуре значимыми являются такие мотивы, как карьерный рост и общественное признание, а 13% опрошенных прямо сказали, что для них важна престижность деятельности. Другими словами в современной культуре наблюдается актуализация достиженческих мотивов творчества, что требует научного осмысления и дальнейших исследований.

Ключевые слова и словосочетания: творчество, мотив, мотивация, творческая личность, креативность, творческая деятельность.

Коноплева Нина Алексеевна – д-р культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий; e-mail: nika.konopleva@gmail.com.

N.A. Konopleva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Dominant motives for creative activity in modern Russian culture (on the example of creative personalities of the city of Vladivostok)

The given article presents the results of creative motivation analyses in the context of modern Russian culture conducted on the example of the personalities engaged in various creative activities in Vladivostok city.

It has been highlighted that an actor of creative activity uses a special «tool» for influencing other people's perception, dispositions, value orientations, feelings, thoughts as well as their behavior and worldview by means of promoting his own ideas about the world, traditions, customs and culture of the specific historical period through the created imaginary objects and images.

The conducted theoretical analyses demonstrated that a motivation of achievement, competitive motivation of social approval block up self-actualization of a creative person and complicate expression of the creative abilities. The motivation of prestige might foster efficiency of the activity but also might be a serious obstacle for creativity, new solutions of the problems.

Meanwhile, creativity is stimulated by the cognitive and intellectual occupations, as well as creative dispositions of a person. Regarding all this, research of the motivation component of creativity has a special significance and scientific relevance.

The basic scientific approaches to such notions as creativity, motive and motivation have been analyzed in the article. Also, it presents the results of surveys conducted among the personalities engaged in the spheres of fine arts, choreography, acting and other types of creative activity. The motives that turned out to be their dominant reasons for creativity have been defined in the article.

It is stated that in modern Russian culture (on the example of creative personalities of Vladivostok city) the dominant motives for creativity are the following: a desire to get satisfaction from creative occupation in general, to get spiritual satisfaction from the results of personal efforts, to demonstrate creative abilities, to have an opportunity of socializing with people having similar abilities, a desire of self-expression.

Thus, the conducted pilot empiric research has demonstrated that for one third of the examined creative persons in modern Russian culture the most relevant motives are the ones of career growth and social recognition. Meanwhile, 13% of the respondents noted that the most important for them is occupational prestige. It signifies that in modern culture there is a tendency of increasing the motives of achievement which requires further scientific analyses and research.

Keywords: artwork, motive, motivation, creative personality, creativity, creative activity.

Введение

Исследование творческой деятельности и творческой личности – одна из ведущих тем современной гуманитаристики, в том числе философии, культурологии и других гуманитарных наук. Культура и творчество тесно взаимосвязаны, неотдели-

мы друг от друга, так как, с одной стороны, именно креативный человек является творцом культуры, а с другой – именно творящий человек – человек культурный. Единство культуры и творчества – это тот принципиальный факт, с которым столкнулись современные культурологические и антропологические исследования.

В современной культуре актуализируется проблематика, связанная с исследованием феномена художественного действия субъекта, мотивов его деятельности, специфики его миропонимания. Причем в современных исследованиях творчества подчеркивается, что в подготовке специалистов в области искусства и творчества необходим акцент не только на формировании профессиональных навыков творца, но и на развитии индивидуальной мотивации деятельности и самосовершенствовании его личности.

В связи с этим исследование, направленное на анализ мотивов, преобладающих у творческих личностей в современной российской культуре, является своевременным и необходимым.

Предмет и источниковая база исследования

Изучением детерминант, оказывающих влияние на динамику и структуру профессиональной мотивации в творческой деятельности, занимались К.А. Абульханова-Славская, А.А. Бодалев, Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин и др. [1, с. 74; 8; 5; 6; 7].

Субъект творческой деятельности владеет инструментом воздействия на образ мира другого человека, его установки, ценности, чувства и мысли за счет транслирования своих представлений о мире, приоритетных мотивационных побуждений, своей субъективной реальности посредством художественного образа, представленного в той или иной форме. В этой связи мотивационная составляющая творчества приобретает особый смысл (С.Л. Выготский, А.Я. Пономарев, Д.А. Леонтьев) [10; 33; 28].

Предметом данного исследования является специфика мотивов деятельности у лиц творческих профессий.

Методологическую основу исследования составляют труды культурологов, социологов, психологов, посвященные анализу мотивации: В.Г. Асеев, Л.И. Божович, В.К. Вилюнас, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, М.Ш. Магомед-Эминов, А.К. Марков, В.С. Мерлин, Л.М. Митина, Ю.М. Орлов, С.Л. Рубинштейн, П.М. Якобсон, Дж. Аткинсон, К. Левин, А. Маслоу, Г. Мерфи, З. Фрейд, Х. Хекхаузен, Г. Холл и др.; концепциям профессиональной мотивации: К.А. Абульханова-Славская, В.Г. Асеев, Е.А. Климов, В.И. Ковалев, В.Н. Дружинин, Е.В. Марков и др.; концепциям активности субъекта в жизнедеятельности: С.Л. Рубинштейн; представлениям о детерминантах, механизмах и этапах развития профессионала на этапе вузовского становления: А.А. Деркач, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов; закономерностям художественного творчества: В.Л. Дранков, В.П. Зинченко, Е.И. Игнатьева, Я.Л. Пономарев, Б.М. Теплов, Л.С. Выготский, В.И. Кириенко, Д.Б. Богоявленская и др.

Методы исследования, методологические принципы и инструменты

Специфика выбранного материала потребовала использования культурно-антропологического и субъектно-деятельностного подходов, приемов и процедур ряда методов, сложившихся в культурологическом и психологическом знании, а также социологического метода исследования.

В качестве теоретической основы исследования выступили теории мотивации и теории творческой деятельности.

Основная часть

Рассматривая мотивационные аспекты творчества, следует обратиться к психоаналитической теории творчества, которая связывала творчество с Эросом и сублимацией сексуальной энергии [23].

В свою очередь, К. Роджерс, А. Маслоу считают, что важнейший мотивационный фактор творческого человека – это стремление к самоактуализации, его они рассматривают как главный побудительный мотив творчества – стремление к развитию, расширению, совершенствованию, проявлению всех способностей «Я» [30; 31; 34].

В качестве единицы исследования творческих потенций Д.Н. Богоявленская предложила рассматривать интеллектуальную активность, которая соединяет в себе умственные способности и личностные характеристики, в первую очередь мотивационные [6].

Ю.Н. Кулюткин и Г.С. Сухобская установили связь мыслительной гибкости с уровнем образования, отмечая, что образование повышает гибкость и подвижность мышления, мотивируя таким образом творчество [25].

Е.Л. Солдатова отмечала необходимость для творческой личности не только чувствительности к противоречиям и внутренней мотивации к деятельности, но и владение большим объемом информации и способности переносить освоенное на новый материал, использование альтернативных путей поиска информации [38]. Об этом же писал И. Кон, отмечая также важность для творчества наличия у личности навыков планирования и организации деятельности. Большое влияние на процесс творчества оказывает уровень психической энергии личности. При низком ее уровне индивид недостаточно приспособлен к среде, которая подчиняет слабую психику. Средний тип – индивид находит место в среде, соответствующее его эндopsихике, хорошо к ней приспосабливается. Высший тип – индивид отличается стремлением переделать среду согласно своим влечениям и потребностям. Этот тип психической энергии А.Ф. Лазурский связывал с преобразующей деятельностью человека и считал ее источником этой деятельности. Ряд авторов (Е. Даффи, А.Ф. Лазурский, Н.С. Лейтес, Ч. Спирмен, В. Штерн) связывали творчество с наличием избыточной энергии, порождающей потребность в умственном напряжении. Г.Ю. Айзенк считал источником креативности высокий уровень психотизма. В.Н. Дружинин пришел к такому же выводу в процессе осуществленных им исследований [23].

В.Д. Небылицын разделял понятия психическая и личностная активность и для характеристики личностной использовал три стороны:

- 1) результативную – реальные достижения;
- 2) содержательную – комплекс нравственных, интеллектуальных побуждений, установок, интересов, мотивов, определяющих цели и причины совершения действий;
- 3) динамическую – формальные характеристики деятельности: темп, интенсивность, распределение по времени и т.д. [23].

М. Волах, Н. Коган установили, что мотивация достижения, соревновательная мотивация социального одобрения блокируют самоактуализацию личности и затрудняют проявление творческих способностей. Д.Б. Богоявленская подтверждает эти данные и отмечает, что творчеству способствуют мотив доминирования познавательной самостоятельности, заинтересованность в деле, а не в успехе. Согласно ее исследованиям социальный мотив (мотив достижения успеха) является препятствием для творческой личности. Кроме того, она отмечает, что престижная мотивация может побуждать успешное решение уже поставленной проблемы, т.е. продуктивность деятельности, но эта же мотивация становится серьезным препятствием на пути к творчеству, понимаемому как выход за пределы заданного, как постановка новых проблем.

Она выделяет три уровня творческих способностей:

- 1) стимульно-продуктивный – минимальное проявление творчества;
- 2) эвристический – проявление творчества в силу необходимости;
- 3) креативный – внешне не стимулированная творческая активность (выход за рамки заданного).

Мотивация достижения на сегодняшний день изучена достаточно глубоко и с различных позиций. Но в основном это относится к зарубежным исследованиям. Стремление к достижению успеха по Ф. Хоппе или «мотив достижения» по Д. Мак Клелланду – это устойчиво проявляемая потребность индивида добиваться успеха в различных видах деятельности. Впервые эта диспозиция была выделена в классификации Г. Мюррея, который понимал её как устойчивую потребность в достижении результата в работе, как стремление «сделать что-то быстро и хорошо, достичь уровня в каком-либо деле». Эта потребность носит генерализованный характер и проявляется в любой ситуации, независимо от конкретного её содержания.

В основе художественной деятельности, как и в основе любой другой, лежат потребности и мотивы субъекта деятельности. Мотивы художника могут быть различными: от социального заказа, который понимается как «...общественное требование, принятое и осознанное художником как личностная потребность и необходимость, как призыв времени им услышанный» [15], до материальной заинтересованности в результатах своего труда. Однако главным побудительным мотивом, без которого само художественное творчество было бы невозможно, является стремление художника к самовыражению: к раскрытию в произведении своих мыслей и чувств, своих наблюдений о мире и человеке, своего видения волнующих

человечество проблем и способов их решения. Таким образом, художественное творчество стоит рассматривать как самореализацию личности художника [18].

Кроме того, побудительными мотивами могут быть стремление творца к духовной свободе, выражению своего воображения, пониманию себя, преобразованию окружающей действительности с учетом собственных представлений о ней, к самовыражению. С помощью творчества художник может получать в воображении то, что недоступно в реальности, выдавать желаемое за действительность, воплощать свои мечты. С. Кьеркегор видел истоки творчества в реализации возможностей воображения, в понимании себя, проникновении в свой внутренний мир, самопостижении. В. Шиллер считал, что художник в своих творениях воплощает идеальные представления о мире, создает «царство прекрасной видимости». Часто творческие личности имеют неукротимое желание довести до совершенства окружающую действительность. Побудительным мотивом творчества могут быть поиски новых выразительных средств.

Причем психические возможности творческий человек использует не только для творчества, но и для адаптации к окружающей среде, для формирования большого количества стандартных навыков, базирующихся на опыте человечества. Спонтанное проявление творческих способностей наблюдается у ограниченного числа людей, согласно мировой статистике не более чем у 5–7 % от всей популяции. Креативность на 95% является качеством, формируемым за счет влияния социальной среды, требований, предъявляемых к человеку, организации информационного потока и целевой направленности всех видов деятельности, начиная с учебной.

Достоверную информацию о творческих людях мы можем получить из данных исследований Абрахама Маслоу, который утверждал, что все творческие личности относительно более спонтанны и экспрессивны, чем средний человек. Они более «естественны» и менее сдержанны в своем поведении, которое было более раскованным, непринужденным и более уверенным [30]. Подавление такой спонтанности, очевидно, ведет к невротизации и деструктивному поведению. Он утверждал, что такие люди значительно меньше привержены к какой-то определенной культуре, то есть их меньше беспокоит, что говорят или над чем смеются окружающие. Они меньше нуждаются в других людях и поэтому меньше от них зависят, меньше их боятся и меньше их ненавидят. Но наиболее интересен вывод о том, что у них отсутствует страх перед самим собой, своими импульсами, эмоциями, мыслями. Им значительно легче примириться с самими собой, чем среднему человеку. Очевидно, поэтому общественное мнение в своей крайности иногда доходит до того, чтобы называть творческих людей асоциальными, в то время как они всего лишь более спонтанны, раскрепощены и менее стеснены условностями, нежели остальные.

По мере усложнения мира, социального взаимодействия, роста информационных технологий, требующих рефлексивного отношения и самоидентификации субъекта, роль искусства и творчества в жизни и формировании современного человека увеличивается. По мнению Э.В. Сайко, возникает необходимость переосмысления источников и движущих сил художественного творчества, его функций и задач, его роли в развитии личности как самого художника, так и реципиентов,

критериев истинности продуктов художественного творчества, условий самореализации творческой личности [37].

В разные времена искусству придавалось различное значение. Платон считал, что искусство является искаженной формой действительности, поэтому уводит от истины и, апеллируя к чувствам людей, развращает их. Аристотель приписывал искусству познавательную и практически-созидательную функции. В эпоху возрождения искусство возносилось до уровня божественного, культивировались проявления и самореализация индивидуальности в творчестве. Леонардо да Винчи считал, что в основе искусства лежит стремление постичь сущность бытия.

С точки зрения Н. Бердяева, «в известном смысле можно было бы сказать, что любовь к творчеству есть нелюбовь к «миру», невозможность оставаться в границах этого мира» [4]. В. Семенов понимает искусство как коммуникацию между художником и реципиентом посредством продукта художественного творчества: «Художественное отражение может пониматься как синтез отображения внешнего мира и самовыражения внутреннего мира художника» [38]. Творческая деятельность является одновременно результатом работы мозга творческой личности, определяется социокультурной детерминированностью субъекта творчества, характеризуется применением и уровнем развития специфических средств познания жизни, является психологическим процессом, явлением, обусловленным национальными особенностями данной страны, и т.д.

«Творчество – одна из наиболее естественных форм реализации потребности в поиске, для людей творчески одаренных сам поиск нового, в силу психофизиологических закономерностей приносит гораздо большее удовлетворение, чем достигнутый результат и тем более – его материальные плоды» [35, с. 53].

Э. Фромм определял творчество как способность «удивляться и познавать, умение находить решения в нестандартных ситуациях, нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта» [23]. Следуя логике этой формулировки, критерий творчества для Э. Фромма – не качество результата (продукта творческой деятельности), а процессы, активизирующие творчество.

К. Роджерс считал, что творчество – способность продуцировать уникальные идеи, результаты, способы решения всех жизненных проблем, одна из важнейших, связанных с оптимальной психологической зрелостью характеристик «полноценно функционирующего человека». Творец – это человек, который использует свои способности и таланты, реализует свой потенциал, движется к полному познанию себя и сферы своих переживаний. Творчество универсально: «Я полагаю, что нет существенной разницы в творчестве при создании картины, литературного произведения, симфонии, изобретении новых орудий труда, развитии научной теории, поиске новых особенностей в человеческих отношениях или создании новых граней собственной личности» [34].

Одним из направлений нашего исследования является анализ личностных и мотивационных черт креативов (А. Маслоу, Н. Лейтес, К. Роджерс, К. Тейлор и др.). К числу черт креативной личности относятся: самостоятельность суждений, уверенность в себе, способность находить привлекательность в трудностях, раз-

витое восприятие, эстетическая ориентация, способность рисковать, внутренняя мотивация.

А. Маслоу считал, что подлинное творчество проявляется у человека и в повседневной реальной жизни, при каждодневном выборе жизненных ситуаций, в разных формах самовыражения. Творческая личность зачастую находит удовлетворение не столько в достижении цели труда, сколько в самом его процессе. Общим для творческих личностей, как показал американский психолог П. Торранс, является потребность развиваться, потребность в постоянном росте [43].

Что же касается решения вопросов психологии мотивации, то этим занимались такие отечественные исследователи, как С.П. Манукян, Ю.В. Шаров, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев и др. Многие исследователи проблемы мотивации человеческой деятельности сходятся в том, что мотивация представляет собой сложную систему, в которую включены определенные иерархические структуры (Л.И. Божович, А. Маслоу, Б.И. Дадонов) и различные виды мотивов (Б.Ф. Ломов, П.М. Якобсон).

Сложность и многоаспектность проблемы мотивации обуславливает множественность понимания ее сущности, природы, структуры, а также функций мотивов.

Термин «мотив» – русифицированное французское слово «motif», в буквальном смысле слова обозначает «побуждение», или от латинского слова «movere» – двигаю. В науке прослеживаются следующие подходы к пониманию мотива. В одном из них мотив рассматривается как теоретическое построение, которое требует обоснования. По мнению Х. Хекхаузена, отсутствие логически связанных фактов заставляет усомниться в существовании мотива как такового вообще [40].

Другой подход признает существование данного явления и рассматривает мотив как побудительную силу к поступку, действию. Однако употребляется это понятие в различных значениях: как представления, идеи, чувства, переживания, потребности, влечения, побуждения, склонности, желания, привычки, понятие о долге, морально-политические установки и помыслы, интересы, убеждения, стремления, психические процессы, состояния, свойства личности, предметы внешнего мира и даже условия существования.

В западных исследованиях популярным является направление, где выделяются диспозиционные, личностные, устойчивые и переменные факторы мотивации, и утверждается, что устойчивые характеристики личности (склонности, предпочтения, установки, ценности, мировоззрение и проч.) обуславливают поведение и деятельность в такой же степени, как и внешние стимулы. Таким образом, мотив понимается здесь как свойство личности, черта характера.

Несмотря на имеющуюся разногласию, можно выделить несколько точек зрения на понимание мотива как реального психологического феномена. Достаточно популярной в настоящее время является концепция «самоактуализирующейся личности» (А. Маслоу). Ученый утверждает, что основой мотивов являются потребности, которые в процессе развития индивида образуют определенную иерархическую структуру [30; 31].

К. Альдерфер, наряду с А. Маслоу, исходит в своей теории из того, что потребности человека могут быть объединены в отдельные группы. Однако он выделяет только три группы потребностей: потребности существования (физиологические, потребности в безопасности); потребности связи (общение, уважение, групповая принадлежность); потребности роста (потребности в самореализации, самовыражении). В свою очередь, в представлениях Э. Деси и Р. Райана обосновывается важность потребностей в автономии, компетентности и взаимосвязи с другими. Они выделяют внешнюю и внутреннюю мотивацию и в контексте теории когнитивной оценки описывают события, происходящие с человеком как контролирующие, информирующие и амотивирующие. При этом контролирующие и амотивирующие события (различного рода угрозы, фрустрации, обусловленные невозможностью достижения целей и проч.) негативно воздействуют на внутреннюю мотивацию. В свою очередь, информирующие события (успехи, позитивные события) укрепляют внутреннюю мотивацию.

Между теориями А. Маслоу и К. Альдерфера есть принципиальное различие, состоящее в том, что, по Маслоу, происходит движение от потребности к потребности только снизу вверх. К. Альдерфер считает, что движение идет в обе стороны. Наверх, если не удовлетворена потребность нижнего уровня, и вниз, если не удовлетворяется потребность более высокого уровня. При этом К. Альдерфер считает, что в случае неудовлетворенности потребности верхнего уровня усиливается степень действия потребности более низкого уровня, что переключает внимание человека на этот уровень.

Д. Мак Клеlland полагал, что потребности приобретаются под влиянием жизненных обстоятельств, опыта и обучения и выделял следующие: потребность достижений (стремление самостоятельно ставить и достигать цели более эффективно, чем ранее); потребность соучастия (стремление к дружеским отношениям с окружающими, общению, работе с людьми); потребность властвовать. Эти потребности не располагаются иерархично, а взаимовлияют друг на друга [13, с. 219].

Согласно теории постановки целей Э. Локка, мотивация определяется теми целями, которые человек ставит перед собой, а также удовлетворенностью результатами работы. Причем мотивация индивидов может возрастать по мере приближения к цели. Удовлетворенность или неудовлетворенность своей деятельностью определяется «борьбой» двух процессов: внутренних (как человек оценивает результаты своей работы с точки зрения соотношения их с поставленной целью); внешних (как человека и его работу оценивают окружающие) [13].

Преобладающим подходом в объяснении поведения человека является в настоящее время когнитивный подход к мотивации. В рамках этого подхода важное значение придается таким феноменам, как когнитивный диссонанс, ожидание успеха, ценность (привлекательность) успеха, боязнь возможной неудачи, уровень притязания. Причем эти когнитивные переменные используются чаще всего не в отдельности, а комплексно.

Так, в когнитивно-бихевиоральном подходе мотивация достижения описывается в теории самоэффективности А. Бандуры, отмечавшего, что ключевым

фактором мотивации служит вера индивидуума в то, что он способен осуществить деятельность, приводящую к желаемому результату.

Одним из первых общую теорию мотивации, объясняющую поведение человека, направленное на достижение цели, предложил Д. Аткинсон. В интеграционной модели Д. Аткинсона (1964) выделены две мотивационные тенденции: стремление к успеху, или надежда на успех (НУ), и избегание неудачи (ИН). Мотивационные тенденции (НУ и ИН) являются сложными по составу: в них входят постоянные личностные мотивы, ситуативные, непосредственные детерминанты поведения – вероятность и субъективная побудительность будущего успеха и неуспеха соответственно. С точки зрения Аткинсона, ситуация достижения актуализирует обе мотивационные тенденции (НУ и ИН), однако их соотношение в каждом конкретном индивиде различно. Стремление к успеху понимается как сила, вызывающая у индивида действия, ведущие к достижению. Она проявляется в направлении, интенсивности и настойчивости действий. Стремление к избеганию неудачи рассматривается как сила, подавляющая у индивида выполнение действий, способных в его представлении привести к провалу. Она проявляется в желании выйти из ситуации, содержащей для человека потенциальную угрозу отрицательного хода событий [21; 42].

Подробное и систематизированное описание исследований мотивации достижения в англо- и немецкоязычных странах можно найти в работе Х. Хекхаузена [40, с. 227]. Он перечисляет несколько условий, необходимых для актуализации мотивации достижения. При этом он отмечает, что деятельность достижения фиксируется, если присутствует хотя бы одно условие, и считает, что деятельность должна оставлять после себя осязаемый результат, который должен оцениваться качественно или количественно, причем требования к оцениваемой деятельности не должны быть ни слишком низкими, ни слишком высокими.

Для оценки результатов деятельности должна иметься определенная сравнительная шкала, и в рамках этой шкалы некий нормативный уровень, считающийся обязательным. Наконец, деятельность должна быть желанной для субъекта и ее результат должен быть получен им самим.

Х. Хекхаузен подчеркивает, что деятельность достижения нацелена на решение задач: «Если постановка задачи не позволяет увидеть результат объективированно, находится ниже или выше возможностей субъекта, если он не считает эталоны и нормы оценки деятельности обязательными для себя, если задача ему навязана или ее решение происходит без его участия, то о деятельности достижения речь может идти только в ограниченном смысле» [40, с. 563].

Мотивация достижения «может включать конкуренцию с другими людьми, в чем-либо превосходящими ее обладателя. С другой стороны, индивидуум может быть главным образом заинтересован в установлении высокого стандарта выполнения и достигать его, преодолевая любые препятствия на пути к успеху» [40]. Таким образом, человек может придавать большее значение высоким результатам, чем престижу.

Мотивация достижения может иметь более или менее равномерное распределение по разным видам деятельности. Такой вариант распределения называют генерализованным. Вместе с тем есть указание на изменяемость показателей мотивационных тенденций в зависимости от выделяемой сферы активности. Существуют индивиды, у которых высокие показатели мотивации достижения проявляются только в определенных видах деятельности. В связи с этим интенсивные характеристики дополняются показателями, определяющими уровень «генерализованности» мотивации достижения, – экстенсивными характеристиками.

Показатели достижений могут быть соотнесены с внешними стандартами, с внешне ориентированными критериями признания индивидуальных достижений социумом или с личностно принятыми субъектом критериями. Одним словом, ориентированность на внешние стандарты для актуализации мотивации достижения необязательна. Это могут быть критерии качества, которые личностно приняты, автономны. Заданное требование соответствия стандарту качества (некоторому общему для всех показателю) здесь не исчезает, но появляется возможность для выбора, с одной стороны, уровня стандарта, а с другой – критериев оценки.

Определенный стандарт может задаваться обществом, в то же время существуют такие нормы, которые человек задает себе сам. Мотивация достижения, таким образом, актуализируется в ситуациях, содержащих как автономные нормы, так и социальные. Достигнутый результат можно также соотнести с критериями, вытекающими из природы задачи, решение которой может быть верным или неверным, а намеченный эффект может проявиться в большей или меньшей степени. Это так называемая предметная относительная норма. Критерии при этом могут быть привнесены другими или установлены самим человеком. Таким образом, выделяются три вида норм достиженческой деятельности: предметные, индивидуальные относительные и социальные относительные.

При изучении личностных факторов в структуре творческих способностей в экспериментах под руководством Д.Б. Богоявленской выявлено существование двух противоположно действующих групп мотивационных факторов, «одна из которых как бы активизирует умственные способности, другая же блокирует их активное проявление» [2, с. 64]. Критикуя укоренившееся умозрительное суждение о побуждении к творчеству мотивами престижа, тщеславия, Д.Б. Богоявленская говорит о том, что из фактов стимулирующего воздействия поощрения и успеха делаются слишком обобщенные выводы об однозначной положительной роли таких стимулов творчества.

Следовательно, исключительной становится ситуация значимости выполняемой субъектом деятельности. Чем выше уровень мотивации достижения, заключает Д.Б. Богоявленская, тем в большей степени понижается уровень интеллектуальной активности в ситуации соперничества. И вопреки бытующему мнению мотивация престижа становится тормозом на пути к творчеству, понимаемому как постановка новых проблем. «Работа мысли, преследующей только указанную цель, достигнув ее, прекращается» [2, с. 72]. Мотивы престижа, достижения останавливают движение мысли.

П.М. Якобсон понимал под мотивом то побуждение, которое приводит к совершению поступка [41]. Суть трактовки мотива С.Л. Рубинштейном сводилась к тому, что мотив понимается как побуждение или стремление достичь цели, как отражение «...преломленных в сознании объективных, движущих сил человеческого поведения». Это переживание чего-то лично-значимого для индивида [36]. Однако не всякое побуждение становится мотивом поведения человека. Побуждение, выполняя энергетическую роль, не раскрывает содержательной стороны мотива (т. е. не отвечает на вопросы: почему? зачем? почему именно таким образом?). Желание или необходимость реакции на побуждение появляется только после его осознания, когда оно обретает определенную значимость для субъекта.

Поэтому все больше психологов склоняются к тому, что мотив – это внутреннее осознанное побуждение, отражающее готовность человека к активности (действию, поступку), которая может быть направлена в русле первоначального стимула или же являться обоснованным отказом что-либо делать. Наиболее распространенным является мнение, что к активности побуждает человека осознанная потребность. Принятие потребности за мотив происходит, прежде всего, потому, что она объясняет в какой-то степени, почему человек стал проявлять или хочет проявить активность.

А.Н. Леонтьев рассматривал мотив как предмет удовлетворения потребности. Он полагал, что потребность, понимаемая как состояние неудовлетворенности, нужды, приводит лишь к нецелесообразной активности, обнаруживая при этом сильную тенденцию «прозреть», конкретизироваться в чем-то определенном, существенном. В случае, когда это происходит, формируется новое, значительно более прочное образование – опредмеченная потребность или мотив [27]. Происходящее, по А.Н. Леонтьеву, «опредмечивание потребности» придает возникающему побуждению не только смысл, но и направленность, что тоже можно отнести в актив его представлений о мотиве.

Л.И. Божович мотив понимал как намерение. При этом подчеркивается его сознательный волевой характер как побуждение к деятельности и поведению, которое, сохраняясь в течение длительного времени, является вектором активности человека, направленной на удовлетворение данной потребности [9].

В последние годы в науке все более отчетливой утверждается мысль, что активизация поведения и деятельности обуславливается совокупностью многих факторов, имеющих свои функции и выступающих в своих ролях в целостном процессе мотивации.

По мнению Е.П. Ильина, выход из создавшегося положения – не убеждать друг друга в том, что именно является мотивом – потребность, цель, побуждение, намерение, а объединить существующие точки зрения, так как каждая из них в какой-то степени правомерна [21]. Выбираемые субъектом социальные роли, приобретение личностного смысла, ценности и идеалы, определяющие устойчивость, направленность личности, мотивационные ориентации и смысловые установки, – все эти проявления личности, формируемые в процессе деятельности, составляют ее мотивационную сферу, то есть совокупность согласующихся между собой или,

напротив, противоречащих друг другу мотивационно-смысловых отношений субъекта в данной социальной ситуации развития.

Так, в исследовании Т.О. Гордеевой обосновывается, что мотивация достижения имеет сложную структуру и представлена рядом блоков: мотивационно-регулирующим (доминирующие мотивы), целевым (постановка целей), интенциональным (планирование деятельности); блоком «реакции на неудачу» и блоком «усилий» (реализация намерений) [14].

Проведенное нами пилотажное социологическое исследование (опрошено 490 лиц в возрасте от 18 до 36 лет – 18% лица мужского и 82% женского пола, занимающихся различными видами творческой деятельности профессионально), направленное на анализ мотивационных аспектов деятельности творческих личностей, продемонстрировало, что выбор творческой профессии в 75% случаев обусловлен интересом к творческой деятельности; в 69% случаев – возможностью самореализоваться; в 64% случаев – желанием выразить свои творческие способности; в 55% случаев респонденты испытывают желание достичь успеха; в 37% случаев – желанием находиться в среде творческих людей; в 31% случаев – стремлением изменить мир в лучшую сторону; для 21% респондентов причиной является престижность профессии; в 19% случаев опрошенные желают изменить свое окружение; для 18% это желание исполнять духовную миссию продуктами своего творчества «Сеять разумное, доброе, вечное»; только в 7% случаев респонденты желают соответствовать ожиданиям родных. Также были отмечены другие варианты ответов: «другого не умею»; «подтолкнула художественная школа»; «хочу смело и ярко выражать свои творческие фантазии»; «желание своими руками делать что-то интересное»; «наличие конкретной цели в области искусства»; «мне это просто нравится»; «в творчество меня привела любовь». Таким образом, можно сделать вывод, что для большего процента респондентов главным мотивом при выборе профессии является интерес к творческой деятельности, желание самореализоваться через творчество, а самыми редко присутствующими мотивами являются желание соответствовать ожиданиям родных и желание продолжить семейную династию.

Подавляющее большинство респондентов в 72% случаев на вопрос: «Что для Вас в Вашей профессиональной деятельности является наиболее важным?» – ответили, что это возможность выразить свои творческие замыслы; в 62% случаев респонденты отмечают возможность получить духовное удовлетворение от результатов своего труда; в 57% случаев отметили, что для них наиболее важным является увлеченность своей деятельностью и возможность самореализоваться, в 47% случаев респонденты важным для себя считают возможность общаться с людьми с подобными творческими способностями и интересами; для 45% случаев важна возможность материального достатка; в 31% случаев респонденты отметили важным для себя возможность профессионального роста; для 27% – это карьерный рост в их профессиональной деятельности; в 26% случаев респонденты важным считают возможность иметь хорошие рабочие условия; в 26% случаев – общественное признание; для 20% – возможность трудиться в одиночестве; в 13% случаев – престиж данного вида деятельности; только для 8% случаев респонденты

считают важным в своей профессиональной деятельности уважение начальства. Были представлены другие варианты ответов: возможность вдохновлять других на создание прекрасного и выходить из состояния депрессии.

Таким образом, можно сделать выводы, что для подавляющего числа респондентов наиболее важным в их профессиональной деятельности является возможность выразить свои творческие замыслы и получить духовное удовлетворение.

При ответе на вопрос: «Какие мотивы своей трудовой деятельности Вы смогли уже в ней реализовать?» для 71% случаев это интересная работа; в 57% случаев респонденты отметили взаимодействие в коллективе с коллегами, наделенными подобными способностями; для 44% случаев это возможность самостоятельно распоряжаться рабочим временем; в 37% случаев респонденты реализовали хорошие отношения с коллегами; в 35% случаев – профессиональный рост; для 24% случаев опрошенных реализованы хорошие рабочие условия; в 20% случаев хорошая зарплата; для 18% случаев реализовано достижение известности в своем профессиональном сообществе; в 17% случаев респонденты достигли компетентности в своей профессиональной деятельности; в 15% случаев – лидерства в профессиональном сообществе; в 13% случаев респондентов оценили по достоинству в их профессиональной деятельности; для 13% случаев реализована возможность участвовать в принятии решений в своем профессиональном сообществе; в 11% случаев опрошенные продвинулись по служебной лестнице; для 6% случаев это получение членства в профессиональном Союзе.

В процессе исследования респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале степень важности для них отдельных мотивов трудовой деятельности: стремление к получению большого материального вознаграждения, к продвижению по службе, удовлетворение от работы, уважение со стороны начальства, хорошее отношение со стороны коллег, стремление проявить себя, выделиться, возможность осознать социальную, общественную значимость своего труда; желание спокойно работать, без неприятностей и нервозности, стремление добиться максимальной самостоятельности в работе, трудиться в одиночестве, желание проявить творчество в работе, стремление общаться с людьми с такими же интересами и творческими способностями, духовное удовлетворение от результатов своего труда, стремление достичь общественного признания.

В результате установлено, что для респондентов самым важным мотивом их профессиональной деятельности является удовлетворение от работы, желание проявить творчество в работе, получать духовное удовлетворение от результатов своего труда, желание спокойно работать, стремление добиться максимальной самостоятельности в работе. Также достаточно важным является стремление к получению большого материального вознаграждения и уважение со стороны руководства.

Говоря о творческой личности, стоит отметить, что это такой тип личности, для которой характерна устойчивая высокого уровня направленность на творчество и мотивационно-творческая активность, проявляющаяся в органичном единстве с высоким уровнем творческих способностей, позволяющих ей достичь прогрес-

сивных, социально и личностно значимых результатов в одном или нескольких видах деятельности.

Вместе с тем в современной культуре для 45% опрошенных важным является фактор материального вознаграждения, для 27% респондентов продвижение по службе, карьерный рост.

Выводы и научная новизна

В результате можно прийти к выводам, что в современной российской культуре, несмотря на социокультурные и экономические трансформации, преобладающими мотивами творчества по-прежнему остаются стремление получить духовное удовлетворение от результатов своего труда, общение с людьми со сходными способностями, общественное стремление к самореализации (эти мотивы для творческих личностей по степени важности оказались на первом месте).

Если в 72% случаев респонденты испытывают желание самореализоваться, то в 55% случаев – достичь успеха, в 45% случаев у респондентов выявляется склонность к материальному достатку. Для трети опрошенных значимы стремление к продвижению по службе и карьерный рост.

В нашем эмпирическом исследовании преобладающих мотивов творческой деятельности у творческих личностей в современной культуре выявлены определенные расхождения с теоретическими данными. Выше было отмечено, что мотивация достижения, престижа, мотивация на успех тормозят творческую деятельность личности. Вместе с тем в современной российской культуре у творческой личности выявляется определенная динамика мотивов творчества в направлении достижения материального достатка и карьерного роста.

Таким образом, полученные нами результаты эмпирического исследования в ситуации развития рыночной экономики в России показывают специфику мотивов творческой личности. Эта специфика состоит в том, что значимыми мотивационными факторами являются не только стремление к самореализации и духовному росту, но и желание иметь материальный достаток, карьерный рост.

Подводя итог рассмотренным выше положениям и результатам проведенного социологического исследования, необходимо отметить, что глобальные социально-экономические преобразования в нашем обществе выявили динамику творческих мотивов, их движение в сторону достиженческих. Полученные результаты требуют осмысления и дальнейших исследований, так как учеными доказано, что подобные мотивы тормозят креативность. Вследствие этого следует задуматься о том, что если обществу, государству нужны креативные типы личности, то следует обратить внимание на решение вопросов их материального достатка, а также активизацию форм меценатства.

-
1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. С. 74.
 2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие: пер. с англ. М., 1971. 378 с.

3. Батюшков Ф.Д. Творчество// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1901.
4. Бердяев Н.А. Творчество и бытие. Смысл творчества. Философия творчества. М., 1994. Т. 1.
5. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 320 с.
6. Богоявленская, Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 173 с.
7. Богоявленская Д.Б. Пути к творчеству. М.: Знание, 1981. 96 с.
8. Бодалев А.А. В пространстве акмеологии // Мир Психологии. 2006. №1. С. 180–184.
9. Божович Л.И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности; под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 209 с.
10. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов-н/Д, 1997.
11. Галин А.Л. Личность и творчество: Психол. Этюды. М.: Гранд, 1989. 126 с.
12. Гачев Г. Творчество, жизнь, искусство: пер. с болг. М.: Ладыя, 1990. 144 с.
13. Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. 16 изд. СПб.: Питер, 2004. 955 с.: ил.
14. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл, 2006. 336 с.
15. Громов Е.С. Природа художественного творчества. М.: Просвещение, 1986. 120 с.
16. Додонов Б.И. В мире эмоций; науч. ред. Я.Л. Коломинский. К.: Политиздат, 1987. 140 с.
17. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер Ком, 1999. 368 с.
18. Замай В.В. Возможность самореализации художника в условиях социокультурных изменений современной России.: дис. ...канд. культурологии. М., 2005. 268 с.
19. Иванников В.А. Формирование побуждений к действию // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 23–36.
20. Иванюк Т. И. Творчество и личность. М.: ТОР, 2006. 320 с.
21. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2000. 512 с.: ил.
22. Квинн В. Прикладная психология. СПб: Питер, 2000. 560 с.
23. Коноплева Н.А., Гаранина Е.Ю. Творческая личность в современном обществе. Гендерный и кросс-культурный аспекты: монография. Владивосток: Дальнаука, 2007. 360 с.
24. Кривцун О.А. Личность художника как предмет психологического анализа // Психологический журнал. 1996. Т. 17. №2. С. 99–109.
25. Кулюткин Ю.Н., Сухобская Г.С. Развитие творческого мышления школьников. Л.: 1967. 36 с.
26. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: ТЕРРА. Книжный клуб; Республика, 1998. 384 с.
27. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
28. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Наука, 1999. 487 с.
29. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.: Институт практической психологии, МОДЭК, 1996. 284 с.

30. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. 304 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/maslou-adraham/maslow01/1-maslow01.html>.
31. Маслоу А.Г. Мотивация и Личность. СПб.: Питер, 2006. 352 с.
32. Майерс Д. Социальная психология: пер. с англ. СПб.: Питер, 1996. 688 с.: ил.
33. Психология творчества, общая, дифференциальная, прикладная / отв. ред. Я.А. Пономарев. М., 1990. 224 с.
34. Роджерс Н. Путь к целостности: человеко-центрированная терапия на основе экспрессивных искусств // Вопросы психологии. № 1. 1995. С. 132–139.
35. Ротенберг В.С. Психофизиологические аспекты изучения творчества // Художественное творчество Вопросы комплексного изучения. Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1982. С. 53.
36. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2-х т. М.: Педагогика, 1989.
37. Сайко Э.В. Научная проблема: Интуиция как явление (в познании, творчестве, общении) и как объект научного познания // Мир психологии. 1996. № 4. С. 54–56.
38. Семенов В.Е. Социальная психология искусства: предмет, концепция, проблемы: автореф. д-ра наук. СПб.; Питер, 1996. 25 с.
39. Солдатова Е.Л. Разработка программы развития креативности у подростков // Опыт и проблемы воспитания предприимчивости учащейся молодежи. Челябинск, 1996.
40. Фрэнкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 651 с.: ил.
41. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.: ил.
42. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. – М.: Просвещение, 1969. 317 с.
43. Atkinson J. W. An Introduction to Motivation. N.Y. 1964.
44. Torrance E.P. Teaching Creative and Gifted Learners // M.E. Wittrock. Handbook of Research on Teaching. – 3rd ed. Chicago, 1984. P. 630–647.

© Н.А. Коноплева, 2017

Для цитирования: Коноплева Н.А. Преобладающие мотивы творческой деятельности в современной российской культуре (на примере творческих личностей г. Владивостока) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 220–236.

For citation: Konopleva N.A. Dominant motives for creative activity in modern Russian culture (on the example of creative personalities of the city of Vladivostok) // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 220–236.

Дата поступления: 06.03.2017.

А.В. Яськова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира

Статья посвящена исследованию концепта «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира с целью выявления точек культурно-языкового соприкосновения двух народов. В рамках исследования проанализированы толкования слова, приведённые в русских и китайских толковых словарях, определены когнитивные признаки пословиц, составляющих объём концепта, а также выявлена национально-культурная специфика концептуальных полей на основе проведённого ассоциативного эксперимента. Специфика выбранного материала потребовала применения описательного, сравнительного и количественного метода, а также метода ассоциативного эксперимента, когнитивного метода. В ходе исследования было установлено, что русские и китайские толковые словари дают практически одинаковые толкования данного слова, и разница прослеживается только по отдельным компонентам. Анализ русских и китайских пословиц позволил установить, что в представлении русского и китайского народа любовь часто связана со страданием. Результаты же ассоциативного эксперимента показали, что современные носители китайского языка прежде всего ассоциируют любовь с чувством, которое возникает между мужчиной и женщиной, а современные носители русского языка – с семьёй. Полученные в ходе исследования результаты позволили выявить большую степень сходства русской и китайской языковой картины мира в области представлений о любви, однако многочисленность и разнообразие концептов требует от исследователей дальнейшего внимания к данному вопросу.

Ключевые слова и словосочетания: языковая картина мира, концепт, пословица, русский язык, китайский язык, любовь.

A.V. Yaskova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The concept “love” in Russian and Chinese language worldview

The article documents research of concept “love” in Russian and Chinese linguistic worldview with the aim of identifying points of cultural and linguistic contacts between the two nations. The study analysed the interpretation of the words given in Russian and Chinese dictionaries, defined cognitive signs of the proverbs that make up the scope of the concept, and identified national and cultural specificity of conceptual fields on the basis of the conducted associative experiment. The specificity of the selected material required the use of descriptive, comparative and quantitative method, and the method of associative experiment, the cognitive method. In the study, it was

Яськова Альбина Владимировна – ст. преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков;
e-mail: albina.lavskaya@vvsu.ru.

found that Russian and Chinese explanatory dictionaries give almost identical interpretation of the word, and the differences can be traced only to the individual components. Analysis of Russian and Chinese Proverbs has allowed to establish that Russian and Chinese people often associate love with suffering. The results of associative experiment showed that modern native Chinese speakers primarily associate love with a feeling, which occurs between a man and a woman, and the modern Russian speakers associate it with the family. These data allowed to conclude that there is high degree of similarity of Russian and Chinese linguistic worldview in terms of notions of love despite some specific differences. However, the large number and diversity of concepts requires further attention to this issue.

Keywords: concept, Russian language, Chinese language, Russian linguistic worldview, Chinese linguistic worldview, love.

Введение

Глобализационные процессы, в которые оказались вовлечены многие страны, обусловили стремительное развитие межкультурной коммуникации. В этом контексте исследование лексических единиц, репрезентирующих концепты, делает возможным изучение влияния на язык процессов, происходящих в современном обществе, и позволяет ближе познакомиться с культурой и менталитетом различных народов. Россия и Китай не остались в стороне от обозначенных выше тенденций, изучение русской и китайской языковой картины мира сегодня представляет большой интерес. Исследование концептов в этом контексте является весьма актуальным. Целью данной работы стало определение содержания концепта «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира. Для достижения этой цели были решены следующие задачи: проанализированы толкования слова, приведённые в русских и китайских толковых словарях, определены когнитивные признаки пословиц, составляющих объём концепта, а также выявлена национально-культурная специфика концептуальных полей.

Предмет исследования, источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция

Предметом исследования стал концепт «любовь» в русской и китайской языковой картине мира. Источниковой базой исследования послужили русские и китайские толковые словари, русские и китайские пословицы, связанные с концептом «любовь», а также данные ассоциативного эксперимента, в ходе которого была выявлена национально-культурная специфика рассматриваемого концепта. Представленные на сегодняшний день точки зрения демонстрируют различия в понимании уже самого термина «языковая картина мира». Так, Ю.Н. Караулов определяет языковую картину мира как отражённую в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений о человеке и окружающем его мире, «сотканную» из противоречащих друг другу тезисов, фактов и утверждений <...>, которые соединены прихотливо мозаичным (несистемным) образом и создают у носителя языка иллюзорную уверенность, что в рамках своей национальной культуры он найдет ответы на все основные вопросы бытия» [2, с. 156].

В.Н. Телия рассматривает языковую картину мира с точки зрения её природы, считая продуктом сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире, в актах коммуникации [7, с. 179]. Гораздо более широкое понимание языковой картины мира можно найти в работе Е.С. Кубряковой, рассматривающей её как ту часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку [3, с. 5].

Таким образом, языковую картину мира следует понимать как фиксацию отражения реального мира, как способ концептуализации действительности, исторически сложившуюся совокупность представлений о мире в сознании языкового коллектива.

Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования

Специфика выбранного материала потребовала использования как описательного, сравнительного и количественного метода, так и метода ассоциативного эксперимента, когнитивного метода. При выборе методики анализа отправной точкой стали положения, представленные в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина [6, с. 46].

Основная часть

Исследование языковой картины мира, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, включает в себя: 1) описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях); 2) описание национальной специфики значений языковых единиц; 3) выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; 4) выявление эндемичных (свойственных только данному языку) единиц [6, с. 46]. Отметим, что, по мнению этих же авторов, концептосфера – сфера мысли, информационная база когнитивного сознания народа, состоящая из концептов. Языковая картина мира – та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Основной источник формирования концептов – познавательная деятельность личности, в том числе через её коммуникативную деятельность (общение, чтение, учёбу). Концептосфера человека является информационной базой когнитивной картины мира, но не исчерпывает её. Когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как содержание понятия и средство доступа исследователя к этому понятию. При этом авторы отмечают, что языковая картина мира лишь частично отражает концептуальную систему, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации. Поэтому изучение языковой картины мира лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет [Там же, с. 8]. При этом описание концептов очень далеко от завершения в силу их многочисленности.

Представленный в данной работе анализ концепта «любовь» в русской и китайской языковой картине мира опирался, во-первых, на данные толковых словарей, которые, как известно, позволяют получить представление об особенностях

употребления тех или иных лексических единиц. Во-вторых, были рассмотрены поговорки, составляющие объём концепта. Кроме того, была выявлена национально-культурная специфика концептуальных полей на основе ассоциативного эксперимента. Именно такие параметры описания были выбраны в качестве оптимальных при работе с концептом.

Итак, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова даётся следующее толкование: «ЛЮБОВЬ, любви, *твор.* любовью, *ж.* 1. *только ед.* Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. *Л. к Родине.* // Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. *Братская л. Л. к людям.* // Такое же чувство, основанное на инстинкте. *Материнская л. 2. только ед.* Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. *Несчастливая л. Неразделенная л. Платоническая л.* (см. платонический). *Чувственная л. Пылать любовью. 3. перен.* Человек, внушающий это чувство (разг.). *Она была моей первой любовью. 4. только ед.* Склонность, расположение или влечение к чему-н. *Л. к искусству. Л. к работе*» [1, с. 409].

Подобное определение даёт С.И. Ожегов: «ЛЮБОВЬ, -би, *тв.* -бовью, *ж.* 1. Чувство самоотверженной, сердечной привязанности. *Л. к родине. Материнская л. Горячая л. Взаимная л. Он – моя первая л.* (перен.: о человеке). 2. Склонность, пристрастие к чему-н. *Л. к музыке. Л. к искусству*» [4, с. 440].

Во многом схожие определения приводятся и в китайских толковых словарях. Так, в Многофункциональном словаре китайского языка даются следующие толкования:

гл. глубокое чувство к людям или предмету (антоним «ненавидеть»): любить родину.

гл. нравиться: нравится играть в шахматы.

гл. дорожить, защищать: дорожить государственное имущество.

гл. мужчина и женщина полюбили друг друга.

гл. часто появляется какое-то действие или какая-то ситуация [9, с. 4].

Древний словарь китайского языка определяет любовь как:

гл. жаловать. «Лунъюй» / Сыма Цянь «Исторические записи».

гл. заботиться, беречь. Шан Ян «Верховенство права» / ЛюСян «Документы эпохи воюющих царств» / Хань Юй «О наставниках».

гл. нравиться.; Ду Фу «Четверостиший шесть» номер пять / Ду Му «Дворец эпан» / Чжоу Дуньши «Трактат о любви к лотосу».

гл. мужчина и женщина полюбили друг друга. Су У «Стиха четыре» номер два. Переносное значение – тайная любовь. Лю Сян «Документы эпохи воюющих царств».

гл. скупиться. «Лао-цзы» сорок четвёртая глава / «Мэнцзы».

гл. сочувствовать, жалеть. «Летопись цзоцюмина» / Лю Сян «Гуаньцзы».

гл. скрыть. «Книга песен» / «Лицзи».

гл. жадно стремиться к ... Тото «История династии сун» [8, с. 3].

Как видно, определение данного понятия в толковых словарях во многом совпадает, имеются общие компоненты значения: чувство глубокой привязанности к другому человеку (1), основанное на взаимном расположении и симпатии (2), основанное на половом влечении (3), склонность, расположение или влечение к чему-нибудь (4). Но есть и некоторые отличия: в русских словарях имеются компоненты – основанное на общности интересов, идеалов (1) и основанное на инстинкте (3), а в китайских – заботиться, беречь, сочувствовать, жалеть, что указывает на номинацию действия при определении данного понятия.

Вторым этапом анализа содержания концепта «любовь» стало изучение русских и китайских пословиц, связанных с этим концептом, и выделение когнитивных признаков. В ходе анализа было выявлено 19 таких признаков. Число пословиц, представляющих каждый признак, оказалось весьма различным.

Наибольшим числом пословиц (12) представлен когнитивный признак «любовь приносит страдания». Сюда были включены такие пословицы, как *Без тебя, мой друг, постель холодна, одеялочко заиндевело. Где любовь, там и напасть; Полюбив, нагорюешься; Нельзя не любить, да нельзя и не тужить; Не спится, не лежится, все про милого грустится. Горе мне с вами, с карими очами!* и др. (в рамках данной работы мы не имеем возможности привести их полный список).

Одиннадцатью пословицами был представлен когнитивный признак «любовь слепа»: *В милом нет постылого, а в постылом нет милого; Миленек – и не умыт беленок; Любовь слепа. Любовь ни зги не видит; Втюрился, как рожей в лужу; Не по хорошу мил, а по милу хорош* и др.

Ещё один когнитивный признак – «любовь – оправдание насилия». Он был представлен семью пословицами (*Любит, как волк овцу; Любит и кошка мышку; Люблю, как клопа в углу: где увижу, тут и задавлю* и др.). Шестью пословицами представлен когнитивный признак «нельзя заставить любить» (*Насилу не быть милу; Насильно (Силою, всилу) мил не будешь; Коли не мил телом, не приробишься делом; Не мил делом, не угодить (неудодлив) и делом* и др.), а когнитивный признак «любовь – противоречивое чувство» – пятью (*Не видишь – так сердце рвёт, увидишь – с души прёт; Не видишь – душа мрёт, увидишь – с души прёт* и др.).

Когнитивные признаки «без любви жить плохо» (*Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить; Не мил и свет, когда милого нет* и др.), «любовь бесконечна, постоянна» (*Любовь не пожар, а загорится – не потушишь; Любовь – кольцо, а у кольца нет конца* и др.); «за любовь надо бороться» (*Хоть топиться, а с милым сходиться; Хоть пловом плыть, да у милого быть* и др.) представлены пятью пословицами. По 3 пословицы представляют когнитивные признаки «любовь – чувство переменчивое» (*Был милый, так вспомнется* и др.), «любовь – всепоглощающее чувство» (*Она им не надышится; Он на неё не наглядится* и др.), «любить лучше, чем не любить» (*Любить – чужое горе носить; не любить – свое сокрушишь* и др.) и по два – «любовь может быть безответной» (например, *Моё сердце в тебе, а твоё в камени*), «любовь – самое ценное» (например, *Нет ценности супротив любви*); «ради любви жертвуют» (например, *Для милого не жаль потерять и многого*), «любовь – с ней жить хорошо» (например, *С милым годок покажется*

за часок) и «любовь “забирает” человека из общества» (например, *Он с нею и себя не помнит, и нас не поминает*).

Представленными наименьшим числом пословиц (по одной пословице) оказались когнитивные признаки «любовь облагораживает» (*Милее всего, кто любит кого*), «любовь нельзя утаить» (*Любви, огня да кашля от людей не спрячешь (не утаишь)*) и «любовь – чувство непостоянное» (*Голубчик – паровой огурчик; цветет, цветет, да и завянет*).

Перечисленные выше когнитивные признаки паремий были упорядочены по принципу поля. В ядро поля в русской языковой картине мира вошли когнитивные признаки «любовь приносит страдания» и «любовь слепа». В зоне ближней периферии оказались признаки «любовь – оправдание насилия, «нельзя заставить любить» и «любовь – противоречивое чувство». Дальнюю периферию представили признаки «без любви жить плохо», «любовь бесконечна, постоянна», «за любовь надо бороться», «любовь – чувство переменчивое», «любовь – всепоглощающее чувство» и «любить лучше, чем не любить». В зоне крайней периферии расположены признаки «любовь может быть безответной», «любовь – самое ценное», «ради любви жертвуют», «любовь – с ней жить хорошо», «любовь “забирает” человека из общества», «любовь облагораживает», «любовь нельзя утаить» и «любовь – чувство непостоянное».

Несколько иную картину можно увидеть при анализе концепта «любовь» в китайской языковой картине мира. Здесь было выделено 22 когнитивных признака с достаточно небольшими различиями в области количества паремий, которыми эти когнитивные признаки представлены: «любовь приносит страдания» – 6 (*爱上一个人的时候,总会有点害怕,怕得到他,怕失掉他* – *Когда люблю, всегда немного боюсь, боюсь обладать им, боюсь его потерять* и др.), «любовь не бывает идеальной» – 4 (*爱你的人如果没有按你所希望的方式爱你,那并不代表他们没有全心全意地爱你* – *Он не так любит тебя, как ты желаешь, но это не значит, что он не любит тебя от всего сердца* и др.), «любовь – её нельзя купить» (*爱情是不能买卖的* – *Любовь не может быть предметом торговли* и др.), «любовь случается без причины» (*我爱你,没有什么目的.只是爱你* – *Я люблю тебя без какой-либо цели. Просто люблю тебя*), «любовь – без неё жить плохо» (*爱一个人很难,放弃自己心爱的人更难* – *Это трудно – отказаться от своих любимых людей* и др.), «любовь – с ней жить хорошо» (*我是幸福的,因为我爱,因为我有爱* – *Я счастливый, потому что я умею любить, у меня в душе есть любовь* и др.), «любовь – всепоглощающее чувство» (*一日不见,如三秋兮 – Один день не увидел тебя – как несколько лет прошло* и др.) – по 3, «любовь – переменчивое чувство» (например, *爱情使人忘记时间,时间也使人忘记爱情* – *Любовь заставляет человека забыть время, а время заставляет человека забыть любовь*), «любовь – противоречивое чувство», «любовь может быть безответной», «любовь – ей не нужны слова», «любовь – залог счастливой жизни» – по два и по одной пословице для признаков «любовь – непостоянное чувство», «любить лучше, чем не любить», «любовь – помощь», «любовь облагораживает», «ради любви жертвуют», «любовь слепа», «любовь нельзя утаить», «любовь – опыт

в жизни», «любовь – искусство» и «любовь – ей нужно доверие» (猜疑是爱情之树上的一把斧头。 – *Подозрение – топор дерева любви*).

Как видно, в поле преобладает когнитивный признак «любовь приносит страдания». Значение «любовь не бывает идеальной» входит в зону ближней периферии. Дальнюю периферию представляют признаки «любовь – её нельзя купить», «любовь случается без причины», «любовь – без неё жить плохо», «любовь – с ней жить хорошо», «любовь – всепоглощающее чувство», «любовь – переменчивое чувство», «любовь – противоречивое чувство», «любовь может быть безответной», «любовь – ей не нужны слова» и «любовь – залог счастливой жизни».

В зоне крайней периферии оказались признаки «любовь – непостоянное чувство», «любить лучше, чем не любить», «любовь – помощь», «любовь облагораживает», «ради любви жертвуют», «любовь слепа», «любовь нельзя утаить», «любовь – опыт в жизни», «любовь – искусство» и «любовь – ей нужно доверие».

В процессе исследования было обнаружено, что пословиц о любви в русском языке больше, чем в китайском. Это может быть связано с тем, что в древности в Китае слово «любовь» означало «человечность», «гуманность», «доброту» и очень редко выражало чувство к людям. В династии Сун Чжу Си выдвинул «Три устоя и пять неизблемых правил», это сковало развитие характера человека, людям нелегко было выражать свои чувства. В России же православная культура любовь ставила в ряд самых важных чувств. Соответственно русские выражали свои чувства более открыто.

В ядре концептуального поля у русских и китайцев признаки совпадают. Русские и китайцы считали, что любовь приносит страдания. Русские также считали, что любовь словно ослепляет – заставляет человека не замечать плохого. У китайцев такое почти не наблюдается. Общество оказывало большое влияние на людей, поэтому они не смогли быть «слепыми» просто от любви. На периферии концептуального поля у русских и китайцев признаки также оказались схожими.

Третьим, завершающим, этапом анализа концепта «любовь» стал ассоциативный эксперимент. Для обозначения формулируемого когнитивного признака было использовано наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово. После этого определялась яркость признаков (устанавливалось количество ассоциаций каждого признака), выстраивалось поле, в котором признаки располагались по яркости в зоны ядра и периферии. Самые яркие из них оказывались в зоне ядра, остальные – по мере уменьшения яркости соответственно в зонах ближней, дальней и крайней периферий.

В рамках данного исследования проведено сравнение результатов ассоциативного эксперимента со стимулами «любовь», проведённого среди русских и китайцев. Это позволило выявить национальную специфику соответствующих концептов. В ходе эксперимента было опрошено более 300 человек. Для оценки реакций русскоязычных респондентов в обработку были взяты анкеты, в которых в графе «национальность» опрашиваемые указали «русский». Основной состав опрашиваемых – студенты гуманитарных направлений подготовки бакалавриата.

В процессе исследования было обнаружено, что у русских большее количество реакций (как и пословиц о любви). Это может быть связано с тем, что значение слова «любовь» в русском языке более широкое: оно показывает на чувство, привязанность к другому человеку или предмету. В китайском языке при определении чувства к какому-либо предмету редко используют слово «любовь», а говорят «нравится», «симпатия».

В ядерной зоне концепта «любовь» у русских и китайцев признаки совпадают. Слово «любовь» и у русских, и у китайцев вызывает такие признаки ассоциаций как положительные эмоции, семейные отношения. При этом самая многочисленная реакция у русских – это семья. У русских любовь – это основа создания семьи. В Китае же конфуцианская культура всегда предполагала безоговорочное почитание родителей (ср.: китайская поговорка: «Приказ родителей важнее неба»), что распространялось и на принятие решения о создании семьи.

Самой многочисленной реакцией у китайцев является влечение. В Китае слово «любовь» раньше очень редко выражало чувство к людям. Этим словом обозначали такие понятия, как доброта, человечность, гуманность. Однако со временем значение слова изменилось, и, как мы видим, современные носители языка ассоциируют любовь, прежде всего, с чувством, которое возникает между мужчиной и женщиной.

Значительные отличия в реакциях также наблюдались в признаке «семейные отношения»: у китайцев они более разнообразные, по сравнению с реакциями русских. Китайцы очень точно определяют каждого своего родственника в семье – это проявление уважения.

В зоне ближней периферии признаки у русских и китайцев похожи, но также имеются отличия. У русских когнитивный признак «отрицательные эмоции» представлен 40 реакциями, а у китайцев их только 13. Здесь, как видно, сходство с когнитивным признаком «любовь приносит страдания», выделенным на основе анализа русских пословиц. Таким образом, в сознании русского народа закрепилось представление о том, что люди не могут господствовать над этим чувством: любовь дает людям не только счастье и радость, но и приносит страдания. И это, соответственно, отразилось в нашем языке. Однако у китайцев данное значение утратилось.

Выводы и научная новизна

Русские и китайские толковые словари дают практически одинаковые толкования данного слова: имеются общие компоненты значения, и разница заключается лишь в том, что в русских словарях есть компоненты – *основанное на общности интересов, идеалов; основанное на инстинкте*, а в китайских – *заботиться, беречь, сочувствовать, жалеть*, что указывает на номинацию действия при определении данного понятия.

Анализ русских и китайских пословиц позволил установить, что в представлении русского и китайского народа любовь часто связана со страданием. Результаты ассоциативного эксперимента показали, что современные носители китайского

языка, прежде всего, ассоциируют любовь с чувством, которое возникает между мужчиной и женщиной, а современные носители русского языка – с семьёй. Эти данные позволили сделать вывод о высокой степени сходства русской и китайской языковых картин мира в плане представлений о любви при наличии некоторых определённых отличий.

Исследование русской и китайской языковой картины мира с целью выявления точек культурно-языкового соприкосновения двух народов через анализ концептов видится перспективным и весьма продуктивным направлением, однако в силу многочисленности и разнообразия имеющихся концептов ещё очень далеко от завершения и требует дальнейшего внимания исследователей.

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2008. 1268 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. С. 3–15.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс», 2008. 1328 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Истоки, 1999. 30 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2003. 60 с.
7. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
8. 图书在版编目(CIP)数据古代汉语字典: 彩色本/《古代汉语字典》编委会编·—2版(修订本)·—北京: 中华书局国际有限公司·2013.8 (2014.7重印) ISBN978-7-80103-898-2 I 1 古… II 1古… III 1 古汉语—字典IV 1 H163 中国版本图书馆CIP数据核字(2013)第111842号 (Древний словарь китайского языка), 2013. 1297 с.
9. 图书在版编目(CIP)数据新华多功能字典/商务印书馆辞书研究中心编·—北京: 商务印书馆·2005 ISBN 978-7-100-03694-8 I新… II商… III汉语—字典IV H163 中国版本图书馆CIP数据核字(2003)第002071号 (Многофункциональный словарь китайского языка), 2003. – 1219 с.

© А.В. Яськова, 2017

Для цитирования: Яськова А.В. Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 237–245.

For citation: Yaskova A.V. The concept «love» in Russian and Chinese language worldview // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 237–245.

Дата поступления: 01.03.2017.

А.Л. Кучеренко¹
Н.А. Коноплева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия.

Принципы практического использования испанского танца фламенко

В данной статье раскрывается соответствие структурных элементов феномена «дуэнде» функциям танца фламенко. Выделены следующие восемь основных функций танца фламенко: креативная, эстетическая, образовательная, коммуникативная, экспрессивная, функция поддержания физической формы, идентификационная, психорегулирующая. Особое внимание уделяется практическому результату, возникающему при соотношении данных функций и определенных элементов феномена «дуэнде». Практический результат понимается как развитие определенных умений, навыков и способностей исполнителя. Так, на основе креативной функции танца фламенко активизируется творческий потенциал личности исполнителя, эстетическая функция способствует развитию духовно-эстетических потребностей и чувства прекрасного, образовательная функция отвечает за расширение кругозора и эрудиции в области культуры и искусства, функция поддержания физической формы направлена на развитие пластики тела и снятие мышечных зажимов и т.д. На основе многолетних наблюдений и практического опыта авторами предлагается модель соотношенности структурных элементов феномена «дуэнде» и функций танца фламенко.

Статья опирается на материал предыдущих исследований, проведенных авторами. В частности, использованы данные модели структурных элементов феномена «дуэнде», акцентирующей пять составляющих данного феномена: воображение, вдохновение, эмоциональная отдача, импровизация и транс. Кроме того, используются результаты социологического исследования мотивационных факторов, побуждающих россиян к исполнению испанского танца фламенко. Таким образом, в статье танец фламенко рассматривается в различных аспектах с точки зрения его полезности для индивидуума, что отражено в модели, соотносящей вышеуказанные элементы феномена «дуэнде» с функциями танца фламенко, имеющей конечной целью практический результат.

Ключевые слова и словосочетания: танец фламенко, элементы феномена «дуэнде», импровизация, вдохновение, воображение, эмоциональная отдача, транс, функции танца.

¹ Кучеренко Анастасия Леонидовна – ст. преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и перевода Института иностранных языков, аспирант кафедры дизайна и технологий; e-mail: anasta_leon@mail.ru.

² Коноплева Нина Алексеевна – д-р культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий; e-mail: nika.konopleva@gmail.com.

A.L. Kucherenko
N.A. Konopleva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Principles of practical implementation of the flamenco Spanish dance

The given article reveals the correspondence of the structural elements of the «duende» phenomenon to the functions of flamenco dance. These eight basic functions have been defined as follows: creative, esthetic, educational, communicative, expressive, the function of physical shape keeping, identical and psychorelaxation. A special attention is given to the practical outcome emerging in the result of combination of the given functions and specific «duende» elements. The practical outcome is understood as development of specific skills and abilities of a performer. Thus, the creative function of flamenco dance fosters the extension of creative potential of a performer, esthetic function contributes to the development of spiritual and esthetic needs and uplifting sense of beauty, educational function stands for broadening of outlook in terms of culture and arts, the function of physical shape keeping contributes to the body flexion and reducing of muscular clenches etc. Based on the long-term observation and practical experience the authors suggest a model of correspondence between structural elements of the «duende» phenomenon and flamenco dance functions.

The article is based on the material of the previous researches conducted by these authors. Specifically, it encompasses the data of the «duende» structural model highlighting its five components: imagination, inspiration, emotional give, improvisation and trans. Also, it is based on the results of the sociological research revealing the motivation factors influencing the Russians to perform flamenco dance. Thus, flamenco dance is viewed from different perspectives in terms of its usefulness for a person which is reflected in the model of correspondence of the above-mentioned «duende» elements and flamenco dance functions having certain practical outcome as its eventual goal.

Keywords: flamenco dance, elements of duende phenomenon, improvisation, inspiration, imagination, emotional give, trans, dance functions.

По мнению ряда исследователей (Э.И. Королевой, В.В. Ромма, В.В. Козлова, С.Ф. Карабановой, М.Я. Жорницкой и др.), архаичный танец всегда служил хранилищем культурных ценностей и своеобразной моделью социокультурных процессов, происходящих в этносах. Со временем танец трансформировался в комплексный социокультурный феномен повседневности с присущими ему социальными функциями. Проведенное нами исследование демонстрирует, что народный танец фламенко на современном этапе выполняет восемь основных функций: идентификационную, экспрессивную, креативную, эстетическую, образовательную, функцию поддержания физической формы, коммуникативную и психорегулирующую.

Танец фламенко зародился в XV веке в испанской провинции Андалусии в результате межкультурного взаимодействия: испанской, цыганской, мавританской,

еврейской и других культур, каждая из которых оставила свой след в его формировании. Опираясь на мнения исследователей (Эль Монте Анди, Пуиг Клараунт, Клименте Симорра и др.), можно сделать вывод, что изначально в искусстве фламенко выражался протест против культурной дискриминации некоторых вышеперечисленных народов, проживающих в Андалусии XV–XVI веков.

Для танца фламенко характерен «накал» страстей, яркая экспрессивность. Этот танец отличается тем, что он требует особого духовного состояния исполнителя, которое он проявляет в своем танце – «дуэнде» – дух танца, присутствие которого демонстрирует чувства подлинности и драматизма. «Дуэнде» в испанском фольклоре означает «домовой», «дух» [6]. В искусстве фламенко «дуэнде» обозначает внутреннюю энергетику исполнителя. Выражение «No tiene duende» (в нем нет огня) полностью перечеркивает артистическую карьеру исполнителя фламенко [1, с. 25].

В результате проведенного исследования разработана структурная модель феномена «дуэнде», обоснованы следующие его элементы: воображение, творческое вдохновение, эмоциональная отдача, импровизация и транс, взаимосвязанные в циклическую последовательность. При сочетании этих компонентов возникает феномен «дуэнде», определяющийся своеобразной реакцией зрителей – катарсисом. Воображение служит для создания художественного образа танца, причем импульсом для воображения зачастую служит музыкальное сопровождение. Вдохновение придает исполнителю состояние эмоционального и духовного подъема. Эмоциональная отдача дает возможность выразить «крик души», глубокие чувства и эмоции исполнителя. Импровизация придает подлинность исполнению танца фламенко, рождает у зрителя ощущение, что фламенко – это нечто «живое и искреннее». Состояние транса, которое часто отражается на лице исполнителя, концентрирует его на внутренних переживаниях, обостряет восприимчивость к ритму, музыке, повышает способность гипнотического влияния на зрителя.

Необходимо отметить, что структурные элементы феномена «дуэнде» тесно связаны с функциями танца фламенко, имеющими своей конечной целью определенный практический результат. Модель, представленная на рисунке, демонстрирует практическую значимость, достигаемую при переживании исполнителем состояния «дуэнде». Каждая из функций, которую несет танец фламенко, соответствует определенному элементу феномена «дуэнде». В свою очередь, выражение данного элемента «дуэнде» в процессе танца способствует достижению конкретного результата в виде развития у исполнителя требуемых навыков, умений, способностей, эстетического восприятия, психоэмоциональной разрядки и проч.

Так, креативная функция танца активизируется преимущественно такими элементами феномена «дуэнде», как воображение, вдохновение, способствующими импровизации исполнителя и развитию его творческого потенциала, раскрытию креативных способностей. Репрезентируя эстетическую функцию феномена «дуэнде» в танце фламенко, воображение и вдохновение обуславливают развитие чувства прекрасного у исполнителя.

Несколько по-иному воображение и вдохновение активизируют образовательную функцию танца фламенко, расширяя кругозор и эрудицию исполнителя в области культуры и искусства. Воображение в комплексе с импровизацией раскрывает коммуникативную функцию танца, давая возможность исполнителю проявить с помощью танцевальной экспрессии аффекты, скрываемые за сокровенными мыслями, идеями и чувствами, часто неподдающиеся вербальному выражению.

В свою очередь, импровизация в комплексе с таким структурным элементом феномена «дуэнде», как эмоциональная отдача, обеспечивает проявление экспрессивной функции танца фламенко, способствуя «выплеску» накопившейся энергии, выражению глубоких чувств, а также переживанию нового эмоционального опыта, проявлению такого высокого коммуникативного уровня, как игровой, столь необходимых для эмоциональной свободы личности.

Кроме того, элемент импровизации играет важную роль в поддержании физической формы исполнителя, являющейся неотъемлемым результатом танца фламенко, развития телесной пластичности и снятия мышечных зажимов.

Такие структурные элементы феномена «дуэнде», как эмоциональная отдача, импровизация и транс, в совокупности способствуют реализации идентификационной функции танца, помогая исполнителю расширить границы своей культурной, национальной, гендерной самоидентичности, а также удовлетворить потребность в сопричастности интересам группы и чувстве эмоциональной защищенности.

Иное действие оказывает сочетание импровизации и транса, демонстрирующих проявление психорегулирующей функции танца, способствующей психологической перестройке и релаксации исполнителя в результате вхождения в измененное состояние сознания. Рассмотрим данные функции и их взаимосвязи более подробно.

Так, суть креативной функции заключается в творческом преобразовании окружающей действительности [3, с. 13]. Для исполнителя фламенко креативность означает то, что он сам творит танец от начала и до конца, являясь не только исполнителем, но одновременно и хореографом, и автором сюжета танца, и костюмером. Творческий процесс создания танца активно включает воображение, посредством которого зарождаются у исполнителя образы и идея танца; вдохновение, наполняющее эти образы содержанием и встраивающее их в единую сюжетную линию; и, наконец, импровизацию, являющуюся элементом любого творчества и воплощения задуманного в зрелищное действие на сцене. Стоит заметить, что подобный процесс создания танца активизирует другие творческие способности. Прежде всего, активно развиваются музыкальный слух и чувство ритма. Постепенно «пробуждается» весь творческий потенциал личности: человек начинает творить, создавать что-то новое в области искусства, профессиональной сфере, бытовой и т.д. Так творчество активно входит в жизнь человека, становясь для него естественным образом жизни. Согласно результатам анкетирования, рассмотренным в статьях указанных выше авторов, для 50% респондентов старшей

возрастной группы как наиболее мотивированной это свойство танца фламенко оказалось максимально значимым (рисунок).

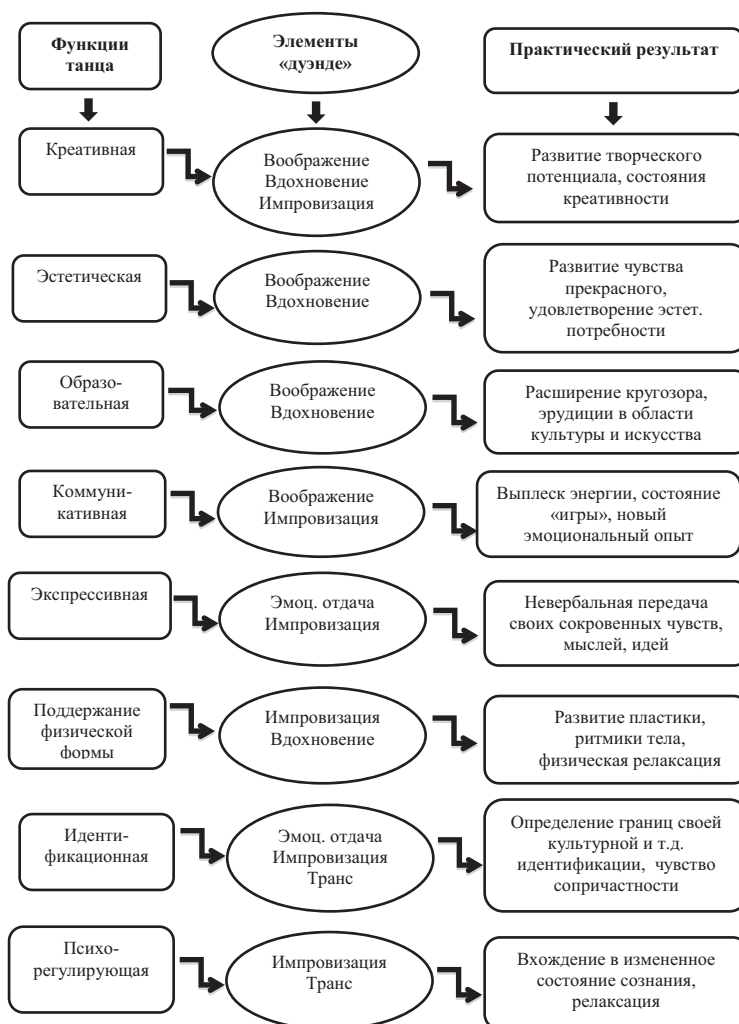

Рисунок. Модель соотнесенности структурных элементов феномена «дуэнде» и функций танца фламенко

С точки зрения эстетической функции танец рассматривается как зрелищное и вместе с тем гармоничное действие, в котором степень красоты определяется грациозностью и ритмичностью движений, экспрессивностью музыки, яркостью костюмов и аксессуаров исполнителей. Именно эстетическая функция танца обуславливает его неизменное присутствие на всевозможных праздниках и парадах. Танец пробуждает естественную эстетическую потребность личности в красоте, гармонии, симметрии и ритме [3, с. 360]. Благодаря воображению и вдохновению появляется возможность удовлетворить данную потребность. Таким образом, у исполнителя танца фламенко, а также зрителя формируется эстетический вкус,

развивается чувство прекрасного, ритмически четкое, энергетически наполненное, ярко и контрастно оформленное. Чувство прекрасного – это созданный воображением гармоничный, идеализированный образ реальных явлений, который с помощью вдохновения выражен в идее танца. Согласно результатам исследования 60% респондентов старшей возрастной группы придают наибольшее значение данной функции танца фламенко.

Образовательная функция танца формирует общий культурный уровень личности, расширяя кругозор в области культуры и искусства и способствуя дальнейшей инкультурации личности. Посредством занятий танцем фламенко и благодаря активному участию воображения исполнитель получает доступ к новым знаниям. Он узнает о некоторых периодах истории Испании, глубже понимает менталитет цыганской нации, усваивает музыкальный размер и ритм, познает физические и духовные возможности своего собственного тела и т.д. Все это становится возможным благодаря элементу вдохновения, при котором человек оказывается увлеченным данным видом танца и с легкостью усваивает информацию, так или иначе связанную с ним. По результатам анкетирования 50% респондентов старшей возрастной группы признали наибольшую важность образовательной функции танца фламенко.

Следует отметить, что коммуникативная функция присуща танцу в целом и обусловлена тем, что танец служил первым символическим языком человечества, являясь также способом передачи знаний и опыта, средством общения между людьми и группами. Древний человек посредством танца осуществлял двустороннюю коммуникацию со своими богами [2].

Для осуществления данной функции в танце фламенко активно задействован такой структурный элемент «дуэнде», как воображение исполнителя, создающее ментальные образы, мысли, идеи, подлежащие передаче зрителю, а также импровизация, обеспечивающая воплощение данных идей на физическом уровне посредством ритмопластического языка танца [5, с. 25]. В танце фламенко коммуникация между исполнителем и зрителем сводится, главным образом, к необходимости сотворчества и соучастия, что влечет за собой понимание зрителем феномена «дуэнде» и возникновение катарсиса. Согласно результатам исследования 52% респондентов старшей возрастной группы придают наибольшее значение данной функции танца.

Экспрессивная функция танца связана с тем, что, будучи изначально разнообразностью игры, танец предполагает свободное выражение эмоций и чувств. Однако в данном случае это имеет ценность не столько в коммуникативном аспекте, сколько в аспекте самовыражения, помогая исполнителю «выплеснуть наболевшее», выразить определенные стороны своей личности посредством танца [5, с. 90]. Данная функция танца широко используется в танцевально-двигательной терапии, способствуя психологической коррекции. В танце фламенко экспрессивная функция способствует реализации таких элементов феномена «дуэнде», как эмоциональная отдача и импровизация: эмоционально насыщенные переживания исполнителя передаются в танце посредством импровизации. В результате подобного «выпле-

ска» энергии и эмоций происходит значительное обогащение эмоционального опыта, наступает эмоциональная разрядка и обновление, закрепляется позитивный настрой, повышается уверенность в себе, что значительно меняет привычный взгляд на жизнь. Снимая напряжение, индивидуум решает длительно существующие индивидуальные психологические проблемы. Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что экспрессивная функция танца фламенко важна для всех групп испытуемых: 63% респондентов старшей, 56% младшей и 54% средней возрастных групп придают большее значение данной функции.

Функция поддержания физической формы активизирует телесное начало, рассматривая танец как определенный вид физической нагрузки, имеющий своей целью улучшение физического здоровья и физической формы исполнителя. Применительно к танцу фламенко данная функция репрезентирует такие структурные элементы «дуэнде», как импровизация и вдохновение. Импровизационные движения в танце активно задействуют различные отделы мышечного корсета, снимая в них напряжение, придают пластичность корпусу, а также укрепляют мышцы ног и рук, развивают координацию в пространстве. Вдохновение придает исполнителю энергетический импульс, благодаря чему работа над своим телом из монотонного и утомительного занятия превращается в удовольствие. Благодаря данной функции внешний облик исполнителей танца фламенко, как правило, отличается ровной осанкой, отточенными движениями, хорошей координацией, исчезновением мышечных зажимов. Данная функция танца фламенко нашла наибольшую поддержку у 61% респондентов старшей и 57% респондентов средней возрастных групп.

Идентификационная функция, присущая танцевальной культуре в целом, обусловлена тем, что танец изначально использовался в целях самоопределения, под которым подразумевалась принадлежность к определенной этнической группе, племени или полу. Так, для членов общности характерна единая совокупность взглядов, интересов, ценностей, определяющих самосознание и поведение индивидуумов, что формирует чувство принадлежности к одной культурной группе [4, с. 23]. Данная функция танца также реализуется в танцевально-двигательной терапии, способствуя формированию желаемого образа «Я». Применительно к танцу фламенко можно утверждать, что занятия им способствуют более успешной социализации людей, сближая исполнителей по духу, объединяя их в группу единомышленников. Тем самым удовлетворяется актуальная для личности потребность в сопричастности интересам группы (аффилиации). Для раскрытия идентификационной функции в танце фламенко активно используются эмоциональная отдача, что позволяет по-новому почувствовать границы своего «Я», импровизация, воплощающая новые образы «Я» посредством свободы танца, а также транс, обеспечивающий проникновение в новые образы. В результате формируется определенный характер личности, свойственный культуре фламенко – самодостаточный, уверенный в себе человек, с чувством собственного достоинства, сильной харизмой и неизменно успешный. Данное свойство танца фламенко воспринимают как важное 73% респондентов старшей возрастной группы.

Психорегулирующая функция танца фламенко обеспечивает снятие психического и физического напряжения, релаксацию. Танец в данном случае является путем к внутреннему освобождению. Эта функция обращает как исполнителя, так и зрителя к изначальным инстинктам, архетипам коллективного бессознательного, образам подсознания. Минуя рациональный уровень осознания, танец воздействует на глубинные слои психики. Посредством импровизации и транса он высвобождает скрытые бессознательные импульсы и комплексы, раскрывает внутренние резервы и потенциалы личности исполнителя [4, с. 110]. Для танцевально-двигательной терапии психорегулирующая функция является ключевой. В танце фламенко данная функция реализуется также в виде гипнотического влияния, которое танцор оказывает на зрителя, завораживая его проявлением феномена «дуэнде». При этом сам исполнитель находится в состоянии транса, четко следуя сложному, постоянно меняющемуся ритму музыки фламенко. «Полет орла» – такую метафору используют сами исполнители фламенко при описании подобного состояния. Для того, чтобы по достоинству оценить значение психорегулятивной функции, требуется достаточно большой опыт исполнения танца фламенко, причем обязательно с переживанием состояния «дуэнде». Учитывая определенные барьеры в выражении феномена «дуэнде», лишь 18% респондентов старшей возрастной группы отметили эту функцию как наиболее значимую.

1. Анди Э.М. Фламенко: тайны забытых легенд. М.: Мусалаев, 2003. 183 с.
2. Жиленко М.Н. Танец как форма коммуникации в социокультурном пространстве: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2000
3. Каган М.С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972. 184 с.
4. Козлов В.В., Гиршон А.Е., Вереминко Н.И. Интегративная танцевально-двигательная терапия: монография. М., 2005. 286 с.
5. Goulet I. Learning to Become Dancing Musicians: Flamenco Dancers Going Global / A Thesis in the Department of Sociology and Anthropology, Concordia University. Montreal, Canada, 2007. 126 p. URL: <http://spectrum.library.concordia.ca/975430/1/MR34439.pdf>
6. Real Academia Española, Diccionario de la lengua española, 23.ª ed. Madrid, 2014.

© А.Л. Кучеренко, 2017

© Н.А. Коноплева, 2017

Для цитирования: Кучеренко А.Л., Коноплева Н.А. Принципы практического использования испанского танца фламенко // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 246–253.

For citation: Kucherenko A.L., Konopleva N.A. Principles of practical implementation of the flamenco Spanish dance // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 246–253.

Дата поступления: 09.02.2017.

Требования к оформлению статей

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» публикуются бесплатно.

Тематика статей, публикуемых в журнале, соответствует следующим отраслям науки согласно Государственному рубрикатору научно-технической информации (ГРНТИ):

- 06.00.00 Экономика. Экономические науки;
- 10.00.00 Государство и право. Юридические науки;
- 11.00.00 Политика. Политические науки;
- 24.00.01 Теория и история культуры;
- 20.00.00 Информатика.

Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса». После утверждения рукописи к печати автор(ы) подписывают лицензионный (авторский) договор между редакцией и автором (авторами) и направляют его электронную версию в редакцию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант рукописи направляется по адресу электронной почты vestnik_vgues@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Бумажный вариант рукописи предоставляется в редакцию научного журнала. Почтовый адрес: 690014, ул. Гоголя, 41, каб. 1341, г. Владивосток, Приморский край, Россия.

Основные требования

Бумажный и электронный варианты рукописи, предназначенной для публикации, должны быть идентичными и обязательно содержать следующие данные:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);

- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail) для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес и контактный номер телефона;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова и словосочетания (на русском и английском языках) (не более 12);
- список литературы (оформляется в виде нумерованного списка пристатейных источников в конце статьи). Вначале в алфавитном порядке приводятся русскоязычные источники, затем – иностранные. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в строгом соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Заполнение всех перечисленных пунктов является обязательным для принятия статьи к публикации в научном журнале.

Требования к аннотации и структуре статьи

Аннотация

Аннотация (200–250 слов) в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы следует описывать предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- **Введение** (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- **Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.**
- **Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.**
- **Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости** (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- **Выводы и научная новизна.** Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну, полученных выводов, их дальнейшего использования и т.п.
- **Список литературы** включает только используемые в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники. Содержит только рецензируемые источники. Оформляется в алфавитном порядке.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение. Для научной полемики следует обращаться к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не следует наполнять научную статью цитатами из материалов газет, популярных журналов, интернет-сайтов, ссылками на высказывания по телевидению. Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению для публикации.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 20 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 1,25 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см, ориентация – книжная).
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках. Допускается размещение формул в формате рисунков (JPEG, EPS).
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации!
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.

Научное издание

**Территория новых возможностей.
Вестник Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса**

2017, № 1

[Том 9]

Научный журнал

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций 30 октября 2008 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-33974

ISSN 2073-3984

Дата выхода в свет 31 марта 2017 г.

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik_vgues@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л.Е. Стрикаускас

Ответственный секретарь Л.А. Харитонова

Корректор М.А. Шкарубо

Компьютерная верстка Л.А. Харитонова

Дизайн обложки Ю.А. Лакиза, Т.Ю. Малышенко, Л.А. Харитонова

Подписано в печать 22.03.2017. Формат 70 x 100/16.

Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 19,09, уч.-изд.л. 19,45.

Тираж 200 экз. Заказ

Цена на территории РФ свободная

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41